

А. И. АЛЕКСЕЕВ

ЛЮБОВЬ, АМУР, СЧАСТЬЕ

Адмирал Г. И. Невельской
(1813—1876)

КАМЧАТСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

КАМЧАТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

А. И. АЛЕКСЕЕВ

***ЛЮБОВЬ,
АМУР,
СЧАСТЬЕ***

ПЕТРОПАВЛОВСК-КАМЧАТСКИЙ
2003

ББК 26.89(9)

А47

Алексеев А. И. Любовь, Амур, счастье. — Петропавловск-Камчатский: Изд-во КамчатГТУ, 2003. — 195 с.

Книга посвящена выдающемуся русскому мореплавателю адмиралу Геннадию Ивановичу Невельскому, знаменитому исследователю, трудами которого Приамурский край вошел в состав России. В ней прослеживаются основные этапы его биографии от первых детских впечатлений до последних лет жизни и творчества.

Особое место отведено истории знакомства Невельского с будущей супругой Екатериной Ивановной Ельчаниновой, их удивительно чистым, доверительным отношениям и большой любви, всю жизнь сопровождавшей эту пару.

Издание предназначено для любителей истории российского флота, истории и географии Дальнего Востока.

Редактор С. В. Гаврилов

**Книга издана на средства камчатской
торговой компании «Топ-склад»
Камчатское отделение Русского Географического общества
выражает искреннюю благодарность частному предприни-
мателю Сергею Николаевичу Кушнареву за помощь
в издании этой работы.**

ISBN 5-328-00041-2

© А. И. Алексеев, 2003

К ЧИТАТЕЛЮ

Уважаемый читатель! Ты держишь в руках книгу, написанную известным историком Александром Ивановичем Алексеевым. Ее главными героями являются русский мореплаватель, путешественник, исследователь Дальнего Востока адмирал Геннадий Иванович Невельской и его супруга Екатерина Ивановна Невельская, в девичестве Ельчанинова. Многолетние поиски и глубокие исследования, основанные на архивных источниках, позволили автору воссоздать основные события из жизни действующих лиц, их подвигах и большой любви, полно, ярко и целостно представить давно ушедшую эпоху. В работе прослеживается судьба не только потомков Невельских, но и многих участников Амурской экспедиции 1849—1855 гг., результатом которой стало присоединение Приамурья к России.

Выдающийся русский историк В. О. Ключевский как-то отметил, что в жизни ученого человека биографические факты — это его книги. А. И. Алексеев оставил большое рукописное наследие, значительная часть которого еще не опубликована. Над страницами предлагаемой тебе книги ученый работал последние годы жизни. Она стала своеобразным итогом его многолетних трудов, значительную часть которых заняли исследования истории отечественного освоения бассейна реки Амур. В первую очередь работа предназначена для молодого поколения.

Судьба ее необычна. План-проспект этой историко-документальной художественной повести был подготовлен еще 6 декабря 1986 г. По замыслу автора, ее объем должен был составить около тринадцати авторских листов. Первоначальным сроком предоставления рукописи в одно из столичных издательств определялся октябрь 1987 г., но болезнь автора, его занятость на основной работе — в Институте истории АН СССР — не позволили выдержать его. В результате рукопись была завершена к 31 июля 1988 г., а ее объем сократился до девяти авторских листов. Ряд организационных и финансовых неурядиц привел к тому, что работа смогла увидеть свет только много лет спустя и весьма ограниченным тиражом.

О причинах этого сам автор сообщал следующее: «Очень жаль, что все написанное сейчас не издается. Больше того, книга, пролежавшая

в издательстве ровно пять лет, возвратилась ко мне в виде той же посланной рукописи — нет бумаги, невыгодно. Печатают что угодно, всякую пошлятину, но только не рукописи, которые не приносят миллионных доходов. Вот такие дела. Успокаиваю себя тем, что когда-нибудь настанут лучшие времена, и рукописи мои будут изданы. Подумать только — рукопись о Невельском, Казакевиче, Муравьеве-Амурском и других ни одному издательству, в том числе и дальневосточным, сейчас не нужна, а раньше отрывали из рук. Вот что творится. Будем уповать на Бога».

К сожалению, «лучшие времена» не наступили и спустя десятилетия после того, как были написаны эти горькие строки.

«Любовь, Амур, Счастье» — первая книга А. И. Алексеева, вышедшая на Камчатке. Супруга Александра Ивановича, Любовь Ивановна Алексеева, после смерти мужа передала рукопись для опубликования камчатскому краеведу Т. А. Шубиной. Возраст и состояние здоровья Л. И. Алексеевой уже не позволяют ей самой активно заниматься вопросами книгоиздания.

Александр Иванович называл жену своей спасительницей, хранительницей и личным секретарем. Так оно и было. Любовь Ивановна помогала ему вести переписку, ездила и работала с ним в архивах разных городов. Л. И. Алексеевой особенно дорого все, что связано с именем мужа. И Камчатку она любит так же, как любил ее Александр Иванович. Потому, наверное, она и отдала рукопись в руки камчатских краеведов. Отдала безвозмездно, с единственным условием, чтобы после выхода работы ей были высланы несколько ее экземпляров. Теперь для нее одним из самых главных, самых важных дел стало то, чтобы законченные рукописи мужа были опубликованы и дошли до людей.

Длительная подготовка к изданию завершилось летом 2003 г. Книга пришла к читателю благодаря работе членов Камчатского отделения Русского Географического общества. На общественных началах выполнены: компьютерный набор текста (Т. А. Шубина), редактирование и изготовление издательского макета (С. В. Гаврилов). При редактировании рукописи сохранен «живой» авторский стиль.

А. И. АЛЕКСЕЕВ

(8 марта 1921 г. — 27 мая 1993 г.)

Александр Иванович Алексеев — выдающийся ученый-исследователь, известный географ и историк освоения Дальнего Востока, Камчатки и Русской Америки, историк русского Тихоокеанского флота, доктор исторических и кандидат географических наук. Ученого по праву называют летописцем Дальнего Востока, им написано и издано более сорока книг. Он — ветеран Балтийского и Тихоокеанского флотов, Почетный гражданин города Советская Гавань.

А. И. Алексеев родился в селе Щурово Борисоглебского района Ярославской области. Его деды и прадеды жили на Ярославщине, он хорошо знал своих предков, так как считал своей обязанностью и долгом хранить родословную и передать ее по наследству. Неординарные память и ум, богатырские здоровье и стать — наследственные черты рода Алексеевых, которые в полной мере унаследовал Александр Иванович. С детства он не только мечтал о путешествиях и дальних плаваниях, но и готовился к ним. Особенно ему хотелось увидеть Арктику. В пятнадцатилетнем возрасте он был готов поступить в морское училище: перечитал все, что смог достать о кругосветках, морских сражениях, великих мореплавателях, даже раньше закончил школу для того, чтобы поскорее попасть в Военно-Морской флот. Но первая попытка стать курсантом провалилась: при приеме в военные училища существовали возрастные ограничения, поэтому пятнадцатилетнего юношу туда попросту не взяли.

Но все же его мечты осуществились. Сначала он закончил ленинградское Высшее Военно-Морское училище имени М. В. Фрунзе (1938—1941 гг.), а после Великой Отечественной войны — гидрографический факультет Военно-Морской Академии кораблестроения и вооружения имени А. Н. Крылова (1947—1950 гг.). Военно-морское училище имени М. В. Фрунзе (ныне Корпус Петра Великого) — старейшее учебное заведение России, бывший морской кадетский корпус, из стен которого вышли многие великие мореплаватели, среди них и адмирал Г. И. Невельской, жизнь и судьба которого особенно интересовали А. И. Алексеева на протяжении всей его жизни.

Учиться А. И. Алексеев любил, ему одинаково легко давались и точные, и гуманитарные науки. За оригинальность мышления его выделяли преподаватели, а блестящая память была предметом легкой зависти сокурсников. В ближайшем будущем курсантов ждали

настоящие морские походы, возможно открытия, если бы не разразившаяся в 1941 г. Великая Отечественная война.

С ее первых и до последних дней Александр Иванович находился на фронте. Училище он заканчивал в Астрахани, путь к которой лежал через огненную Ладожскую дорогу. Осенью 1941 г. он отбывает в действующую армию, в морскую пехоту, где находился в составе 66-й отдельной морской стрелковой бригады. Воевал на Карельском и Северо-Кавказском фронтах, участвовал в Сталинградской битве и обороне Ленинграда. Был дважды ранен, получил очень тяжелую контузию, сопровождавшуюся потерей речи. После излечения в Ульяновске в госпитале № 999 А. И. Алексеев был направлен на курсы усовершенствования начальствующего состава при родном военно-морском училище, эвакуированном в Баку. Здесь он учился на картографическом отделении, а в 1943 г. получил назначение на должность старшего редактора Северо-Западного картографического издательского производства Гидрографического Управления ВМФ.

Дорога в блокадный Ленинград вновь лежала через огненную Ладогу. В сентябре 1944 г. А. И. Алексеев, желая попасть в родную стихию, на море, подает рапорт о переводе на Балтийский флот. С этого времени по ноябрь 1947 г. он служил на гидрографических судах Балтийского флота: «Рулевой», «Боцман», «Секстан», «Барограф». Менялись корабли, менялись должности: старший помощник, командир корабля, штурман отряда. Днем и ночью несли боевую вахту военные корабли на Балтике, воды которой были напичканы минами. Ежедневная работа по тралению мин была не только сложна, но и крайне опасна, поэтому напряжение не покидало моряков ни на минуту. Долгожданный День Победы 1945 г. А. И. Алексеев встретил в Ленинграде.

После Балтики его военная служба продолжалась на Тихоокеанском флоте. На Дальний Восток, в г. Советскую Гавань, он пошел после окончания академии, заняв должность старшего офицера гидрографического отдела Северо-Тихоокеанской флотилии. Здесь за пять лет службы Александр Иванович познал нравы Охотского и Японского морей, избородил, по его словам «исползал», прибрежные воды этих морей, в особенности Татарский пролив и лиман Амура. Он хорошо знал не только Охотское побережье, где выбирал места для установки маяков, но и биографии первооткрывателей этих мест. В его каюте всегда находили место исторические книги о русских, английских, испанских и голландских мореходах. Непреодолимое желание подробнее узнать о судьбах соотечественников, совершивших мировые гео-

графические открытия и основавших дальневосточные порты, привело его к исследовательской работе. Моряку не давала покоя история порта и города Советская Гавань. Ответы он искал в исторической литературе, делал запросы в десятки архивов, все свои отпуска проводил в архивах Хабаровска, Иркутска, Томска, Москвы, Ленинграда. Вскоре стали публиковаться его ранние научно-исследовательские работы, а в 1955 г. в Хабаровске вышла первая книга «Н. К. Бошняк и открытие Советской Гавани».

Серьезное увлечение А. И. Алексеева историей освоения Дальнего Востока началось в годы учебы в академии, а служба на Тихоокеанском флоте окончательно определила круг его будущих научных интересов. В 1956 г. из-за боевых ранений ему пришлось оставить военную службу (он получил вторую группу инвалидности). Отныне делом всей его дальнейшей жизни станут научно-исследовательская работа в области дальневосточной истории и географии, литературная деятельность. После демобилизации в звании капитана 3-го ранга А. И. Алексеев с семьей переезжает в Москву. Как перспективного научного сотрудника его пригласили в Институт истории СССР Академии наук СССР. А. И. Алексееву тридцать пять лет. За плечами определенный литературный опыт, умение работать в архивах, знание военно-морского дела и иностранных языков (он знал английский, немецкий и испанский языки, легко читал старославянскую скоропись XVII—XVIII веков), впереди — множество идей и творческих планов.

В 1958 г. выходят его книги «Охотск — колыбель русского Тихоокеанского флота» (г. Хабаровск), «Братья Шмалевы» (г. Магадан); в 1959 г. опубликованы работы «По таежным тропам Сахалина» (г. Южно-Сахалинск), «Адмирал Нагаев» (г. Магадан); в 1961 г. — «Ученый чукча Николай Дауркин» (г. Магадан). Секрет такой работоспособности заключался в умении правильно ставить вопросы и находить на них точные ответы, в способности анализировать и сопоставлять факты. Наверное, была в этом и некоторая доля везения. А вот беречь и ценить время научила флотская служба. В 1959 г., через три года после ухода с флота, он защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата географических наук, темой которой стали «Русские географические исследования Берингова, Охотского и Японского морей в XIX в.».

Примерно с 1961 г. Алексеев начинает работать над темой освоения устья Амура. Значимость этой работы была такова, что в 1970 г. он стал доктором исторических наук, защитив во Владивостоке

диссертацию «Амурская экспедиция 1849—1855 годов». Для него это событие имело особенное значение еще и потому, что он стал первым «владивостокским» доктором исторических наук. По материалам, собранным в ходе работы над этой диссертацией, автор позже написал серию книг, посвященных Амурской экспедиции.

Дальний Восток и Русская Америка — звенья одной исторической цепи. Исследование и освоение этих территорий имеют тесную взаимосвязь. К началу 1970-х гг. А. И. Алексеев собрал достаточный объем материала, чтобы приступить к работе над заветной темой. О своем пристрастии к Русской Америке историк писал: «Исподволь, мучительно долго, в течение, по крайней мере, десяти лет, сначала оупью, а затем более уверенно, подходил я к облюбованной теме — судьбе исконно русских земель на Тихом океане и в Северной Америке. Мне хотелось показать в доступной каждому читателю форме всю историю исследования и освоения русскими людьми Алеутских островов, Аляски, Тихоокеанского побережья Северной Америки, вплоть до Калифорнии. Показать внутреннюю жизнь Русской Америки, рассказать о простых людях, едва ли не каждодневно совершавших подвиги во славу России».

По признанию Алексеева, он «с самого начала своей научной деятельности в сердце своем носил историю российского Дальнего Востока и особенно историю Русской Америки». Конечно, ему хотелось хотя бы раз увидеть своими глазами те места, о которых писал. Но попасть на Аляску в годы «железного занавеса» было делом безнадежным. И даже когда его книга «Судьба Русской Америки» была издана на английском языке в США и Канаде, он не мог и мечтать о том, чтобы побывать в этой самой Русской Америке, историю и географию которой знал так же хорошо, как и свою Москву.

Со временем идея организации научной экспедиции в Русскую Америку становилась реальной. Но все же ждать ее осуществления пришлось долго. Только спустя тридцать пять лет, когда историку с мировым именем уже исполнилось семьдесят лет, он, наконец, увидел страну своей мечты. В июле и августе 1991 г. состоялась тихоокеанская экспедиция «Русская Америка — 250», посвященная 250-летию юбилею плавания пакетботов «Святой Петр» и «Святой Павел». В этой экспедиции Алексеев возглавлял научную часть, находясь на флагманском судне «Академик Ширшов». Утверждению проекта экспедиции, а затем ходу ее подготовки, конечно, помогли его имя и авторитет. Но, по выражению самого Александра Ивановича, «одно-

му Богу известно, сколько сил и энергии потрачено на осуществление этой идеи. Зато и радость встреч была великой». В его архиве хранятся различные материалы и документы о работе экспедиции, многочисленные сувениры и фотографии. Но из большого рукописного материала, названного автором «Тридцать пять лет и четыре часа», посвященного этой экспедиции, он успел опубликовать только одну статью (журнал «Русская Америка» за 1993 г.).

Легенды ходили не только про поразительную работоспособность ученого, но и про его уникальный архив. Он хорошо известен отечественным специалистам. В него вошли материалы, профессионально и скрупулезно собиравшиеся в течение более сорока лет, в которых нашли отражение история, география, гидрография, картография северной части Тихого океана и Русской Америки, всего Дальнего Востока, в том числе строительство БАМа. Прежде всего, здесь хранится богатейший картографический материал; многочисленные выписки из документов архивов бывшего СССР; переписка с учеными, учреждениями, партийными и общественными организациями с 1950 г. Особую ценность представляют систематизированные личные фонды Н. Н. Муравьева-Амурского, Г. И. Невельского, П. В. Казакевича (по словам ученого, «этот фонд практически не публиковался и почти не использован исследователями»), И. Ф. Лихачева (командующего Тихоокеанской эскадрой), фонд Русской Америки. Здесь собраны не только архивные материалы, но и адреса потомков первооткрывателей, живущих ныне в России и за ее пределами. Личный фонд Г. И. Невельского — одного из любимейших персонажей Алексеева — является уникальным собранием материалов, связанных с деятельностью прославленного адмирала и его сподвижников, окружением мореплавателя и его семьей.

Самостоятельной частью архива являются фотокопии, микрофильмы, коллекции портретов и фотографий, охватывающие практически всех исследователей Дальнего Востока, северной части Тихого океана и Русской Америки. В фонды собрания также входят авторские рукописи всех книг и личная библиотека.

Значимость архива в том, что Алексеевым впервые созданы персональные фонды многих выдающихся исторических личностей. Материалы для них собраны воедино из разных хранилищ страны. Возможно, что со временем алексеевский архив послужит основой, на которой будет создано специализированное собрание документов и материалов о выдающихся деятелях Дальнего Востока. После смерти

ученого его собрание, пополненное личными документами исследователя, стало достоянием Государственного архива Сахалинской области (г. Южно-Сахалинск).

Несмотря на большую загруженность на основной работе, ученый всегда находил время для общественной деятельности. Александр Иванович был членом различных ученых Советов и Ассоциаций, везде успевая активно работать. Он входил в правление Ассоциации путешественников СССР, являлся членом Ученого совета Московского филиала Географического общества СССР. Его архивом пользовались историки, литераторы, краеведы не только из Москвы, но и исследователи, приезжавшие с Камчатки. А. И. Алексеев никогда и никому не отказывал в консультациях. До самой смерти он неизменно и аккуратно поддерживал дружеские рабочие отношения с архивами, музеями, библиотеками дальневосточных городов, был в курсе краеведческой работы на местах, вел обширную переписку, нередко сам приезжал на Дальний Восток. Александр Иванович не раз бывал и в Петропавловске-Камчатском.

При жизни А. И. Алексеева было опубликовано в различных научных, научно-популярных, художественных изданиях более трехсот работ, свыше сорока книг по истории Дальнего Востока и Русской Америки. Четыре из них вышли в США, Канаде, Франции, две — опубликованы на молдавском и чукотском языках. Эти книги показывают историю географических открытий, процессы формирования населения, характеризуют особенности развития экономики исследуемых территорий, то есть раскрывают сущность их освоения. Труды ученого посвящены истории гидрографических исследований дальневосточных морей и северной части Тихого океана, а также морей Восточного сектора Арктики. Заслуженным вниманием читателей пользуются научные биографии мореплавателей Ф. П. Литке, Г. И. Невельского, Г. А. Сарычева, Н. К. Бошняка, составляющие золотой фонд серии «Научно-биографическая литература». Александр Иванович автор многих рецензий и юбилейных статей.

Историк открыл новые, ранее неизвестные, имена русских подвижников, верой и правдой служивших России. Среди них препаратор И. Г. Вознесенский, мореплаватели А. Ф. Кашеваров, И. Ф. Васильев, братья В. и Т. Шмалевы, ученые Н. В. Слюнин, К. И. Богданович, И. П. Толмачев и многие другие. Сегодня многие работы ученого являются для нас единственными источниками исторических знаний. Его ранние работы давно стали библиографической редкостью. Твор-

чество ученого высоко ценили отечественные и зарубежные коллеги. Академик А. П. Окладников писал: «Его книги представляют собой ценный вклад в историю и историческую географию не только нашей страны, но и всего Тихоокеанского бассейна».

А. И. Алексеев был замечательным рассказчиком и повествователем. По шутливой характеристике друзей, он был «умен, талантлив, могуч, везуч, да еще и историк». Историки «проживают» часть своей жизни в прошлых веках. Потому они свободно, в подробностях излагают ход давно прошедших событий, показывают их причины, делают выводы. Так они открывают ушедшие эпохи своим современникам. Александр Иванович показал нам историю освоения Тихоокеанского бассейна.

Кроме серьезных научных монографий, А. И. Алексеев писал книги, которые можно отнести к научно-популярному или художественному жанру. Их язык выразителен, ярок, понятен широкому кругу читателей. Поколения любителей отечественной истории 1950—1970 гг. выросли на этих работах, ими буквально зачитывались, они переходили из рук в руки. Блестящая подача материала мгновенно увлекала читателя в историческое прошлое. Именно благодаря работам этого талантливого исследователя и писателя в краеведение пришли многие и многие исследователи со всей страны. Последним по времени выпуска является второе издание работы «“Якоря помалу травить”». Так начинался Владивосток», напечатанное во Владивостоке в 2000 г.

Богатейшее наследие А. И. Алексеева еще предстоит изучить, но уже сейчас совершенно бесспорно, что оно всегда будет являться отправной точкой для исследователей будущих поколений.

Т. А. Шубина

ОТ АВТОРА

Позволяю сказать от себя несколько слов в напутствие начинающим читать эту книгу. Можно принять их и за своеобразную аннотацию к ней. Книга, которую Вы раскрываете или уже раскрыли, предназначена для юношей и девушек, особенно для тех из них, которые не только «прошли» или «проходят» географию и историю в школах, училищах, техникумах, но тех, которые любят странствовать, узнавать, познавать свою родную страну. Страну великую, удивительную, прекрасную, такую милую и гордую, строгую и величественную и красоты неописуемой. Каждый уголок Родины по-своему красив, в каждый влюбляются и в каждом навечно оставляют свои сердца молодые люди.

А в этой книге Вы прочтете о Дальнем Востоке, для многих еще и сейчас таинственном. Я долго жил там, бываю и сейчас, и признаюсь, что с каждым посещением люблю этот край все больше и сильнее. А в книге я расскажу правду о том, как начиналась русская жизнь на Амуре, в Приамурском крае, расскажу о чистой, святой любви Геннадия Ивановича Невельского и Екатерины Ивановны Ельчаниновой, их жизни на Амуре, об их товарищах, о действиях Амурской экспедиции, состоявшейся в середине прошлого столетия (XIX века. — *Ред.*), результатом которой в конце концов стало присоединение огромного края к России.

Хочу подчеркнуть еще раз, что в книге читатель не найдет ни одного слова вымысла, что автор не навязывает своим героям свою речь: они пишут, действуют и иногда говорят только так, как это было на самом деле. Ибо за них говорят многочисленные архивные документы, материалы, личные письма, официальные распоряжения, донесения, отчеты, карты, фотографии и еще многие и многие документы, найденные автором за тридцать пять лет работы над историей тех событий, которые проходили на Дальнем Востоке в середине XIX столетия.

И ЕЩЕ: ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ

Для юношества всегда были и остаются путеводными вехами жизни замечательных людей. Несомненно, одним из таких героев является Геннадий Иванович Невельской — мореплаватель, ставший адмиралом, путешественник, исследователь Дальнего Востока.

Действуя вопреки мнениям европейских авторитетов, часто на свой страх и риск, он с помощью преданных сослуживцев восстановил историческую справедливость, подтвердил и научно обосновал сведения, дошедшие со времен В. Д. Пояркова, Е. П. Хабарова, О. Степанова и других русских землепроходцев и мореходов XVII столетия. Следовательно, он утвердил и приоритет русских людей в том, что Сахалин — остров, а не полуостров, о чем говорили старые китайские карты, сведения Ж. Ф. Лаперуза, У. Р. Браутона и И. Ф. Крузенштерна. И река Амур не теряется в песках своего лимана, а доступна для плавания морских судов, и вход в нее возможен как с севера, так и с юга.

Невельской не остановился на полпути: он настоял на организации специальной, названной Амурской, экспедиции, во главе которой сам и был поставлен. В течение 1850—1855 годов эта экспедиция, ее активные участники — офицеры, чиновники, матросы, казаки, местные жители — произвели первые значительные гидрографические исследования Амура, его лимана, Приамурья и всего Сахалина, а также южной части Охотского моря, включая часть Шантарских островов. Повсюду была описана местность, которую нанесли на карту.

Первым русским населенным пунктом в этих краях стало селение Петровское, устроенное на продуваемой всеми ветрами кошке залива Счастья (так назвал Невельской бывший залив Искай). Ниже я скажу, что ранними русскими поселениями на Амуре были долго там стоявшие Албазин, Солдатское, Покровское, Игнашино и другие. Расскажу и об их судьбе. После такого рассказа яснее станут действия Невельского и его доблестных сподвижников. За Петровским зимовьем последовало основание других русских военных постов: Николаевского, Александровского, Мариинского, Ильинского, Константиновского, Муравьевского.

Действия Амурской экспедиции, возглавляемой Г. И. Невельским, горячо, всемерно, на самом высоком уровне поддержанные генерал-губернатором Восточной Сибири Н. Н. Муравьевым, явились краеугольным камнем в деле присоединения Приамурья и Сахалина, а затем и Приморья к России. Они привели, в конце концов, к подписанию

в 1858 и в 1860 годах равноправных, взаимовыгодных русско-китайских Айгунского и Пекинского договоров, имевших чрезвычайно важные последствия для России и Китая.

Невельскому в нашей стране поставлено двенадцать памятников, находится в стадии оформления памятник в городе Кинешме, в городе Солигаличе Костромской области открыт мемориальный музей его имени, именем адмирала названо Высшее инженерное мореходное училище во Владивостоке. Особый диплом имени Г. И. Невельского установлен Приамурским (Хабаровским) филиалом Русского Географического общества, именами Невельского и его сподвижников называют корабли, улицы, города, поселки. Их имена несут многие географические объекты. Они любимы и почитаемы на Дальнем Востоке. Центром сбора материалов о Невельском и его сподвижниках стали краеведческие музеи во Владивостоке и в Южно-Сахалинске. Много для увековечения памяти мореплавателя делается в Советской Гавани, но хочется ждать большего от музеев Хабаровска, Николаевска-на-Амуре и древнего исторического Охотска.

Хотелось бы порассуждать еще и на такую тему. Кто у нас знает, что в XVII веке на Амуре были установлены и долгое время действовали Усть-Стрелочный пост, Кумарский острог, Усть-Зейский пост, Албазин и другие русские военные посты и селения. Где их следы? Знают ли об этом жители этих мест сегодня, знают ли об этом историки, краеведы? А знать это надо, обязательно надо. И не только знать, но и обозначить хоть каким-нибудь памятным знаком те места, куда впервые пришли наши предки...

И еще чуть-чуть. Все годы действия Амурской экспедиции вместе с Невельским была его жена, совсем юная Екатерина Ивановна Ельчанинова (Невельская). Она прибыла с ним в залив Счастья, в зимовье Петровское, жила в Николаевском и Мариинском постах. Она самым положительным образом влияла не только на солдатских и матросских жен, но и на местных жительниц. Тут, на Петровской косе, она похоронила первую дочь Катеньку, родила вторую — Оленьку.

Всего Екатерина Ивановна воспитала троих дочерей и сына, после смерти мужа издала его книгу, пережив Геннадия Ивановича всего на три года. Они всегда были вместе. Трудная, но и самая светлая их любовь, вспыхнувшая в Иркутске, пригласилась на залив Счастья и на широкий, привольный Амур. Отсюда — и название этой книги.

ГЛАВА 1. С АМУРОМ В СЕРДЦЕ

Поляна была широкой, заросшей травами и цветами. С нее открывался прекрасный вид на красивую речку и небольшое село Герасимово. Наверное, все так было и тогда, когда на опушке леса, на самом краю поляны стоял барский дом с дворовыми усадебными постройками. Теперь от имени в нескольких местах остались ямы-колодцы, заросшие и почти высохшие пруды, запрятавшиеся в зарослях кустарника. Кое-где можно угадать остатки фундамента и парковых дорожек аллей. Я ходил по остаткам усадьбы и думал: как же могло случиться, что из такой глуши шагнул в историю моряк, навсегда вошедший в судьбу русского Дальнего Востока и отечественного военно-морского флота?

Усадьба Невельских привольно располагалась в двадцати верстах от уездного города Солигалича Костромской губернии, на месте пустоши Дракино. Солигалич возник в связи с развитием соляного промысла — соляные варницы, располагавшиеся здесь, упоминаются еще в 1332 году — отсюда пошло и название. Сначала это были Соли Галицкие, так как промыслы находились на территории Галицкого княжества, центром которого являлся город Галич. Постепенно эти два слова соединились. Основание же Солигаличу было положено в 1335 году. Затем город был куплен Иваном Калитой и присоединен к Москве. При Василии Темном он вместе с Галичем окончательно вошел в состав Московского государства. А с 1778 года Солигалич становится уездным городом Костромской губернии.

Невельские — старинный дворянский род, обосновавшийся на Костромской земле в XVI веке при царе Иване IV (Грозном). В роду Невельских существовала легенда, что кому-то из них удалось спасти жизнь царю Алексею Михайловичу. Так вот, пустошь Дракино и была подарена этим царем основателю той ветви Невельских, к которой принадлежал и Геннадий Иванович Невельской. Первым Невельским, служившим на флоте еще при Петре I боцманом, стал Григорий Дмитриевич Невельской.

Большинство Невельских, как и другие дворяне в XVIII веке, начинали службу с того, что их в раннем детстве «записывали на службу» солдатами. Они выходили в отставку сержантами, прапорщиками и, реже, — в более высоких чинах. Прадед Геннадия Невельского, брат петровского боцмана, — Василий Дмитриевич — служил в кавалерии

и ушел в отставку вахмистром. А дед — Алексей Васильевич Невельской, родившийся в местечке Крутово в 1744 году, начав служить солдатом, офицерский чин получил также лишь при выходе в отставку. В возрасте семнадцати лет он был зачислен солдатом в лейб-гвардии Измайловский полк, и служил в нем до 22 октября 1769 года, когда по болезни был уволен в чине прапорщика.

Женившись на Марии Александровне Ахлябининой и получив некоторое приданое, Алексей Васильевич стал единоличным владельцем пустоши Дракино, выкупив ее седьмую часть, принадлежавшую соседу и дальнему родственнику И. С. Мичурину. А. В. Невельской с супругой имели троих сыновей и двух дочерей. Его старший сын Петр (1770—1823) от брака с Ольгой Михайловной имел троих дочерей — двоюродных сестер Геннадия — Марию (в замужестве Шигорину), Елизавету (в замужестве Лихареву) и Александру (в замужестве Воронову); сын Павел (даты жизни не выяснены) женат не был; сын Иван — отец нашего героя Геннадия. Дочь Анна вышла замуж за лейтенанта флота Якова Ивановича Шулепникова, дочь Екатерина была замужем за Иваном Никифоровичем Дурново.

Отец Геннадия Невельского — Иван Алексеевич Невельской родился в 1774, а умер в 1823 году. Он получил образование в Морском корпусе, из которого был выпущен мичманом в 1795 году. Служил во Второй эскадре Балтийского гребного флота, согласно принятым тогда правилам, каждую навигацию плавал на разных кораблях («Евсевий», «Двенадцать апостолов», «Саратов», «Екатерина», «Александр», «Автроил», «Константин») и по каким-то причинам, мною не выясненным, рано, в 1808 году, вышел в отставку в чине лейтенанта. А в 1810 году он женился. Вот с этого места надо рассказывать все подробно — теперь это уже часть биографии нашего героя.

В том же 1808 году братья: лейтенант флота Иван Невельской, капитан-лейтенант Петр Невельской и капитан Таганрогского пехотного полка Павел Невельской пришли к полюбовному соглашению, в результате которого Дракино стало собственностью Ивана, которому пришлось там строить себе новый дом, так как старый (по тому же соглашению) был разобран и перевезен в Крутово, доставшееся Павлу.

Женой Ивана Невельского стала представительница старейшего ярославского и костромского рода дворян — Феодосья Тимофеевна Полозова, дочь заседателя уездного суда Тимофея Михайловича Полозова и Аграфены Андреевны Тарбаевой, отец которой занимал в

уездном суде такую же должность. Не вдаваясь в детали семейных отношений с дальними родственниками, скажем о родных дядях и тетях Геннадия — детях Т. М. и А. А. Полозовых. Екатерина была замужем за Степаном Михайловичем Китаевым, морским офицером, участником Готландского, Эландского и Выборгского сражений в 1788—1790 годах, участником Отечественной войны 1812 года. Их дети — Егор и Константин — также стали морскими офицерами: первый участвовал в прорыве блокады Дарданелл в 1829—1830 годах, а второй — в обороне Кронштадта в 1854—1855 годах. Жили Китаевы всего в сорока верстах от Дракино. Анна Тимофеевна была замужем за Андреем Алексеевичем Дурново, отец которого — Алексей — был родным братом Ивана Никифоровича Дурново, женатого на тетке Геннадия Невельского — Екатерине Алексеевне Невельской. Иными словами, брат мужа тетки Геннадия Невельского по матери был женат на родной его тетке по отцу. Дальше, по мере необходимости, возможно, придется входить и в другие подробности, но сейчас закончим эту несколько утомительную, но необходимую часть нашего рассказа о Невельском такими выводами.

Самые ранние, детские годы Геннадия Невельского проходили в далеком костромском захолустье в поистине морской обстановке. Многие из моряков-костромичей и ярославцев знавали старшие Невельские, со многими они находились в родственных отношениях. Я только слегка приоткрыл завесу над этими отношениями, рассказав о близкой родне. Сделал это еще и потому, чтобы сказать, что в те времена весьма поощрялось такое родство — троюродные братья и сестры, не говоря уже о двоюродных, и даже более отдаленные родственники писали друг другу «любезный брат» или «любезная сестра моя». Это весьма помогало воспитанию патриотизма. Так, например, дальний родственник Гавриил Иванович Невельской, отличившийся в сражении у Наргена 11 июля 1808 года, капитан 1-го ранга, проживавший после отставки также на Костромской земле, также считался своим, близким...

В Государственном архиве Костромской области до пожара, случившегося в июле 1982 года, сохранилось свидетельство о рождении Г. И. Невельского. Вот оно: «1823 года января дня, мы нижеподписавшиеся, свидетельствуем, что из дворян, недоросль Геннадий, законный сын лейтенанта Ивана Алексея сына Невельского, действительно родился тысяча восемьсот третьего на десять года, ноября двадцать третьего числа, в сельце Дракино, крещен церкви села Богородского

священником Устином Андреевым, а при крещении восприемником был майор Григорий Петров сын Горталов. За смертью означенного священника Устина Андреева поступивший на место его села Богородского ризположенской церкви священник Григорий Семенов. Майор Григорий Петров сын Горталов».

Здесь как раз и надо рассказать об одном факте из биографии Г. И. Невельского. Речь идет о дате его рождения. Дело в том, что на надгробии на его могиле она высечена неверно — 1814 год вместо 1813. Я уже говорил об этом факте¹, но не сказать о нем еще раз в этой книге просто невозможно, хотя бы весьма кратко. Все дело заключается в том, что при поступлении в 1829 году Геннадия Невельского в Морской корпус по целому ряду причин, одной из которых, и видимо главной, было опоздание с подачей заявления, туда представили свидетельство о рождении, в котором указали число лет, устраивавшее корпус. В результате возраст Геннадия был уменьшен ровно на год. Год рождения 1814 перешел во все официальные документы Г. И. Невельского. Это нашло свое отражение и в надписи на надгробии. Правда, впоследствии Невельской называл свой правильный возраст, но повсюду почему-то сохранились и перекочевали во многие книги неверные, но зато официальные сведения о дате его рождения².

Раньше Геннадия родилась его сестра Мария — в 1811 году. Затем были Елизавета, умершая в раннем детстве, Ольга и Лариза (Лариса и даже Раиса, как иногда пишут даже в официальных документах) — погодки, появившиеся на свет в 1816 и 1817 годах. Последним был Алексей, родившийся в 1820 году. А кроме родных сестричек и маленького братца имелась еще целая группа двоюродных и троюродных, отцы или деды которых имели непосредственное отношение к военно-морскому флоту, — и все они проживали по соседству. Вот в таком окружении и прошло короткое детство Геннадия (иногда писали Енадия) Невельского, короткое, ибо с пятнадцати лет он навсегда расстался с домом, лишь иногда навещая родное гнездо.

Можно лишь по косвенным данным предполагать о том, как проходили эти годы. Вряд ли до поступления в Морской корпус Геннадий обучался в каком-либо учебном заведении, скорее всего, как и большинство дворянских недорослей своего века, он получил домашнее образование. Рассказы и чтения по морской истории и морской тематике, о морской службе вообще, конечно, преобладали в этом воспитании. Ведь совсем недавно было совершено первое русское кругосветное плавание под руководством Ивана Федоровича Крузенштерна

и Юрия Федоровича Лисянского. Когда сведения об этом докатились до Солигалича, то, наверное, родной дядя Петр Алексеевич Невельской вспомнил, что учился в Морском корпусе вместе с братом кругосветного мореплавателя Ананием Лисянским. Нам известно, что сестра Мария воспитывалась в пансионе А. А. Шиповой в Бельнове, который содержался для живущих поблизости дворянских деток. Но имени самого Геннадия в списках учившихся там не обнаружено.

Нет также сведений и о том, выезжал ли юноша Невельской до отъезда в Петербург, то есть до 1829 года, куда-либо далеко из родных мест. Конечно, по окрестным имениям Невельские ездили, наверное, часто бывали в Солигаличе, Галиче, Костроме, заезжали к своей многочисленной родне. С большой вероятностью можно предположить, что если при жизни отца и дяди Петра Алексеевича Невельского, умерших в 1823 году, ездили чаще к родным отца, то есть к Невельским, то после 1823 года, когда мальчику едва-едва исполнилось десять лет, стали ездить больше к многочисленной родне матушки — Полозовым. Впрочем, необходимо сказать — это моя догадка — что дедушка Тимофей Михайлович Полозов также скончался в том же злосчастном 1823 году. Мы не знаем подробностей оспенной эпидемии, так коснувшейся семьи Невельских и Полозовых, но можно предположить, что и сестренка Елизавета умерла в детстве от этого же. А если к этому добавить, что и лицо у самого Геннадия было рябым от перенесенной в детстве оспы (об этом свидетельствуют все), то выходит, что в такой догадке есть большая доля правды.

Но и после траурных событий оспенного поветрия в крае, мальчик Невельской нашел человека, который заботился о его воспитании и образовании так же, как это делали отец, дядя и дедушки. Им стал дядя по матери Петр Тимофеевич Полозов, проживавший поблизости от Дракино. Он родился в 1783 году, также учился в Морском корпусе, который окончил в 1802 году, был участником войны со Швецией в 1808 году. Выйдя в отставку, Петр Тимофеевич поселился в Солигаличском уезде. Сестра и брат были дружны, и маленький Геннадий, с детства готовившийся поступать в Морской корпус, много времени проводил у дяди, имевшего большую морскую библиотеку.

Кстати, и другой дядя по материнской линии — Иван Тимофеевич — также окончил Морской корпус. В 1812 году он служил на Черном море и умер от чумы во время войны с Турцией в 1829 году, не оставив наследства. Он часто бывал в родных краях. А в соседнем Галичском уезде проживал третий дядя — Василий Тимофеевич,

участник Костромского ополчения 1812 года. У него были дочери Анна и Екатерина — двоюродные сестры Геннадия.

Чаще всего Геннадия с другими детьми приходилось бывать в соседнем селе Лосево, где был приход и куда в церковь по большим праздникам ездили Невельские и Полозовы. На обычные церковные службы они отправлялись в рядом расположенные села Богородское или Герасимово. Мать Геннадия Феодосья Тимофеевна была податать другим деспотичным помещикам того времени. Мало было среди них таких, которые жалели бы своих крепостных, относились бы к ним как к людям. Наверное, и Невельской на примерах своей матери, родных, близких и соседей постигал несложную науку обращения с крепостными крестьянами, в которых они видели людей, обязанных одевать, обувать и кормить помещика.

Он был свидетелем того, как продавались, покупались и дарились крепостные. Наблюдал он и то, как на дворе секли розгами в чем-то провинившихся, по мнению помещика, крестьян. Зуботычины и подзатыльники доставались им на каждом шагу. Так, 16 сентября 1823 года двоюродная сестра Геннадия — Александра Петровна (дочь Петра Алексеевича Невельского), по мужу Воронова — продала своей бабушке всех крепостных из принадлежащей ей деревни Ескино. Продавали и дарили отдельных людей: 1 ноября 1834 года Мария Ивановна Невельская подарила своей сестре Ольге Ивановне крестьянина Никиту Пантелеева с женой Василисой и детьми. Той же Ольге Ивановне Невельской 1 мая 1835 года подарила «капитаньша Марья Тимофеева, дочь, вдова Китаева (то есть родная тетка по матери. — А. А.) — крепостного своего Костромской губернии Солигаличского округа сельца Запольского дворового человека Федора Михайлова — холостого, доставшегося мне по наследству от покойных родителей прапорщика Тимофея Михайловича и Аграфены Алексеевны Полозовых...»

Часто мать Геннадия Невельского изображают злой Сальтычихой, приводя в пример историю с крепостной девушкой Анной Никитиной, утопившейся, но не давшейся в руки Феодосье Тимофеевне Невельской. За это последнюю арестовали и начали против нее следствие. Кончилось дело тем, что ее дочь Мария Ивановна, вышедшая к тому времени замуж за кинешемского помещика отставного капитана 2-го ранга Павла Антоновича Купреянова, взяла свою мать на поруки и увезла ее на постоянное место жительства в Кинешму. Со временем сюда переместилось все гнездо Г. И. Невельского. Мать и сын стали

совладельцами кинешемской усадьбы, а позже Невельской купил себе еще несколько деревень и построил отдельную усадьбу в Заволжье — Рогозиниху.

Рассказал же я обо всем этом затем, чтобы напомнить читателям о суровой истории нашей Родины, о том времени, когда существовало крепостное право, а также для того, чтобы показать, что Невельской воспитывался в крепостнической семье. Он с малых лет знал, что он помещик, барин, имеющий неограниченную власть над крепостными. Он был сыном своего времени. Стремление же некоторых авторов показать, что Геннадий Невельской с детских лет выделялся гуманностью, и что он уже тогда не находил общего языка с деспотичной матерью, по меньшей мере, наивно.

Но вместе с тем Невельской рос в семье, насквозь пронизанной морскими традициями, в которой служение Отечеству связывалась чаще всего с флотской службой. И Геннадий был готов к ней с раннего детства. Костромская земля, столь богатая своим прошлым, подготовила его к морю. Получив блестящее по тому времени образование, став близким к царской семье, к высшему петербургскому обществу Г. И. Невельской во многом утратил замашки костромского помещика. Он стал одним из немногих передовых и гуманных офицеров, которые не позволяли допускать издевательств над матросами, вчерашними крепостными, хотя и не отказывался сам от розог, когда обстоятельства вынуждали его к этому. Невельской, повторяю, всегда оставался сыном своего века и отлично понимал, какая пропасть лежит между ним — офицером и помещиком — и матросом — вчерашним крепостным.

Как происходило зачисление Геннадия Невельского в Морской корпус, мы уже немного знаем. Нетрудно догадаться, кто провожал туда пятнадцатилетнего подростка — вероятнее всего им был дядя-моряк Петр Тимофеевич Полозов. Проводить его прибыла, вероятно, и вся близживущая родня. Маменька неустанно благословляла своего Енашу, давала советы на все случаи жизни, как вести себя, как деньги экономить, как почитать старших, кого из родственников в столице навещать и к кому обращаться в случае чего. Для obsługi и досмотра к Геннадию был, конечно, приставлен и какой-нибудь крепостной «дядька» — так уж тогда водилось.

Из Костромы в столицу, ежели не было особых дел в белокаменной Москве, чаще всего ездили северным путем. Впрочем, нам ничего неизвестно, как добирался Геннадий Невельской до Петербурга.

Знаем лишь, что он туда прибыл, и с помощью дяди Петра Полозова был помещен в Морской корпус. 8 апреля 1829 года директор корпуса вице-адмирал И. Ф. Крузенштерн (тот самый, который совершил первое русское кругосветное плавание) подписал приказ о зачислении Г. И. Невельского кадетом третьей роты. А первые дни, проведенные в Петербурге, очевидно, прошли в обществе двоюродной сестры Александры Петровны Вороновой (дочь Петра Алексеевича Невельского) и ее мужа, которые знакомили своего родственника с портом, городом, дворцами, крепостью на Неве.

Геннадий, еще в раннем детстве отличавшийся хорошими способностями, прекрасно начитанный, размышлял о предстоящей учебе в корпусе, о жизни в Петербурге, о Кронштадте, о Ревеле (Таллинне), мечтал о дальних плаваниях, о встречах с прославленными мореплавателями. Он обязательно, непременно увидит своего начальника, первого русского кругосветного мореплавателя Ивана Федоровича Крузенштерна, популярного «японского» пленника — строгого и умного исследователя дальневосточных морей Василия Михайловича Головнина, первооткрывателя Антарктиды Фаддея Фаддеевича Беллинсгаузена и Михаила Петровича Лазарева, ученого гидрографа и известного мореплавателя-исследователя Гавриила Андреевича Сарычева и многих других. А может быть, и самому удастся совершить «дальнюю» — так в те времена называли кругосветные плавания. А может быть, на его долю выпадет военно-морская слава. Такая, скажем, какая досталась героям Чесмы, Афонского и Наваринского сражений, битвы за Корфу, боев на Балтике. Имена Чичагова, Гейдена, Грейга, Спиридова, Лазарева и, конечно же, незабвенного Ушакова — пронеслись в голове Невельского и вызывали вихрь воспоминаний о прочитанных книгах, о героических рассказах Невельских-моряков.

Как ни старались по разным причинам уменьшить возраст Геннадия при поступлении в корпус, он все равно попал в первый возрастной разряд — самый старший, который находился в наиболее трудном положении, и на который распространялись все существовавшие ограничения. Чем старше был кандидат в кадеты, тем большие к нему предъявлялись требования об образовании и состоянии здоровья. «Потому предупреждаются родители, родственники и попечители, дабы не затрудняли себя, особенно из мест отдаленных, представлением в Корпус тех поименованных выше недорослей, которые или неблагоприятные подают надежды в своем здоровье, или, судя по возрасту, не имеют полноты сведений, какая требуется помянутыми

правилами, чтобы быть им принятым в комплект»³. Помните разговор о дате рождения Невельского? Вот тут-то, конечно, и сработала подделка — вместо 1813 года стал 1814, перешедший затем во все официальные личные документы и различные сведения о нем.

Для сравнения скажем, что, например, от кандидата 3-го разряда требовались «только знания первых правил арифметики и российской грамматики». И тут пригодились природная одаренность и прекрасная подготовка. Невельской много проигрывал другим кадетам своей внешностью: он был очень маленького роста — два аршина и три с четвертью вершка, то есть около 157 сантиметров, с лицом, испорченным перенесенной в детстве оспой. Несмотря на то что он не получил в детстве систематического образования, Геннадий с первых же дней захватил лидерство в учебе, показав себя более начитанным, более грамотным, чем его однокашники. Зато на строевых занятиях Невельской постоянно находился на левом фланге. Нехватку в росте кадет с успехом компенсировал прилежанием, горячностью, рвением, отменным знанием фронтовых упражнений и строевого устава.

Морской корпус был одним из привилегированных учебных заведений России. Это старейшее — оно и сейчас является таковым — в стране учебное заведение вело свое начало от Московской Навигационной школы. Навигационную школу основал Петр I, она долгое время размещалась в Сухаревой башне, варварски уничтоженной в 1930-х годах, в архитектуре которой просматривалась корабельная символика. С основанием Петербурга Навигационная школа переехала в северную столицу. Одно время она размещалась даже в Кронштадте, носила разные названия — Морская академия, Морской шляхетский корпус, а во времена Невельского — Морской кадетский корпус. Располагался корпус в бывшем доме графа Миниха на Васильевском острове, между 11-й и 12-й Линиями.

Иван Федорович Крузенштерн, первый русский кругосветный мореплаватель, был передовым морским деятелем. Его взгляды сказались и на деятельности возглавляемого им Морского кадетского корпуса, в котором преподавались предметы не только «до морского офицера относящиеся», но и широкий круг общеобразовательных дисциплин, к чтению которых привлекались видные ученые. Обучение проходило в два этапа: на кадетском и гардемаринском курсах.

Сначала изучались общеобразовательные предметы: физика, геометрия, алгебра, тригонометрия, география, артиллерия. К ним также относились Закон Божий, русский и французский языки, история.

Затем, в гардемаринских классах, предпочтение отдавалось специальным дисциплинам: корабельной архитектуре, навигации, мореходной астрономии, хождению и кораблевождению под парусами, морской съемке или гидрографии, морской геодезии, фортификации, военному судному праву. Регулярно преподавались французский и английский языки, причем последний был в постоянном обиходе, а первый больше предназначался для официальных приемов и светских разговоров. Обязательными были фронтовые учения или шагистика, как в то время называли их кадеты, а нынешние курсанты именуют строевыми занятиями. Шагистику преподавал мичман П. Баласогло, с которым позже Невельской оказался тесно связан. Но об этом чуть позже.

Трудно, очень трудно рассказывать о годах пребывания Невельского в корпусе, о каждом летнем плавании, о пребывании за границей. Все сведения об этом надо «выуживать» из документов, относящихся ко всему курсу, к различным событиям в целом, а в них, этих документах, весьма часто фамилия Невельского упоминается только в списочной численности. Поэтому я думаю, что читателям, наверное, будет интересно узнать о том, какова была общая обстановка на курсе, что видели и знали сначала кадеты, а затем гардемарины, те, кто учился вместе с Невельским, за что их наказывали.

Начнем с последнего. Итак, за что же наказывали кадетов и гардемарин? В книгах приказов по корпусу, в кондуитных списках ⁴ я отмечаю лишь некоторые из множества записей о нарушениях дисциплины. Вот несколько из них. 13 марта 1829 года кадеты Краббе, Тироль, Даценов на уроках читали сочинение Ф. Булгарина в журнале «Сын Отечества». 19 января 1829 года кадет Ленин 2-й был посажен под арест за грубость с дежурным по корпусу. 8 марта 1830 года учителя Лейман и Груздев записали об Аполоне Броневском, удалив его из класса: «Математике с давняго уже времени совершенно ничего не учится. И в Российской грамматике не учится, а от праздности только шалит». Таких или подобных записей существует множество.

И кого только не встретишь среди оштрафованных — и будущих министров, и кругосветных мореплавателей, и ученых! Бывало, что за неделю в кондуите отмечалось свыше тридцати нерадивых и семеро, выставленных из класса. Можно продолжить список примеров. Запись от 29 марта 1831 года: «Резервной роты кадета Левина за гнусный его поступок предписываю наказать примерно розгами и, одев в серую куртку, отправить в 3-ю роту, где г-ну капитану 2-го ранга Коростовцу вторично высечь его розгами и иметь за ним самый бдительный

надзор». А 19 декабря того же года гардемарины Домуховский, Десятов, Гагарин, Ердибенев и Зуев «пели в роте, и когда господин дежурный объяснил им, что сие неприлично, то они не только не убедились этим, напротив, продолжали пение гораздо громче и даже с криком. После же ужина, идучи фронтом из зала, многие из гардемарин шумели, а один из них — Ердибенев — произнес оскорбительное слово на лицо дежурного офицера». В результате все они были разжалованы в кадеты на год, и кроме того, посажены кто на пять, кто на десять суток под арест на хлеб и воду.

Кадетам разрешалось гулять только на Сахарном дворе корпуса. Но и там им доставалось от воспитателей. В связи с этим двором встретился мне и такой приказ: «Кадета 3-й роты Алеева, за то, что он нюхал табак (на Сахарном заводе. — А. А.), предписываю: при собрании роты наказать розгами». А гардемарина Гаврилова приказано было за грубость «против учителя Зарубина посадить под арест, где и содержать на хлебе и на воде впредь до приказа». Особенно ужесточились меры, отмеченные в этих приказах, в 1831 году в связи с эпидемией холеры, гулявшей по Петербургу. Общение воспитанников обоих классов с внешним миром было резко ограничено, но кадеты, по сути своей еще дети, не принимали этого близко к сердцу, почему наказания участились. Но Невельского, как и в 1830 году, в кондуит не записали ни разу.

Как уже указывалось, Невельской учился превосходно. С первого же дня он захватил лидерство в учебе — сказалось домашнее образование и начитанность. За эту начитанность, образованность и главное — любознательность, Невельской прочно обзавелся прозвищем «Архимед». Маленький, юркий, стремительный в движениях, горячий, он вечно что-то доказывал, что-то выпрашивал, постоянно с кем-то и о чем-то спорил. При производстве в мичманы Невельской сдал много книг, не потеряв ни одной, как это видно из огромной ведомости. Невельской, как это ни странно — ведь про его рассеянность современники рассказывали чуть ли не анекдоты — был очень аккуратен: он не потерял не только ни одной книги, но сдал все платки, галстуки и полотенца. За все годы учебы на него не было произведено ни одного денежного начета, в то время, как большинство его сверстников должны были выплатить различные суммы.

Нарушения дисциплины были более частыми у кадетов, что вполне объяснимо. Вчерашние мальчики, только что расставшиеся с маменьками и няньками, с трудом привыкали к самостоятельной и суровой

жизни. Невельскому же, воспитанному в более тяжелых домашних условиях и имевшему уже пятнадцать лет отроду, нацеленному всем семейным укладом на морскую деятельность и, следовательно, уже в значительной степени подготовленному к дисциплине рассказами родных и близких моряков, жесткие требования устава давались легче. Блестящие способности помогали ему быстро схватывать и усваивать услышанное и прочитанное, оставляя мало времени для проказ. У многих воспитанников в Петербурге жили родственники или хорошие знакомые. У них удавалось послушать и рассказы о 14 декабря 1825 г. — в те времена дело декабристов и суд над ними были еще очень живы в сердцах горожан: редкостью была дворянская семья, не имевшая хотя бы знакомых среди декабристов, смело вышедших в тот памятный зимний день на Сенатскую площадь. Воспитанники посещали театры, были в курсе светских новостей столичной жизни, читали стихи Пушкина, басни Крылова, рукоплескали искусству Истоминой, зачитывались в кофейнях, зачитывались повестями Гоголя.

Огромнейшее влияние на воспитанников имело то обстоятельство, что русские кругосветные плавания становились регулярными. Чаще всего они проводились под флагом Российско-Американской компании, официально образованной указом императора Павла I в 1799 году. Но по мере надобности некоторые корабли совершали такие вояжи под славным русским военно-морским Андреевским флагом. Совсем свежими были плавания и необычайные приключения в плену у японцев В. М. Головнина, плавание М. П. Лазарева на «Суворове», кругосветный поход О. Е. Коцебу на «Рюрик», экспедиции З. И. Понафидина, Л. А. Гагемейстера, последующие кругосветные путешествия. У всех на устах было плавание Ф. Ф. Беллинсгаузена и М. П. Лазарева, во время которого был открыт шестой материк — Антарктида. Только что завершилась экспедиция Ф. П. Врангеля на транспорте «Кроткий». Моряки ожидали возвращения М. Н. Станюковича и Ф. П. Литке из кругосветного похода на шлюпах «Моллер» и «Сенявин».

В эти годы велись большие работы по гидрографической описи морей, омывавших страну, по результатам этих исследований издавались книги. Появлялись новые учебники русских авторов, такие как «Теория и практика кораблевождения» П. Я. Гамалея, «Правила, принадлежащие к морской геодезии» и «Геодезические и гидрографические правила» Г. А. Сарычева. Выходили новые карты и описания.

Особенно возрос интерес к Арктике, к Дальнему Востоку, к Великому, или как чаще тогда называли его русские, — Восточному

океану. Образование Российско-Американской компании, имена Григория Ивановича Шелихова, Александра Андреевича Баранова, книга Г. А. Сарычева об астрономической и географической экспедиции под начальством И. И. Биллингса, затем книга самого Биллингса, сведения об экспедициях П. К. Креницина — М. Д. Левашова, рассказы о жизни и плаваниях в Русской Америке, наконец, книга и атлас самого И. Ф. Крузенштерна, а затем и труд Ю. Ф. Лисянского, плавания Джеймса Кука, Джорджа Ванкувера, Жана-Франсуа де Лаперуза, нашедшего свой печальный конец на атолле острова Ваникоро... У воспитанников корпуса захватывало дух от всего этого, они мечтали отправиться в дальние плавания...

Геннадий Николаевич читал, нет, он «глотал» эти книги. Все, что находилось, все, что появлялось об Арктике, о Дальнем Востоке, о Русской Америке, об Антарктиде. Герои этих свершений часто были рядом. Редкий день он не встречал Крузенштерна, не единожды видел Беллинсгаузена, знал, что, напротив, через Неву, в Адмиралтействе, сидит Сарычев — глава русской гидрографии, только что возвратился Литке...

Из книг и рассказов офицеров, побывавших в странствиях, Невельской уже знал, что есть много спорного, неясного не только в Арктике и в Антарктике, но и у наших собственных берегов на Дальнем Востоке, в Русской Америке. Сплошным белым пятном представлялись в то время устье и лиман Амура, полуостров Сахалин, сама река Амур, южная часть Курильских островов. Сомнения насчет истинности изображения на карте этого региона возникали у многих русских мореходов и людей, бывавших на Амуре в XVII веке, плававших там и в XVIII столетии, и в начале XIX века... Сомнений было слишком много, чтобы они выглядели простой легендой. Они возникли и у Невельского, несмотря на то, что там, в лимане, побывал Крузенштерн. Но у Геннадия Невельского не хватало смелости обратиться со своими мыслями прямо к адмиралу. Пока он читал и слушал. И чем больше он этим занимался, тем сильнее становились сомнения...

Вместе с Невельским учились Павел Кузнецов — будущий автор учебника по гидрографии, Николай Краббе — будущий военно-морской министр ⁵, Алексей Бутаков — будущий исследователь Каспийского и Аральского морей, Павел Казакевич — впоследствии выдающийся деятель гидрографии... В другой роте состояли Петр Казакевич — будущий сподвижник Невельского по плаванию на «Байкале» и государственный деятель на Дальнем Востоке в 1850—1860-х

годах, Степан Лесовский — будущий участник событий на Амуре и в Америке, а затем военно-морской министр. Мы узнаем и о других однокурсниках Невельского, заявивших затем о себе теми или иными важными делами.

Первое «оморячивание» кадеты прошли, можно сказать, сразу же — летом 1829 года, — когда они познакомились с Невской губой, побывали в Кронштадте. Это было плавание, во время которого Невельской «пощупал руками» настоящий корабль, почувствовал размеренную корабельную жизнь, подышал воздухом Балтики. А по окончании первого кадетского курса практика продолжилась уже на шхунах корпусной парусной эскадры. Кадеты учились морскому делу — вязать морские узлы, ставить и убирать паруса — наравне с матросами. Кронштадт, в котором на каждом углу все было пронизано морем, где запросто можно было поговорить с бывальыми моряками и встретить морских офицеров, благотворно влиял на воспитанников.

В это время внимание моряков было привлечено к завершению плавания военного шлюпа «Сенявин» под командованием опытного моряка и известного полярного исследователя Федора Петровича Литке. Невельской не упустил случая познакомиться с новостями этого плавания, весьма важного в научном отношении. Ведь Литке описал далекую Камчатку и таинственную Чукотку, открыл новые острова в Тихом океане, изучил Каролинский архипелаг, произвел интересные магнитные наблюдения и опыты над качанием маятника в различных углах Земли. Ему удалось подробно описать многие места Дальнего Востока — это Невельскому было особенно интересно. Как и другие юные моряки, он очень ревниво относился к совершаемым открытиям — а вдруг на их долю ничего не останется, все до них откроют и исследуют. Геннадий старался гнать прочь такие думы. Дальний Восток и Амур все больше овладевали им, входили в его сердце. Тем более что ни Крузенштерн, ни Головнин, ни Литке по разным причинам не дали ответа на загадку Амура и Сахалина. И он с еще большим рвением отдался учебе и чтению.

17 января 1831 года И. Ф. Крузенштерн произвел 37 кадет в гардемарины (оставшиеся 31 человек стали гардемаринами позже, 26 января 1831 года). В приказе по корпусу объявлялось, что «старшинство, в котором они следуют к производству (то есть к присвоению чина. — А. А.) основано на преимуществе балов (баллов. — А. А.) в науках, полученным каждым по всем предметам, и на среднем выводе балов поведения за истекший 1830 год. Таким образом, кто заслужил в

науках и в поведении 8 баллов, тот в общей таблице, из которой выведено их старшинство, получил число 12, составленное из полного числа баллов в науках и половинного в поведении. На сем основании выведено старшинство их по преимуществу познания и поведения, в следующем порядке»⁶.

И первое место в этом списке занимал Геннадий Невельской, у которого средний балл в науках равнялся 8,3, а за поведение — 12, итого — 14,3. Ближайший к нему Афанасий Горьев набрал 13,75 баллов. Замкнул список из 37 кадет, производимых в гардемарины, Всеволод Штенгель, получивший 9,95 баллов. Среди первых гардемарин набора 1829 года оказались также Иван Назимов, Леонтий Гильдебранд, Степан Остелецкий, Василий Розенберг, Андрей Венецианов, Роман Белли, Петр Бессарабский, Михаил Бухвостов, Николай Шульгин, Владимир Рылеев.

Гардемаринская практика в навигацию 1831 года проходила на Балтийском флоте. Невельской попал на корабль «Великий князь Михаил», которым командовал капитан 2-го ранга Ишкарин, а командиром группы от корпуса стал мичман Александр Зеленый. Будущие офицеры отработывали приемы морской описи, кораблевождения, астрономических определений, участвовали в артиллерийских учениях, за считанные секунды забирались по вантам и крепили паруса. За три летних месяца (с 26 мая по 20 августа 1831 года) новоиспеченные гардемарины успели повидать новые места. Они продолжительное время находились в Ревеле (Таллинне), посетили новый порт Либаву (Лиепая).

Вместе с Невельским в одной группе плавали Павел Кузнецов, Алексей Бутаков, граф Константин Толстой — отец будущего писателя, автора романа «Князь Серебряный», Петр Бессарабский — с ним Невельскому придется часто встречаться на Дальнем Востоке. В другую группу, проходившую практику на корабле «Эмгейтен», вошли Гавриил Безобразов, Николай Рудаков, Иван Изильметьев — с двумя последними Невельскому также придется иметь дела на Дальнем Востоке и на Тихом океане.

Практика, пролетевшая очень быстро, закалила гардемарин, получивших хорошие навыки в морском деле. Когда они возвратились в стены корпуса, то с усердием принялись за новые предметы, продолжая тщательно следить за морскими новостями. Наряду со специальными предметами, молодые люди много времени отдавали знакомству с историей географических открытий, исследований, которыми

оказалась так насыщена первая треть XIX столетия. Они стали современниками удивительных открытий русских мореплавателей в Тихом, Северном Ледовитом океанах и на крайнем Юге.

Совсем недавно Литке завершил четырехлетние плавание к Новой Земле по Белому и Баренцеву морям, описав северное побережье Кольского полуострова, значительную часть побережья Белого моря, сделав ряд важных открытий на Новой Земле. А немногим ранее замечательные мореплаватели Ф. Ф. Беллинсгаузен — участник первого русского кругосветного плавания и автор первой русской научной описи острова Сахалин, и М. П. Лазарев — будущий преобразователь Черноморского флота, открыли Антарктиду. Одновременно совершалось и плавание М. Н. Васильева и Г. С. Шипмарева на шлюпах «Открытие» и «Благонамеренный» в северную часть Тихого океана и в Чукотское море с намерением пройти северо-западным морским путем, то есть вокруг берегов Северной Америки из Тихого океана в Атлантический. З. И. Панафидин на корабле «Бородино» открыл в Тихом океане острова, получившие названия Бородино и Панафидина; Ф. П. Врангель, Ф. Ф. Матюшкин, П. Ф. Анжу, П. Т. Козьмин, П. И. Ильин и И. А. Бережных в это же время описывали северное побережье Сибири. О. Е. Коцебу во время своих кругосветных плаваний на «Рюрик» и «Предприятии» произвел океанографические исследования некоторых районов Мирового океана, особенно в северной части Тихого океана, открыв там новые острова.

Появились новые описания побережий, морей, островов, подходов к портам — лоции, самые современные атласы и карты. В 1823 году вышел «Атлас всего Балтийского моря» Л. В. Спафарьева, затем был издан «Атлас Южного моря» и описание к нему И. Ф. Крузенштерна, в 1825 году — появилась новая генеральная карта Каспийского моря, в 1826 году М. Ф. Рейнеке завершил опись Лапландского берега, в том же году увидел свет «Атлас северной части Восточного океана» Г. А. Сарычева. Большие и важные исследования провели Ф. П. Литке и офицеры шлюпа «Сенявин» в 1826—1829 годах.

К сожалению, 1831 год оказался и печальным для флота, для Петербурга, по которому прокатилась страшная эпидемия холеры. Умиравших едва успевали хоронить. По городу носились зловещие слухи о новых жертвах, на улицах горели костры, в которых сжигалось все, что хоть как-нибудь соприкасалось с заразой. Холера забрала двух славных русских адмиралов — Гавриила Андреевича Сарычева и Василия Михайловича Головнина...

Все эти, сыпавшиеся на головы гардемарин ошеломляющие новости, не могли оставить их равнодушными. Многие юные головы тревожились о том, что теперь на их долю не достанется никаких открытий. Такие думы приходили и к Невельскому, но он старался гнать их прочь. Нет, для него еще остается «белое пятно» — Амур и Сахалин!

В связи с эпидемией холеры были предприняты оградительные меры и в корпусе, в котором болезнь «скосила» несколько «нижних чинов». Поэтому из корпуса днем никого не выпускали: «Женщины, проживающие в корпусе чиновников (чиновничья прислуга. — *А. А.*), равномерно (также. — *А. А.*) не будут выпускаться за ворота после 10-ти часов утра, без билетов от их хозяев». О кадетах же и гардемаринах говорить не приходилось. Впрочем, большая их часть летом, на которое пришлось самая страшная вспышка холеры, находилась в плавании. Поэтому-то в приказе и отмечены лишь случаи смерти «нижних чинов», то есть унтер-офицеров и матросов, служивших в корпусе.

За примерные успехи в учебе и поведении Невельской был произведен в унтер-офицеры. Он преодолел первую ступеньку к офицерскому званию. Морская практика в навигацию 1832 года длилась с 23 мая по 6 августа. Уже в корпусе, являясь старшими гардемаринами, выпускники часто исполняли в нарядах и караулах офицерские обязанности, а во время морской практики они несли самостоятельную вахту под присмотром офицеров. Группой, в которую попал Невельской, командовал все тот же А. Зеленый, ставший лейтенантом. Размещалась группа на корабле «Кульм», которым командовал брат одного из первооткрывателей Антарктиды, капитан 1-го ранга Алексей Петрович Лазарев, совершивший на шлюпе «Ладога» в 1822—1824 годах кругосветное плавание.

На сей раз морская практика проходила в необычных условиях. Дело в том, что русская армия в Польше попала в затруднительное положение. В Данциг (Гданьск. — *А. А.*) из Кронштадта нужно было доставить сухопутную артиллерию, а обратно в Кронштадт перебросить часть русских войск. Всей этой операцией командовал Федор Петрович Литке, его помощником был Самуил Иванович Мофет. Упоминаем о них специально, потому что с обоими в дальнейшей Невельскому пришлось немало послужить вместе. По окончании операции «Кульм» крейсировал в Финском заливе.

С возвращением в корпус началась подготовка к выпускным экзаменам. В коридорах, учебных классах и спальнях комнатах царил постоянный оживленный возбуждение. В свободные часы Сахарный

двор гудел, как улей — здесь делились последними новостями, обсуждались всевозможные варианты вакансий офицерских должностей. Много разговоров ходило об офицерском классе, в который после окончания корпуса для продолжения учебы будут отбирать самых лучших. (На базе Офицерских классов впоследствии была образована Военно-Морская академия).

Государственные экзамены проводились публично. Вместо умершего Г. А. Сарычева председателем комиссии стал глава Морского Ученого комитета, генерал-лейтенант Иван Логгинович Голенищев-Кутузов. В состав комиссии входили известные ученые, адмиралы, офицеры, такие как геодезист, генерал-лейтенант Ф. Ф. Шуберт, академик А. Я. Купфер, академик П. Н. Фус, Н. И. Греч, А. Я. Кушакевич, инспекторы классов. Так получилось, что уже до сдачи выпускных экзаменов Геннадий Невельской узнал, что ему уготована приятная участь: продолжение учебы в Офицерском классе.

Дело в том, что в связи с решением об образовании класса предreshился и вопрос о его первых слушателях. Естественно, что заранее отбирали тех, кто больше других подавал надежды к научной и высшей командной деятельности. Специальная комиссия выбрала Аникиту Озерского, Павла Кузнецова, Геннадия Невельского, Егора Деденева, Владимира Гильдебрандта, Алексея Бутакова, Алексея Куницкого, Александра Станюковича, Степана Остелецкого и Никифора Глотова. 2 октября 1832 года И. Ф. Крузенштерн подписал приказ, в котором отметил, что «они подают несомненную надежду, что окажутся сего отличия весьма достойными, и я вполне уверен, что и комиссия при предстоящем испытании их в науках усмотрит, что они оправдывают такой выбор начальства».

Но выбор-то выбором и остается, а выпускные экзамены никто для отобранных не отменял — наоборот, кандидаты для продолжения учебы стремились достойно оправдать доверие начальства и пройти испытания как можно лучше. Это же желание владело и теми, кто не вошел в заветную десятку, но мог попасть в нее в случае неуспеха кого-либо из отобранных счастливыхчиков. Экзамены проходили со 2 по 12 декабря и в общем-то подтвердили выбор специальной комиссии. Наш герой, например, получил такие оценки (по двенадцатибалльной системе): Закон Божий — 12, астрономия — 11, навигация — 11, механика — 12, начертательная геометрия — 12, химия — 12, военно-судное право — 12, теория кораблестроения — 11, артиллерия — 11, фортификация — 11, история — 11, алгебра и конические сечения — 10,

геодезия и морская опись — 10, корабельная архитектура — 10, физика — 10, эволюция и практика — 9, русский язык — 9, французский язык — 3. Английский язык не проставлен. Надо полагать, что им морской офицер должен был владеть по долгу службы. Из приведенных оценок видно, что Невельскому лучше давались точные науки, хотя и историю, и Закон Божий к таковым не отнесешь. Ясно, что французскому языку в детстве он не обучался.

По существовавшей тогда системе подсчета старшинства, слагавшийся из баллов по учебным предметам, поведению и фронтовой службе, Невельской получил 254 балла. Он стал вторым (из 68 воспитанников) по учебным предметам, но зато девятнадцатым по фронтовым учениям и поведению. В результате он стал четвертым по выпуску после Озерского, Кузнецова и Глотова. Экзамены завершились «танцеванием». А затем наступили приятные хлопоты по шитью и примерке мундира и экипировке. Согласно положению о первичном обмундировании выпускников, в счет их жалования выделялось «на каждого по двести рублей, с вычетом в течение двух лет». Эта сумма предназначалась каждому независимо от роста. Получилось так, что у малорослого Невельского образовалась приличная экономия, а высокий Павел Казакевич, например, едва уложился в отведенную ему сумму.

А когда вчерашние гардемарины получили из швальни форму, то их, как молоденьких барышень, невозможно было оттащить от больших зеркал: то в мундире с эполетами и с кивером при полусабле в перчатках, то в сюртуке с погончиками, шеголяли они друг перед другом и перед зеркалами. 18 декабря новоиспеченные мичманы были представлены самому царю. По принятой традиции от выпускников речь держал лучший. Озерский завершил ее словами, звучавшими как «клятвенный обет, чтобы быть нам, в течение наступающей новой жизни, истинными ревнителями веры, верными сынами престола и отечества, и во всем достойными имени питомцев Морского Кадетского корпуса».

В приказе, подписанном 21 декабря 1832 года, объявлялось старшинство в выпуске, указывалось, в какие экипажи назначались мичманы. Невельской попал в 27-й флотский экипаж вместе с Николаем Плехановым и Владимиром Рылеевым. Летние компании они проводили на кораблях, а зимой — на занятиях. Кто мог, тот устраивался на частных квартирах, остальных ждали офицерские комнаты и офицерская кают-компания корпуса, но только, чтобы они «ни в коем случае не нарушали должностного порядка». Обучение в офицерских классах

продолжалось более трех лет. Здесь изучались высшая математика (дифференциальное и интегральное исчисление), картография, физика, астрономия, механика и вариационное исчисление, корабельная архитектура и теория кораблестроения, фортификация, российская словесность, другие предметы. Среди преподавателей были академики В. Я. Буняковский и М. В. Остроградский, известный кораблестроитель С. И. Бурачек (отец одного из основателей Владивостока Е. С. Бурачека), будущий академик Н. Г. Устрялов.

Но не только учеба занимала все время. Бывали интересные встречи с опытными моряками, известными мореплавателями. Чаще всего они проходили на еженедельных чаепитиях, которые Крузенштерн устраивал для молодых офицеров на своей квартире. Именно в эти годы Невельской стал целенаправленно и углубленно интересоваться Амуром и Сахалином, дальневосточными делами, интерес к которым «подогревал» и сам Крузенштерн. Из его слов выходило, что амурская и сахалинская проблемы не были решены до конца и что осталось большое водное пространство лимана Амура, включая и место предполагаемого перешейка или пролива Сахалина с материком, им не исследованное.

Тогда на всех картах мира Сахалин продолжал изображаться полуостровом, а река Амур — рекой, не имевшей выхода к океану, доступного для морских судов, рекой, теряющей воды в песках, намывных барах своего лимана. А что касается Сахалина, — несмотря на то что на всех старинных чертежах, картах русских мореходов и землепроходцев он изображался неизменно островом, на более поздних картах, начиная с появившихся в результате плаваний Ж. Ф. Лаперуза, У. Р. Браутона и особенно после исследовательских работ И. Ф. Крузенштерна, Сахалин также неизменно представлялся полуостровом, причем, в лучшем случае перешеек показывали «осушкой», то есть знаком, означавшим, что он при отливе высыхает, а при приливе погружается в воду.

На таких вечерах-чаепитиях шли бурные споры о будущем русского военно-морского флота, во всех тонкостях обсуждались перипетии Наваринского сражения и геройские действия командира флагманского корабля «Азов» М. П. Лазарева. Нередко можно было встретить тут же Ф. П. Литке, который писал книгу о своем плавании. Он теперь стал близок ко двору, царь избрал его воспитателем своего сына, великого князя Константина, предназначенного стать главой русского флота. За последние годы, как уже упоминалось, состоялись кругосветные

плавания Ф. П. Литке, В. С. Хромченко, Л. А. Гагемейстера. Ожидали возвращения В. С. Хромченко из второй кругосветки. Все ближе подбирались мореплаватели Сибирской флотилии и флотилии Российско-Американской компании к местам тайной мечты Невельского. Если П. И. Ильин описал побережье Камчатки от Авачинской бухты до мыса Шипунского, а А. К. Этолин — остров Атту и северные берега Нортובה залива, то П. Т. Козьмин вплотную подошел к лиману Амура, описав Шантарские острова и юго-западную часть Охотского моря, открыв при этом острова Кусова и Прокофьева.

Морская летняя практика слушателей офицерского класса проходила так. Офицеры назначались на корабли не только для приобретения практических навыков в несении корабельной и штурманской службы, но и с определенным кругом заданий, которые они были обязаны выполнить и осенью представить отчеты своим профессорам. В навигацию 1833 года (с 14 июля по 14 сентября) Невельской плавал на кораблях «Прохор», «Иезекиль» и «Помона», которыми командовали соответственно капитаны 1-го ранга Левендаль, Чистяков и Потемкин. Частая смена кораблей в то время практиковалась и была, очевидно, оправдана — офицер должен был знать особенности управления всеми кораблями флота. Плавание и учения проходили в Финском заливе, корабли базировались в Ревеле и Свеаборге (крепости при входе в современный Хельсинки).

В навигацию 1834 года Невельской все время находился на корабле «Кронштадт», входившим в эскадру контр-адмирала Платтера. Командовал им капитан 2-го ранга Замыцкий. Во время этих двух навигаций слушатели наряду с офицерами кораблей выполняли учебно-боевые задачи по управлению кораблем, отработывали методику артиллерийских стрельб. Особое внимание уделялось научной подготовке офицеров, знанию корабельной службы, гидрографическим работам, совершенствованию в иностранных языках, без знания которых морская служба немислима. Последняя практика (навигация 1835 года) проходила на фрегате «Венус» под руководством известного гидрографа Михаила Францевича Рейнке, близкого друга Павла Степановича Нахимова. Фрегат вначале ходил по маршруту: Выборг — Свеаборг — Ревель — Рига — Гангут, затем возвратился в Выборг. Во время длительного, интересного и разнообразного плавания слушатели отработывали методы гидрографических работ, уделяя особое внимание морской описи, промерным работам и астрономическим определениям.

28 марта 1836 года мичман Невельской успешно сдал экзамены за курс офицерского класса. Ему присвоили чин лейтенанта и назначили туда, куда он и мечтал — в эскадру контр-адмирала Федора Петровича Литке, на корабль «Беллона», под команду Самуила Ивановича Мофета. Но все это произошло чуть позже, а пока по окончании обучения все слушатели получили долгожданный отпуск и разъехались. Достоверно известно, что Геннадий Невельской провел его в родном Дракино и в его окрестностях. Все в его жизни с момента поступления в корпус складывалось хорошо, даже превосходно. Целых семь лет не видел Геннадий родины — целых семь! Уехал мальчиком, а появился мичманом, проучившемся не только в Морском корпусе, но и еще три года на каких-то высших Офицерских курсах. И теперь, после отпуска, ему предстояло производство в лейтенанты. Встречали его все родные, близкие и дальние. Восторгу матери и сестер не было предела.

Из новостей, ожидавших Геннадия были и две важных: Алексей поступил на военную службу, а Мария вышла замуж за кинешемского помещика, капитана 2-го ранга в отставке Павла Антоновича Купреянова. Это замужество связало узами родства семьи Невельских и Купреяновых. Среди последних необходимо отметить брата мужа сестры Ивана Антоновича Купреянова, участника плавания к Антарктиде вместе с Ф. Ф. Беллинсгаузеном и М. П. Лазаревым. Затем И. А. Купреянов долго служил на Дальнем Востоке и целое пятилетие был Главным правителем Российско-Американской компании, то есть хозяином Русской Америки. В дальнейшем пути Купреяновых и Невельских будут часто пересекаться и в Кинешме, и в Петербурге, но чаще всего — на Дальнем Востоке. Вполне возможно, что Невельской съездил и в Кинешму. Дальнейшие события подтверждают это. Но все проходит — закончилось и золотое время отпуска, во время которого матушка поговаривала о невестах, но Геннадий отшучивался, говоря, что моряку жена только в тягость, что жениться надо уже тогда, коль это так необходимо, когда собираешься переходить на берег...

Возвратившись в столицу через два месяца, 28 марта 1836 года, Невельской узнал, что теперь он лейтенант и назначен в эскадру Ф. П. Литке. Невельской, несомненно, был очень доволен, что попал служить под начало прославленного адмирала и мореплавателя, приближенного ко двору. Он понимал, что такое назначение поможет ему в осуществлении своих замыслов. Немаловажное значение имело и то обстоятельство, что на эскадре в течение навигации постоянно находился малолетний великий князь Константин. Под флагом контр-

адмирала Ф. П. Литке находились: флагманский фрегат «Беллона», корвет «Князь Варшавский», бриг «Патрокл», шхуна «Дождь» и тендер «Лебедь».

Сам Геннадий Иванович очень гордился этими годами. Он писал: «Я имел счастье служить с его императорским высочеством с 1836 по 1846 год на фрегатах “Беллона” и “Аврора” и корабле “Ингерманланд”; в продолжении этого времени семь лет был постоянным вахтенным лейтенантом его высочества. При вооружении корабля “Ингерманланд” в Архангельске был помощником его высочества, как старшего офицера. Во все время мы плавали под флагом Ф. П. Литке, а Ф. С. Дутковский был при великом князе».

Действительно, все эти десять лет, важных лет в жизни Невельского, он провел на мостиках флагманских кораблей эскадры: «Беллона», «Князь Варшавский», «Аврора». Разумеется, не нужно ни в коем случае думать, что великий князь Константин был бездарью и сам ничего не понимал или не хотел разбираться в морском деле, — напротив, Константин стал не только самым либеральным членом царской семьи, но и совсем неплохим моряком. Но он-то был в вахте Невельского, и тому нужно было постоянно не только смотреть за высокой царственной особой, но и научить его, минуя Морской корпус, всему тому, что он знал сам — и даже немного больше. Невельской постоянно находился на флагмане, а значит, обучая постоянно Константина, сам постоянно учился у таких опытных моряков, как Литке и Мофет.

Уже первые плавания на «Беллоне» с таким высоким начальством, и с еще более высочайшим подчиненным, Невельской провел с 26 мая по 3 сентября 1836 года, крейсируя, главным образом, в районе острова Борнхольм, и по-прежнему заходя для пополнения запасов и на отдых в Ревель, Свеаборг, Гангут. Зимовала эскадра в Кронштадте. Там же собиралось и большинство флотских балтийских офицеров, которые по установленной очередности ездили в Петербург. К сожалению, не сохранились документы о зимнем времяпрепровождении Невельского в эти годы. Можно догадываться о том, что он навещал родных и знакомых в Петербурге, наверняка бывал у Крузенштерна, помногу и часто сидел за книгами в Морской библиотеке и за картами в Гидрографическом департаменте, осмеливался стучаться к Ф. П. Литке, проводил время в беседах в офицерском собрании, не был чужд балов и веселых холостяцких пирушек.

Флагманским кораблем в плавании 1837 года была «Аврора», а значит, на нем были Литке, Мофет и великий князь Константин.

Следовательно, на Авроре оказался и Невельской, находившийся в одной вахте с великим князем. В плавании эскадры пребывала все лето — до 15 сентября, бывая в знакомых местах Балтийского моря — на острове Готланд, с заходами в Ревель, Балтийский порт и Свеаборг. В течение нескольких лет «Аврора» оставалась флагманом, поэтому у Невельского много воспоминаний связано именно с этим кораблем.

В навигацию 1838 года в составе эскадры находился и недавно вступивший в строй фрегат «Паллада», впоследствии увековеченный писателем И. А. Гончаровым, нашедший свое вечное пристанище на Дальнем Востоке в Императорской гавани (теперь Советской Гавани). Не мог даже и в мыслях своих представить низкорослый, с рябинками на лице, уже начинающий лысеть, юркий, активный, вездесущий лейтенант Невельской, что через полтора десятка лет участь «Паллады» будет решать вместе с другими и он — уже контр-адмирал. Плавание по Балтике, во время которого эскадра заходила в Либаву, на Аландские острова и Свеаборг, завершилось приятной неожиданностью (относительной, хотя, даже когда знаешь и ждешь, то все равно награда приходит неожиданно) в Кронштадте, где Невельской получил свой первый орден — Святого Станислава 4-й степени. Хотя это была обычная награда, дававшаяся в мирное время офицерам за отличную и усердную службу, но Невельской теперь был не просто морской офицер, а «флота лейтенант и кавалер». Это случилось 5 декабря 1838 года. А 25 декабря того же года лейтенант Невельской был переведен в 19-й флотский экипаж, где и состоял на всех видах довольствия, на учете и откуда получал официальные распоряжения о дальнейшем прохождении службы.

Компания 1839 года — с 13 мая по 7 сентября — отличалась от предыдущих тем, что вместо Ф. П. Литке, находившегося в отпуске, эскадрой командовал адмирал Л. П. Гейден. В плавании принял участие начальник Главного Морского Штаба адмирал Александр Сергеевич Меншиков (с ним Невельскому также придется впрямь часто иметь дела), внук знаменитого вельможи и баловня Петра I. Плавание продолжалось по-прежнему до острова Готланда с заходом в Виндаву, Свеаборг и Ревель. Возвратившись из отпуска Литке возглавил эскадру в 1840 году, после чего с 19 мая по 23 сентября Невельской плывал от Кронштадта до Киля с заходами на рейд Копенгагена и в Свеаборг уже под флагами Литке и великого князя Константина.

Интересной стала и навигация 1841 года, длившаяся около пяти месяцев, с 26 апреля по 11 сентября. Эскадра в составе фрегата «Аврора»,

корвета «Князь Варшавский» и брига «Казарский» под флагом Ф. П. Литке посетила Данию и Голландию. В Копенгагене моряки познакомились не только с городом, но и побывали в замке Гельсинор, Фридрихсберге, посетили Адмиралтейство. Во время визита в Исторический картографический архив моряки к своей гордости, радости и всемерному удовольствию обнаружили немало старинных русских карт. В Голландии они совершили путешествие по этой небольшой, но красивой стране: им показали дорогой для каждого русского домик Петра I в Саардаме, моряки побывали в Амстердаме. Во время пребывания в городе Лейдене, Литке с офицерами, среди которых был и Невельской, познакомились с исследователем Японии Ф. Ф. Зибольдом, книга которого вышла незадолго перед этим, и, вероятно, была знакома Невельскому. Год для него завершился вполне благополучно: 6 декабря 1841 года он получил второй орден — Святой Анны 3-й степени.

Следил, и очень ревниво следил Геннадий Невельской за всеми событиями, которые так или иначе доходили до него с Дальнего Востока. Чрезвычайное впечатление произвели на него сведения из книги Зибольда о том, что японцы Могамы Токунай и Мамия Риндзоо предприняли лодочные плавания. Причем, якобы на месте помещавшегося на картах перешейка между Сахалином и материком, они нашли воду — во всяком случае, на своих мелкосидящих лодках Риндзоо удалось пробраться с юга в лиман Амура и дойти даже до его устья. Это сообщение, как говорят, еще больше подлило масла в огонь нетерпеливости молодого офицера. Но твердо и уверенно он ждал своего часа. В конце концов, лодка или джонка — это не морской корабль. Она может воспользоваться и приливом, чтобы войти в лиман, но вот чтобы морской транспорт не только вошел в лиман, но чтобы он среди отмелей разыскал в нем судоходные фарватеры, которые привели бы его в устье Амура — вот это цель, это мечта, которой стоило посвятить жизнь. И он читал, искал сочинения, карты, составлял проекты своего будущего путешествия. Был у него и единомышленник, можно сказать, соратник по мечте. Он появится в нашем повествовании чуть позднее.

А пока, по окончании навигации 1842 года, Г. И. Невельской получил отпуск сроком с 15 сентября 1842 по 15 января 1843 года. На сей раз мы достоверно знаем (это подтверждается сохранившимися в Ивановском областном архиве документами), что Невельской не только побывал в Дракино, Солигаличе, Лосеве, Костроме, но пожил некоторое время и в Кинешме. События разворачивались следующим образом.

Как уже упоминалось, его сестра, Мария Ивановна вышла замуж за П. А. Купреянова и переехала жить в Кинешму к мужу. 22 мая 1842 года по договоренности и, наверное, по настоянию матери Ф. Т. Невельской, Мария Ивановна купила имение, в состав которого входили сельцо Аннино, сельцо Симоново, деревни Болобониха, Самохвалово, Мичково и Большое Жажлево.

Вся покупка была оформлена на П. А. Купреянова, М. И. Купреянову (урожденную Невельскую) и Г. И. Невельского. Во время пребывания Г. И. Невельского в Кинешме вместе с матушкой, 9 октября 1842 года был подписан Раздельный акт, о чем имеются подписи супругов Купреяновых и Невельского. По акту лично Невельскому достались сельцо Аннино и деревня Крутово. Фактически же всем имением управляла Мария Ивановна, державшая совет по каждому серьезному делу с матушкой, постоянно жившей неподалеку, в Дракино. Из-за болезни муж М. И. Купреяновой Павел Антонович непосредственно участия в управлении имением не принимал, а об участии Г. И. Невельского в этом можно говорить лишь условно. Матушка Феодосья Тимофеевна, успевавшая хозяйничать в Дракино и в Кинешме, больше всего была обеспокоена тем, что тридцатилетний сынок еще не нашел себе невесту, и она усердно старалась, подыскивая ему милую и крепкую, да с хорошим приданым партию. Геннадий Иванович вновь отшучивался, говоря, что женитьба это дело не морское, что жениться надо, когда выйдешь в отставку, а так как он этого делать не собирается, то, наверное, век вековать останется холостяком.

По возвращении в Петербург, зимой 1842 года, Невельской впервые оказался во время навигации занят береговыми делами: в Архангельске строился новый корабль «Ингерманланд», переводить который в Кронштадт вокруг Скандинавии в числе других офицеров должен был и Невельской с повзрослевшим и ставшим хорошим моряком великим князем Константином. Естественно, что Невельской не терял времени даром, а время-то было уж очень интересное. Повсюду шли разговоры о создании нового флота, носилось много слухов и страстей вокруг паровых машин и винтовых двигателей, об изменении, в случае победы парового флота с его архимедовыми винтами, тактики морского боя. Усиленно передавались сведения об организации якобы в Петербурге под Высочайшим Его Императорского Величества покровительством Русского Географического общества. И слухи эти уже нельзя было назвать слухами, так как исходили они от самого Ф. П. Литке, который усерднее других хлопотал о создании такого общества...

В начале 1844 года Невельской был переведен в 10-й экипаж, который был специально создан для обеспечения спуска на воду и доставку в Кронштадт строившихся в Архангельске кораблей. Достоверных документов на сей счет я не нашел, но полагаю, что верить этому вполне можно. Итак, Невельской назначался старшим помощником на только что построенный корабль «Ингерманланд». Сюда же назначался и великий князь Константин — снова они вместе! Вместе с «Ингерманландом» был спущен на воду и фрегат «Константин». Командиром на «Ингерманланде» стал капитан 2-го ранга С. И. Мофет, а Невельской — вахтенным офицером. Командиром «Константина» был назначен лейтенант Шатилов. Стоит ли говорить о том, что, несмотря на специальное образование и военно-морское воспитание, великий князь Константин не имел достаточного опыта, чтобы выполнять обязанности старшего помощника командира корабля, имея за плечами всего семнадцать лет отроду. Невельской по-прежнему оставался его дублером и опекуном.

Они и в Архангельск отправились вместе. Выхав из Петербурга с Ф. П. Литке и другими офицерами, 13 мая 1844 года они останавливались в Шлиссельбурге (ныне Петрокрепость) и в Лодейном, осматрели по пути монастырь на острове Коневец. 23 мая офицеры и сопровождающие их нижние чины появились в Архангельске, где очень хорошо знали Ф. П. Литке по его четырехкратным плаваниям к Новой Земле, начинавшимся в этом старинном русском поморском городе. Да и он знал многих: офицеров, корабелов, чиновников, торговцев, промышленников, судостроителей... Прочие офицеры с интересом осматривали Архангельск, знаменитую Соломбалу — пристань и пристанище поморов и нынешних моряков. Ведь Архангельск, основанный в 1637 году на месте старого острога, как порт возник именно в селении Соломбальском, отделенном от Архангельска речкой Кузнечихой. Присутствие великого князя наложило определенный отпечаток на общественную жизнь города, который принарядился к приему высокого гостя — в его честь устраивались балы, на которые были званы все офицеры.

По тем временам «Ингерманланд» был большим парусником: его длина составляла 178, ширина 48 и осадка 19 футов⁷, водоизмещение достигало 1 371 тонну, вооружение включало 74 пушки. Экипаж корабля насчитывал 745 унтер-офицеров и матросов и 30 офицеров. Пора, наверное, сказать, что употреблявшееся ранее название «корабль» совсем не означает того понятия, какое придается ему в настоящее время,

когда под ним понимается военный корабль в отличие от торгового судна. Ранее это название употреблялось как видовое определение большого морского судна с прямой парусной оснасткой. Позднее, как известно, появилось и название линкор, что означает «линейный корабль».

Подготовка судов в основном завершилась к 29 мая 1844 года, а с 5 июня «Ингерманланд» и «Константин» отошли от причалов — их довооружение, как видно, не заняло много времени. Но зато на рейд корабль и фрегат буксировали долго: восемнадцать дней было затрачено на то, чтобы выбраться из могучей дельты Северной Двины и выйти за бар реки. К тому же мешала противная погода — ветер, сменявшийся туманом по утрам и вечерам. В результате «Ингерманланд» и «Константин» вступили под паруса лишь 24 июня.

Скверная погода сопровождала моряков и в Белом море, и только после прохождения его Горла она улучшилась, развиднелся берег. Литке, знавший в этих местах каждую бухту, каждый мыс и остров, уверенно вел суда вдоль Мурманского побережья — до самой северной точки Европы — мыса Нордкап. Ф. П. Литке и Ф. С. Лутковский использовали не так уж часто предоставлявшуюся возможность побывать в здешних краях — офицеры описывали побережье, хотя близко к нему и не приближались. 10 августа встали на якорь на рейде Копенгагена. Здесь, разумеется, начались всякие официальные, связанные с нахождением на борту великого князя, длившиеся четверо суток. Одновременно чинили паруса, запасали свежую воду, провизию, осматривали город. Затем по нахоженной морской дорожке прошли проливами в Балтику и вскоре, 24 августа, очутились в родном Кронштадте.

Почему-то никто из авторов не хочет отметить такую важную сторону жизни Геннадия Ивановича Невельского, как его связи при дворе. А ведь это имело немаловажное значение и для него лично и, как оказалось впоследствии, для судеб Дальнего Востока, Приамурья, Приморья и Сахалина. Да и сам Невельской — чем больше знакомишься с подробностями его биографии, тем больше удивляешься этому — был настоящим фанатиком своей мечты. Иначе, как можно, например, объяснить такой важный факт его биографии, когда он, будучи рекомендованным командовать большим военным кораблем и тем самым продолжить блестяще начатую придворную и морскую карьеру, отказывается от такого почетного назначения и предпочитает стать командиром небольшого военного транспорта «Байкал», отправлявшегося в Русскую Америку и на Камчатку? Но до этого назначения ему еще

предстояло многое: и в службе, и в привязанностях, и во взглядах, да и в самом подходе Геннадия Невельского к географической науке.

Еще раньше Невельской знал от Литке и Лутковского, что последние с другими моряками, учеными, путешественниками, такими как К. М. Бэр, К. И. Арсеньев, П. И. Еёппен, Ф. П. Врангель хлопочут о создании в стране Географического общества. Но только возвратясь в Петербург, он узнал, что уже написан проект устава общества, что царь дал свое согласие на то, что его формальным председателем должен стать великий князь Константин. Узнал Невельской также о том, что Е. В. Путятин, а за ним и И. Ф. Крузенштерн предлагали правительству свои проекты экспедиций в Китай и в Японию, во время которых мыслилось исследование Амура и его лимана. И он в душе радовался, что проекты эти в то время были отвергнуты. Может быть, и они помогли сделать Невельскому выбор?

Может быть. Но только может быть... Ибо у него имелась давняя, ясная и определенная цель. И хотя нет у нас точных доказательств, но можно говорить и о том, что Невельской и еще один человек давно готовили экспедицию на Амур, в деталях изучили все доступные им материалы, и в меру своих возможностей уже тогда готовили осуществление своих замыслов. Кто же был этим вторым? Звали его Александр Пантелеймонович Баласогло. В годы учебы Невельского в корпусе он преподавал там «шагистику». Как явствует из личного дела Баласогло, он был морским офицером, весьма рано вышел в отставку и поступил на службу в архив Министерства иностранных дел.

Встречались ли они на почве обоюдных дальневосточных интересов в те времена, когда один из них был воспитанником, а другой воспитателем, нам неизвестно. Из личного же дела Баласогло следует, и это известно, по крайней мере, специалистам, что он посещал кружок передовой русской интеллигенции, которым руководил М. В. Петрашевский. В основе политической и экономической программы петрашевцев лежало требование уничтожения феодального крепостнического строя. Кружок посещали Н. А. Спешнев, А. В. Ханьков, Н. А. Момбелли, Н. Я. Данилевский, Ф. М. Достоевский и другие. Входил в это общество и А. П. Баласогло. В апреле 1849 года петрашевцев арестовали, судили, часть из них сослали в Сибирь на каторгу и на поселение, а часть отправили в солдаты. Кроме записки Г. И. Невельского, адресованной одному из членов кружка, в которой говорится о том, чтобы тот пришел по указанному адресу, где будет находиться другой член кружка, ничего в процессе по делу о петрашевцах про нашего

героя не обнаружено. Однако и этого, а также факта его знакомства и встреч с Баласогло оказалось достаточно, чтобы фамилия Невельского фигурировала в списке тех, кто обсуждал проекты освобождения крестьян, замены самодержавия республикой, свободу печати. Но не более. Невельской к процессу петрашевцев не привлекался — и тут, на мой взгляд, несомненно, сказалась близость его к великому князю Константину и его воспитателю — Ф. П. Литке. Что же тогда интересовало Невельского, что заставляло его всякий раз бывая в Петербурге искать встреч с Баласогло? Нетрудно догадаться, что связывающим стержнем их встреч был Амур, и все, что связано с его непростой историей.

Во время пребывания в Петербурге Невельской узнал не только о проектах Путятина и Крузенштерна, но и о предстоявшем плавании в Средиземном море, в котором Невельскому предстояло обязательно участвовать. Ведь официальным поводом для плавания были смотрины невесты великого князя — принцессы Александрины. Царь решил, что пора семнадцатилетнего великого князя, будущего руководителя Российского флота, «вывести в свет», показать его Европе. Предстоящее плавание занимало всех: им предстояло увидеть многие страны, побывать в Средиземном море, познакомиться с теми берегами и портами, о которых знали лишь по лоциям, картам, да понаслышке от бывалых моряков.

«Ингерманланд» и «Константин», который также назывался «Князь Варшавский», составлявшие костяк Средиземноморской эскадры, 10 октября 1845 года вышли из Кронштадта в плавание вокруг Европы. В Средиземном море к ним должен был присоединиться корвет «Менелай», переименованный впоследствии в «Оливуцу» — по названию места в Италии, — и занявший впоследствии видное место в истории Дальнего Востока. Флагманским кораблем «Ингерманланд» по-прежнему командовал капитан 1-го ранга С. И. Мофет.

Великий князь Константин и Ф. П. Литке, а также Ф. С. Лутковский и С. И. Мофет прибыли на корабль в тот момент, когда оставалось лишь отдать команду о съёмке с якоря. Они приехали в Кронштадт из Петербурга с исторического заседания, состоявшегося 7 октября 1845 года, когда в большом конференц-зале Академии наук состоялось открытие Императорского Русского Географического общества, на котором его председатель великий князь Константин предоставил слово для вступительной речи вице-председателю Ф. П. Литке, фактически долгие годы руководившему деятельностью общества.

Федор Петрович, в частности, говорил о том, что огромные пространства «России указывают прямо, что главным предметом Русского Географического общества должно быть воздвигание географии России, принимая название географии в обширнейшем его значении».

Командующий эскадрой немедленно официально информировал своих офицеров о создании общества. Все были рады тому, что Литке и Константин возглавили его, а Невельской рассчитывал, что создание общества в какой-то мере поможет осуществлению его мечты. Предстоящее плавание занимало всех — впереди их ждали Пиренейский полуостров, Бискайский залив, Гибралтар, Средиземное море. С заходами в Ревель и Копенгаген эскадра пришла в Англию и встала на рейде порта Плимут. Отсюда моряки совершили поездку в Лондон, побывали в Гринвичской обсерватории и в национальном морском музее, осмотрели достопримечательности британской столицы.

Из Лондона без остановок через Бискайский залив шли до Гибралтара, после чего началось увлекательное плавание-путешествие по Средиземному морю, знакомство с красивейшими уголками земли. Впервые Невельской вступил на землю африканских, итальянских, греческих, французских портов: Палермо, Сиракуз, Мальты, Мессины, Ливорно, Специи, Бахии, Неаполя, Тулона, Алжира. От этих посещений остались память о множестве интересных встреч и уйма впечатлений, заполненные страницы дневников, ворохи сувениров в каютах. В Сиракузах вспомнили погибшего Архимеда, из Неаполя совершили экскурсию на Везувий. Но больше всего моряков, конечно, интересовали корабли, портовое оборудование, маяки, навигационные знаки.

На обратном пути весной 1846 года, не менее интересном, эскадра становилась на якорь в Кадиксе и Лиссабоне. Моряки совершили экскурсию по Лиссабону, присутствовали на официальных приемах, в том числе и у королевы Бразилии. В Лондоне Невельской сопровождал Литке во время визита вице-председателя Императорского Русского Географического общества к президенту Королевского Географического общества Р. И. Мурчисону. Будучи в Копенгагене, моряки совершили поездки в Гаагу, Веймар и Берлин. К сожалению, не сохранилось подробностей пребывания Невельского в этих городах. Я не мог разыскать его писем, относящихся к этому периоду. Несомненно одно — Невельской повсюду знакомился с литературой, материалами, сведениями, относящимися к Дальнему Востоку, к Амуру.

Эскадра возвратилась в Кронштадт 29 июня 1846 года. Невельского, как, впрочем, и других участников плавания, ожидали награды. 15 июля

1846 года Геннадий Иванович стал капитан-лейтенантом и получил денежную награду в размере полугодового жалования. Успех был налицо. Служба шла хорошо и обещала другие отличия. В тридцать три года — капитан-лейтенант и кавалер двух орденов! И это в мирное время. Отныне он имел полное право претендовать на командирскую должность. Он с удовольствием слушал, что для него готовят корабль или фрегат, но в мыслях его носилось все то же: Амур, Дальний Восток, давняя мечта юности «сходить в дальнюю».

Пока суть да дело, Невельской командирует на Черное море — в Севастополь и в Николаев. Ему поручалось осмотреть условия стоянки кораблей в этих портах, оценить оборудование ремонтных мастерских и составить обо всем этом обстоятельный доклад. Невельской справился с поручением, после чего находился в ожидании дальнейших распоряжений и назначения. Возвращение было печальным из-за очень страшной для Невельского новости: в его отсутствие 12 августа 1846 года скончался И. Ф. Крузенштерн, который так много значил в его жизни. Мысленно он уже дал клятву — завершить на Амуре и на Сахалине то, что не успел сделать Иван Федорович, его духовный наставник. Беседы с Федором Петровичем Литке укрепили Невельского в таком решении.

Нам известно, что на первом годичном собрании Русского Географического общества, состоявшемся 29 ноября 1846 года, Невельской встретился с А. П. Баласогло. Единомышленники обсудили план экспедиции. По их замыслам, она должна была состоять из двух отрядов — морского и речного. Речной под командованием Баласогло должен был спуститься по Амuru до лимана. Во время плавания ему надлежало описать реку на всем ее протяжении и наладить добрососедские отношения с местными жителями. В лимане Амуре он должен был встретиться с морским отрядом под командованием Невельского, которому надлежало описать Сахалин, и, самое главное, — окончательно выяснить возможность входа в Амур с юга и с севера с моря. Ему следовало разобрататься в том, является ли Сахалин островом, или же все-таки он полуостров, то есть связан перешейком с материком. Они договорились, что весной 1847 года после отпуска Невельского, они встретятся вновь и представят начальству проект предстоящей экспедиции.

Из личного дела Г. И. Невельского точно известно, что он был в отпуске с 15 декабря 1846 года по 15 марта 1847 года. За это время ему пришлось многое пережить и передумать, принять новые решения. Все началось с открытия каких-то совсем неизвестных Невельскому

замыслов, которые вынашивал вместе с другими петрашевцами его старший друг и единомышленник по намечающейся экспедиции на Дальний Восток, Александр Пантелеймонович Баласогло, и которые он никак не мог понять и принять (если он когда-либо был посвящен в тайны кружка). Но это неучастие оказалось чрезвычайно важным обстоятельством, которое окончательно подтолкнуло его к самостоятельным, единоличным и весьма решительным действиям по организации и осуществлению экспедиции на Дальний Восток.

Хлопотным оказался и отпуск, когда сыну крепостников-помещиков, а ныне в какой-то мере либеральному и воспитанному морскому офицеру, пришлось с головой окунуться в помещичьи и семейные дела, занимавшие массу времени и иногда ставившие его в тупик. Находясь в Петербурге и Кронштадте, в частых плаваниях, будучи приближенным к царской семье, Невельской, давным-давно оставивший помещичий быт, подрастерял замашки барина-крепостника.

Все началось с того, что летом 1845 года в реке Бёксе нашли утопленницу — крепостную девушку Анну Никитину, принадлежавшую Ф. Т. Невельской. Дело о самоубийстве замять не удалось, и даже в такой страшный век ему был дан надлежащий ход. В архиве Костромской области до пожара 1982 года сохранялось дело «Об убийстве девки Анны Никитиной» и «Дело по предписанию господина губернатора о жестоком обращении помещицы Невельской со своими людьми».

Приехавшего домой Невельского многое поразило в родных местах. Ему невольно приходилось хлопотать о том, чтобы как-то смягчить участь матери и непосредственно замешанного в том, что Анна Никитина наложила на себя руки, брата Алексея. И хотя в губернском правлении были свои люди, в частности Павел Антонович Купреянов, который на следствии показал, что «теща моя дала Анне Никитиной всего пять ударов розгами», Ф. Т. Невельская и А. И. Невельской 8 октября 1845 года были взяты под стражу.

Собрание дворянских предводителей постановило: «Из показания дворовых людей Солигаличской помещицы Невельской, изложенных в доставленной по предписанию его сиятельства господина сенатора, ревизиющего по высочайшему повелению Костромскую губернию, выписке из следственного дела видно, что г-жа Невельская обращается с крепостными своими весьма дурно, не доставляет им достаточного содержания, так что они, терпя голод, принуждены прибегать к помощи посторонних людей, что подтверждено засвидетельствованием соседственных крестьян других владельцев...» В результате «собрание

предводителей и депутатов дворянства положило принадлежащее господу Невельской имение взять в опеку».

Ф. Т. Невельская сначала находилась под арестом в Солигаличе, а затем по просьбе дочери была под строгим караулом перевезена в Кинешму. Мария Ивановна и Павел Антонович, бывший уездным кинешемским предводителем дворянства, приняли все меры к тому, чтобы освободить мать на поруки из-под присмотра земского посада. В конечном счете, после очередной просьбы от 7 июля 1846 года Ф. Т. Невельская была освобождена из-под стражи и получила условное наказание «по старости лет».

В этой усадьбе мать Невельского и скончалась, прожив последние годы с дочерью. Впоследствии на ее могиле в ограде Преображенского собора в Кинешме была возложена плита с надписью: «Здесь погребено тело Феодосьи Тимофеевны Невельской, матери адмирала Геннадия Ивановича Невельского, присоединившего к России Амурскую область и остров Сахалин, скончалась 27 июля 1854 года, жития ея было 67 лет». Но все это случилось потом, и мы забежали вперед только ради того, чтобы в этой главе исчерпать тему матери и детей.

Материалы следствия показывают, что Невельской знал об аресте матери, так как когда имение Дракино было отдано в опеку, то во владение им вступили братья Геннадий и Алексей Невельские. Поскольку оба они были людьми военными и не могли сами управлять хозяйством, то Геннадий Иванович прислал распоряжение своему старосте — бургомистру Ивану Иванову — «иметь смотрение» за деревнями Выползовой, Вихаревой и пустошью Малицовой наравне с А. И. Невельским: «Остаюсь барин твой флота лейтенант и кавалер Геннадий Иванович сын Невельской», — такова подлинная подпись на документе.

Доскажем крепостные дела Г. И. Невельского, связанные с сестрой, братом и матерью. Так как в документах не встречаются имена прочих родных, то можно говорить о том, что к этому времени других сестер в живых не осталось. Не имея возможности часто бывать в Кинешме и в Дракино, Невельской доверял матери и сестре управлять своими именными. Вместе с тем дела Невельского, как мы видели, вел бургомистр И. Иванов. Ф. Т. Невельская, М. И. Купреянова и П. А. Купреянов беспрестанно вмешивались в его распоряжения.

Эти вмешательства привели к тому, что Иванов сбежал в Петербург, где 10 августа 1849 года ухитрился подать царю жалобу: «Помещик мой отставной капитан 2-го ранга Купреянов, Костромской губернии Кинешемского уезда, до того притесняет крестьян своих, что

двенадцать человек вынуждены были бежать. Сорок крестьян в 1846 году ходили в Кострому к Гражданскому губернатору с жалобой на нетерпимое обращение с ними своего господина, но жалоба эта не была удовлетворена справедливо, и он еще более стал притеснять нас. Находясь в угнетении без всяких причин, я не в силах был перенести всего того, что терпел от своего господина, и чтобы в таком жестоком положении моем не посягнуть на собственную жизнь, которая очень тяжка, решил отлучиться из Кинешмы в Санкт-Петербург, чтобы здесь просить справедливой защиты».

После неоднократных случаев жестокости Ф. Т. Невельской по данному делу был дан ход. Министр внутренних дел 6 марта 1850 года предписал военному губернатору и костромскому гражданскому губернатору «принять участие с командированным мною чиновником в расследовании дела о беспорядках, возникших в имениях Купреяновых и Невельского». Расследование было проведено по полной форме и, как и следовало ожидать, виновными оказались крестьяне. В отношении же Невельского костромской вице-губернатор писал: «Флота капитана-лейтенанта мать их, помещица, вопреки данной вотчинному бурмистру Ивану Иванову доверенности, вмешивается в управление имением сына своего и стесняет их произвольными и неправильными распоряжениями».

Невельской до отправления в Амурскую экспедицию появился в Кинешме еще несколько раз, а по ее завершении часто бывал с семьей здесь, а также в своих деревнях Заволжье, Дракино, ездил он и в свои пензенские деревни. Об этом подробно сказано в заключительной главе.

Вернувшись после такого бурного и малоприятного отпуска в Петербург, Невельской весной 1848 года узнал там кучу новостей, первой из которых было известие о переводе С. И. Мофета командиром на фрегат «Паллада». Сама новость, казалось бы, и не была столь новой, если бы ей не предшествовали упорные слухи о том, что сначала на «Палладу» командиром намечался сам Г. И. Невельской. На всякий случай Невельской твердо и определенно просил Ф. П. Литке, а через него великого князя Константина не брать его на сей раз в плавание. Хотя эта семейно-дипломатическая миссия в Великобританию и Голландию и обещала стать весьма интересной.

Начальство вняло просьбам Невельского, когда он раскрыл свои и Баласогло планы, и стал просить назначить его командиром на какой-либо корабль, отправлявшийся на Дальний Восток, на Камчатку, в Русскую Америку. Его оставили на лето в крейсерстве на том же

«Ингерманланде», но на сей раз без великого князя Константина, который стал командиром корвета «Оливуца» (бывший «Менелай»). Невельской очень просил оставить его на Балтике для того, чтобы быть относительно свободным от занятий с великим князем, так как уже заранее знал, что назначается командиром строящегося военного транспорта «Байкал».

Итак, находясь на «Ингерманланде», Невельской мысленно уже был на строящемся транспорте, продумывал планы, возможности, прикидывал, как скорее добраться до Камчатки, когда выйти из Кронштадта, чтобы успеть высвободить себе лето для исследовательских работ в лимане Амура, по крайней мере, три месяца: июнь, июль и август. Исходя из этих сроков, он и строил все свои планы, чтобы прибыть на Камчатку в конце мая, а в начале июня уйти на исследования. Невельской дождался своего часа — он отправляется на Дальний Восток, в Русскую Америку, на Камчатку с Амуром в сердце. Он был уверен, что за время подготовки судна и перехода вокруг света Александру Пантелеймоновичу Баласогло удастся преодолеть рогатки Министерства иностранных дел и организовать из Сретенска или Нерчинска сплав по Амуру. Как все интересно, ново, заманчиво! Ближается осуществление мечты всей жизни Невельского!

ГЛАВА 2. ОТКРЫТИЯ ПОДТВЕРДИЛИ ЗАБЫТОЕ

21 августа 1848 года транспорт «Байкал» под военным флагом и под командованием капитан-лейтенанта Геннадия Ивановича Невельского ушел в плавание из родного Кронштадта. Он направлялся в Камчатку, располагая пройти вокруг мыса Горн, то есть по Атлантическому и Тихому океанам. Прошедший год с небольшим стал периодом высшего подъема в деятельности Невельского. Никогда до сих пор он так не работал, так не волновался. И уж как он был признателен Литке — нет слов. Ведь именно он сумел сделать так, что вместо Невельского, которому прочили придворную карьеру и готовили в командование одним из лучших фрегатов того времени — «Палладой», все это перешло к Мофету. А Геннадий Иванович за оказанную услугу обещал Федору Петровичу Литке окончательно разрешить Амурский вопрос.

Но назначение командиром военного транспорта «Байкал», с одной стороны, приближало Невельского к осуществлению его мечты, а с другой — требовало огромного распорядительного мастерства, опыта, большой напряженности, правильной организации времени. Правда, нужно отметить и некое благоприятное стечение обстоятельств, сыгравших, в конечном счете, в пользу Невельского. О некоторых из них мы уже говорили: это личные черты его характера: преданность делу и глубочайшая вера в него. Но сказались и другие причины, такие как совместная служба с Константином, хорошие отношения с Ф. П. Литке, а через него и с начальником главного морского штаба А. С. Меншиковым. И, наконец, основной фактор, решивший, в конце концов, не только назначение Невельского в это плавание, но и разрешивший ему проводить исследования в данном районе. А сделать это было в то время отнюдь не так просто.

В самом начале книги я попытался немного рассказать об историко-географической обстановке на Дальнем Востоке, сложившейся к началу деятельности там Г. И. Невельского и А. П. Баласогло. Теперь же, читатель, тебе совершенно необходимо прочитать несколько следующих страниц — тогда станет ясно, почему Невельскому больше, чем кому-либо из путешественников и мореплавателей в нашей стране, да, пожалуй, и во всем мире, поставлено памятников. Таким решающим фактором стало назначение в 1847 году на пост генерал-губернатора Восточной Сибири молодого боевого генерала Николая

Николаевича Муравьева. Незадолго перед назначением, будучи губернатором Тульской губернии, Муравьев женился на француженке Екатерине Николаевне де Ришмон. Произошло это 19 января 1847 года.

Попробуем коротко рассказать о том, куда направлялся Муравьев с молодой женой-француженкой, что его там ожидало, какова была вкратце история этого немыслимо огромного и таинственно-неведомого в Европе края — Сибири и Дальнего Востока. В руках молодого генерал-губернатора оказалась территория, равная по площади многим вместе взятым европейским государствам. Территория малонаселенная, с суровой природой, отдаленная от всякого цивилизованного мира, малоизученная, а подчас и совсем неизвестная страна каторги, тюрем, диких нравов местной администрации, с плохими дорогами и не налаженными сухопутными и речными путями сообщения. К этому добавлялись преступность и полнейшая неясность положения русско-китайской границы на местности. Все эти нелегкие вопросы сразу же встали перед молодым, умным, предприимчивым и изобретательным генерал-губернатором.

Н. Н. Муравьев правильно рассудил, что начинать действовать в таких условиях нужно с подбора людей и с изучения не только рек, гор, суши, но и обширного морского пространства омывающих Дальний Восток морей и океанов. Это неизбежно привело бы к согласованию и окончательному установлению границ с Китаем и Японией, а также к решению многих вопросов, связанных с существованием Русской Америки — географическим регионом, которым управляли Главное Правление Российско-Американской компании и ее уполномоченные в Ситхе. Подступить кo всем этим делам — и то было страшно, а тут надо было их решать, и решать постоянно...

Что же это были за дела? С незапамятных времен на территории Приамурья и Приморья проживали немногочисленные, независимые племена — дауры, дючеры, гольды, нивхи, орочи, орочны, нанайцы, негидальцы, самагиры, эвенки и другие. Многие и сейчас путают самоназвания некоторых народностей с названиями, которые к этим национальностям «прилипли» после прихода сюда русских. Например, нивхи называли пришельцев гиляками, то есть собаками. Не понимая, кого они так именуют, русские постепенно закрепили это слово за самими местными жителями — нивхами. В результате очень долго даже в официальных документах нивхов называли гиляками, позабыв, или попросту не зная историю происхождения такого названия ¹.

То же самое случилось и с широко распространенным названием «тунгус». Так называли русских пришельцев эвенки, жившие на севере Дальнего Востока. Русские же, слыша часто повторяемое слово «дангуз» — тунгус, решили, что эвенки сами себя называют таким словом². Его истинное значение было таким же, как и слова «гиляк». Можно много говорить и о самоназвании коренных камчадалов — ительменов.

Все эти различные и немногочисленные племена занимались охотой и рыболовством, размеряя свои отношения по известным лишь им законам. Пришельцев они встречали приветливо, если те не несли им горя и страданий. Иное к себе отношение они встречали враждебно, защищались, как могли, нередко нападали сами. Постепенно народности, проживавшие к северу от реки Амур, стали все больше и больше тяготеть к Российской империи, чему в немалой степени способствовали походы казаков-землепроходцев и мореходов И. Ю. Москвитина, Ф. Алексеева, С. Дежнева, В. Д. Пояркова, Е. П. Хабарова, О. С. Степанова и других. Народности же, жившие или кочевывавшие южнее Амура, постепенно попали в зависимость от маньчжуров и китайцев, особенно те, которые территориально кочевали или проживали ближе к границам Китайской империи, окоптанной знаменитой Великой Китайской стеной.

Северное Приамурье быстро осваивалось русскими. Там появились русские крепости, селения, зимовья, остроги — такие как, Албазинский, основанный в 1651 году, Ачанский (1652 г.), Кумарский (1654 г.), Косогорский (1655 г.) и прочие. Наряду с уже существовавшим Нерчинским уездом образовалось Албазинское воеводство (уезд). Появились переселенцы, образовавшие деревни-слободы, станицы, такие как Озерная, Покровская, Андриюшкино, Паново и другие. Албазинский уезд, расположившийся на очень плодородных пойменных землях, весьма быстро занял ведущее место в хлебопашестве и в 1670-х годах снабжал зерном все Забайкалье. Хлеба хватало и для продажи в другие районы Восточной Сибири.

Почти одновременно и даже чуть раньше русские люди пришли на Дальний Восток и по другим путям-дорогам Сибири: по рекам на восток к Охотскому морю, и также по рекам — к Северному Ледовитому океану, а вдоль его берегов — до пролива, отделяющего Азию от Америки. Появились русские селения на Лене, Колыме. А после выхода отряда Ю. Москвитина на побережье Охотского моря в районе Ульи и там возникло зимовье Улья. Затем появились Удский острог (1640 г.), Охотский острог-зимовье (1647 г.), Инское селение и Тауйский острог

(1648 г.), Анадырский острог (1649 г.), селения-остроги на Камчатке, сначала камчадалские, затем основанные пришельцами-казаками Атласова и многими другими. Отсюда и из Охотска началось первоначальное освоение Алеутских островов и северо-западного побережья Северной Америки, полуострова Аляска, Прибыловых островов и других земель, вошедших затем в понятие «Русская Америка». В 1799 году там было основано селение и порт Новоархангельск.

Затем, после первого русского заселения внутренних частей Восточной Сибири и ее морского побережья, началась эпоха исследования, изучения открытых, найденных и присоединенных к Российской империи земель, островов, морей. Большой Камчатский наряд, Первая и Вторая Камчатские экспедиции, экспедиции П. К. Креницына — М. Д. Левашова, И. И. Биллингса и Г. А. Сарычева. Во второй половине XVIII века предприимчивые казаки, промышленники, купцы совершили много промышленных плаваний на Алеутские и Курильские острова, к берегам Северной Америки. Стали образовываться купеческие промысловые или промышленные компании, которые, постепенно объединяясь, слились в единую Российско-Американскую компанию, основателем которой считают Григория Ивановича Шелихова, а продолжателем его дела и первым Главным Правителем Российско-Американской компании или Русской Америки (как позднее стали официально именовать русские территории на американском континенте) стал Александр Андреевич Баранов.

С основанием Русской Америки связана и эпоха отечественных кругосветных и полукругосветных плаваний, начавшихся, как уже говорилось, историческим плаванием Ивана Федоровича Крузенштерна и Юрия Федоровича Лисянского на шлюпах «Надежда» и «Нева» в 1803—1806 годах. Русские плавания из Кронштадта (изредка из Черного моря) на Дальний Восток продолжались до появления в дальневосточных водах русских военных эскадр, начало которым было положено плаваниями отдельных военных кораблей, приходивших сюда для защиты русских владений. Внутреннее сообщение осуществлялось Охотской или Сибирской флотилией и судами Российско-Американской компании (до ее продажи в 1867 году за 7 миллионов 200 тысяч долларов правительству Северо-Американских Соединенных Штатов).

Отношения с Китаем в то время были самыми дружескими, они регламентировались Нерчинским трактатом, заключенным в Нерчинске в 1689 году. Но на местности граница между странами практически

отсутствовала. Да и сам трактат был составлен в выражениях, позволявших понимать смысл некоторых его статей по-разному. Незнание географической обстановки только увеличивало путаницу. Попытки известного гидрографа Федора Ивановича Соймонова, бывшего в то время Сибирским генерал-губернатором, осуществить сплав по реке Амур, организовав экспедицию, получившую название Нерчинской или Возобновленной Камчатской, в 1753—1757 годах по разным причинам не привели к желаемым результатам.

Фактическое ничейное состояние Приамурья продолжалось до середины XIX века, несмотря на меры, предпринятые Китаем и Россией, особенно после того, когда Англия, Франция и США стали открыто проявлять интерес к овладению Приамурьем, Приморьем, Кореей, островами Хоккайдо и Сахалином, некоторыми районами побережья суверенных территорий России и Китая.

Не надо думать о том, что только Невельской и Баласогло вынашивали мысли и идеи об организации экспедиций в район Амура и Сахалина. Так, примером для них мог служить поход в 1827 году ссыльного Гурия Васильева на лодке от Нерчинска по всему Амуру до устья и по лиману Амура. Он невольно напомнил замечательных предшественников — Хабарова, Пояркова, Степанова, Нагибау — ходивших не только по Амуру, но и через его лиман, выходивших в Охотское море и даже пересекавших его, плававших до устья реки Улья. Ведь именно в этом месте, в устье реки Улья, ныне стоит памятный знак, говорящий о славном походе сюда в 1639 году отряда И. Ю. Москвитина.

Продолжая мысль о попытках организовать экспедицию в эти края, упомяну о проекте вице-адмирала и дипломата Евфимия Васильевича Путятина (1803—1883), который в 1843 году исследовал восточные морские границы с Китаем с привлечением опытных моряков и известных ученых-географов, океанографов, ботаников, зоологов, этнографов. В его проекте предлагалось изучить юго-западную часть Охотского моря, не имевшего не только удобной гавани, но даже и маломальски защищенного рейда, выбрать новое место для Охотского порта, исследовать Сахалин и попытаться установить дипломатические отношения с Японией. К сожалению, усилиями канцлера К. В. Нессельроде и его сторонников этот проект был провален.

Предшественник Н. Н. Муравьева, генерал-губернатор Вильгельм Яковлевич Руперт 7 марта 1846 года (я опускаю описание проектов, разработанных в 1830—1840-х годах тогдашним генерал-губернатором А. С. Лавинским, мореплавателями В. М. Головинным, Ф. П. Литке,

И. Ф. Крузенштерном и другими лицами, отклоненных главным образом по доводам Министерств иностранных дел и финансов), подал царю записку о мерах, которые он предлагает осуществить по улучшению жизни и устройства края. В ней были и такие слова: «Обладание Амуром во всяком случае неизбежно для России и рано или поздно оно должно осуществиться. Амур необходим для восточного края России, как необходимы берега Балтийского моря для западного ее края, необходим, как для расширения наших торговых связей с Китаем и вообще с Востоком, как для решительного утверждения Русского Флота над северными водами Восточного океана, так и для быстрейшего и правильнейшего развития естественных богатств Восточной Сибири, всего этого огромного пространства земель от верховьев Оби до Восточного океана... Все пространство земли по левому берегу Амура едва населено, и то бродячими семействами дучеров и тунгусов, не принадлежащих ничьей власти»³.

Хотя эту записку подал В. Я. Руперт, но ее содержание явно соответствовало намерениям Главного правления Российско-Американской компании, во главе которой в это время стоял адмирал Фердинанд Петрович Врангель. Можно полагать, что именно он и составил документ, так как поступивший на службу компании по рекомендации Литке в 1840 году штурманский офицер Александр Михайлович Гаврилов, ставший со временем поручиком корпуса флотских штурманов, в 1846 году на бриге «Константин» плывал в лиман Амура, заходил в его устье и описывал юго-западную часть Охотского моря. Но, как отмечал Гаврилов в своем отчете о проделанной работе и в письме к своему родственнику, ему не удалось исполнить поручение — он, будучи ограничен во времени инструкциями Министерства иностранных дел, не сумел «нащупать» фарватеры в северной части лимана, ведущие в устье Амура; южную же часть лимана и пролив-перешеек между Сахалином и материком он вообще не исследовал.

И пошли гулять по всему свету слухи о несудоходности лимана Амура. Результаты незаконченных исследований очень скоро были представлены как невозможность плавания в этом районе вообще — зачем же там плавать, если в Амур зайти нельзя? Это косвенно подтверждало выводы Лаперуза, Браутона и Крузенштерна о невозможности входа в Амур с моря на морских судах и о полуостровном положении Сахалина. И, следовательно, Амур не представлялся руководящим деятелям России важным и необходимым. Вот ведь как случается. Новейшие, проведенные, казалось бы, по последнему слову

техники и на уровне современных по тому времени знаний, исследования, в самом деле оказавшиеся некачественными, недоведенными до конца и в конечном счете глубоко ошибочными, затмили прежние русские плавания по Амуру. Они поставили под сомнение славу русских землепроходцев и мореходов: Пояркова, Хабарова и их сподвижников. И не удивительно, что на докладе Ф. П. Врангеля царь написал резолюцию, запрещающую дальнейшие попытки исследовать юго-западную часть Охотского моря, лиман и устье Амура вкупе с Сахалином. Сахалинский и Амурский вопросы продолжали существовать.

Вот такое историко-географическое наследие досталось новому генерал-губернатору Восточной Сибири. Теперь, когда нам ясно, в какой обстановке приходилось действовать Невельскому, продолжим повествование о нем самом, о его «Байкале», о подготовке к плаванию, о подборе офицеров и команды, о разработке разных инструкций и их утверждении. Произошли изменения и в планах экспедиции. Несколько позднее, но произошли. А сейчас Невельской особенно часто встречался с Баласогло. В деле о петрашевцах фигурирует даже записка Невельского, адресованная Баласогло и извещавшая последнего о том, что к Невельскому должен прийти офицер Генерального штаба Кузьмин, который хотел познакомиться с Баласогло и «переговорить о известном тебе предмете».

Готовился к выезду в Сибирь, в свою резиденцию в Иркутске, и Муравьев. Апартаменты генерал-губернатора располагались в гостинице «Англетер». На столе у него лежали бумаги из Охотска о поисках нового места для Охотского порта, проведенных капитан-лейтенантом Василием Алексеевичем Поплонским на бриге Охотской флотилии «Константин». В частности, В. А. Поплонский рекомендовал для этой цели Тугурский залив, конкретно — Константиновскую гавань, в которой он видел будущий порт России на Тихом океане.

В это самое время генерал-губернатору доложили, что к нему просится на прием капитан-лейтенант Невельской. «Пусть войдет», — сказал генерал. Муравьев увидел очень невзрачного на вид невысокого — даже ниже чем он сам — морского офицера, с лицом, сильно испорченным оспой, с маленькими серыми глазками. Он представился командиром строящегося транспорта «Байкал» и повел разговор о том, чтобы как можно быстрее сократить сроки строительства и погрузки товаров, предназначенных для отправки на Дальний Восток и в Русскую Америку, с тем, чтобы прийти туда как можно раньше, весной. В этом случае летнее время можно будет использовать для того, чтобы

тщательно, без лишних средств и хлопот, исследовать юго-западную часть Охотского моря, Сахалинский залив, лиман и устье Амура с тем, чтобы окончательно решить вопрос, является ли Сахалин островом, или же он все-таки полуостров. А с решением этого вопроса становилось реальным и использование Амура для входа морских судов в его устье с юга и с севера, а следовательно, появлялась возможность установить судоходную связь центра Сибири с Тихим океаном, со всем миром. Маленький, шупленький офицер разворачивал перед генерал-губернатором небывалые перспективы.

Его проекты попали на благодатную почву. Невельской имел основания говорить так пылко и уверенно: прежде чем проситься на аудиенцию к Муравьеву, он через Литке, вероятно не без влияния и великого князя Константина, побывал у начальника Главного морского штаба А. С. Меншикова. Именно у него и решился вопрос о скорейшем строительстве «Байкала». Меншиков написал небольшое письмо-пожелание руководству верфи о том, чтобы ускорить спуск «Байкала», строившегося в Финляндии, на воду к весне 1848 года. Именно это и решило дело. В Гельсингфорс (Хельсинки) отправился назначенный старшим помощником командира корабля — первым лейтенантом — Петр Васильевич Казакевич, которому вменялось в строгую обязанность контролировать сроки строительства и следить за теми изменениями в расположении палубных и трюмных помещений и надстроек, которые внес Невельской при знакомстве с первоначальным проектом, заложенным по типу серии кораблей «Сухум-Кале». Когда же Невельской повел речь об исследованиях, то Меншиков, внимательно выслушав его, посоветовал далее действовать через Муравьева. Именно поэтому тот теперь и выслушивал пылкие речи влюбленного в свои мечты Невельского.

Муравьеву понравился подход командира «Байкала» к делу. Понравилось и то, что он пришел к нему не с идеями, а с конкретным планом работ, для осуществления которых просил помощи, помощи небольшой, но необходимой. Сложность же осуществления предложенных Невельского состояла в том, что исследования предстояло проводить в приграничных, неразмежеванных территориях, а это уже требовало согласования, по крайней мере, с Министерством иностранных дел и утверждения инструкции для экспедиции царем. Независимо от всех этих трудностей, Невельской встретил полное взаимопонимание со стороны Муравьева, оказавшегося всего на четыре года старше его самого. Одним словом, единомыслие состоялось.

В беседе с Муравьевым Невельской раскрыл все планы, рассказал и о А. П. Баласогло. На все это Муравьев отвечал одним: надо в срочном порядке добиваться готовности транспорта к выходу, обеспечить его загрузку провиантом, который доставить ранней весной на Камчатку, в Охотск и в Ново-Архангельск в качественном состоянии. Только после исполнения всего этого можно было, заручившись разрешением, исследовать юго-западную часть Охотского моря. А что касается вновь открытой В. К. Поплонским Константиновской гавани и ее пригодности для устройства там порта вместо Охотска, то Муравьев отвечал в Морское ведомство на лежащие перед ним представления о переносе порта в эту самую гавань, что он, Муравьев, надеется сам побывать в этих местах и решить все вопросы на месте. Невельскому Муравьев обещал свою помощь в том, чтобы внести в инструкцию просимые тем пункты.

Невельской был открыт всем случившимся. Не всегда ему верилось, что мечта, с ранней юности влетевшая в душу, начинает сбываться. Все эти дни он готовит проекты инструкций, кочует между Петербургом, Кронштадтом, Ревелем и Гельсингфорсом. Передав руководителю верфи господину Бергстрему пожелание-приказ М. С. Меншикова, Невельской использовал и другие его распоряжения. Он выговорил себе право выборочно проверять любой из тюков и мешков, и, смотря по результатам проверки, требовать замены всей партии груза. Такая мера очень подействовала: в результате доставленные на Дальний Восток товары, продукты и снаряжение действительно оказались в отличной сохранности и отменного качества.

Когда Невельской узнал об отправлении Муравьева в Иркутск, то вслед ему направил письмо с конкретным изложением своего плана и напоминанием генерал-губернатору о его обещаниях. В частности Невельской писал, «что, судя по ходу работ, надеясь непременно выйти в море в самых первых числах августа, и, при таком раннем выходе, я твердо уверен, что буду иметь возможность идти кругом мыса Горна и потому в самых первых числах мая 1849 года быть в Петропавловском порте, где, чтобы сдать петропавловский и охотский грузы, достаточно было простоять 2 1/2 недели, следовательно, я буду иметь впереди все лето 1849 года, то есть июнь, июль и август месяцы. Это время могло бы быть употреблено с величайшею пользою, а именно — на осмотр и опись юго-восточных берегов Охотского моря, (следует читать — юго-западных. — А. А.) начиная от Тугурской губы и далее к востоку до лимана реки Амур, на исследование и опись

самих устьев этой реки и пространства между островом Сахалин и матерым берегом Азии. Но в настоящем случае вижу, — жалуется Невельской, — что без ходатайства Вашего Превосходительства здесь никто о том и не думает, а без предписания я, сам собой, не посмею действовать. Между тем, случай и время, дорогое время, будут потеряны».

Вот с каким трудом приходилось добиваться исполнения того, что было необходимо для всей страны. Бюрократия в чиновничьем аппарате, боязнь ответственности перед вышестоящими сковывали инициативу, заставляли по сути дела попрошайничать, стучать во все двери, упрашивать самых высоких сановников страны... И это все лишь для того, чтобы доказать им же, всей России полезность Амура для страны, для жизни Сибири и Дальнего Востока. Не ограничившись письмом, часть которого приведена выше, Геннадий Иванович предложил конкретный проект инструкции.

Страстно, жалостно и гневно звучат гордые строки этого исторического письма. «Ваше превосходительство, мне бы гораздо легче было, как доселе предполагается, отвезти груз в Петропавловск и Охотск, сдать судно и преспокойно воротиться, нежели иметь на своей ответственности подобную работу. Но я вполне понимаю, сколь важны для нашего Отечества подобные исследования, священным долгом поставил бы себе представить о всем этом добросовестно и так, как оно действительно есть. Чувствую, что деятельности, знания и способностей моих достанет, а средства и время есть».

Удачным стечением обстоятельств в истории Сибири и Дальнего Востока, а значит и России, стало то, что здесь появились два деятеля с разными дополняющими друг друга возможностями, служившими на пользу всему русскому народу. Муравьев понимал, что Невельской и Баласогло осуществляли в высшей степени полезное дело, которое с другой стороны являлось весьма щепетильным из-за неурегулированного пограничного положения в этом регионе. От него, генерал-губернатора, как тогда говорили, «губернатора пол-России», требовались решительные действия. И он всецело поддержал Невельского.

В Охотский порт Муравьев написал, что изначально проектируемая исходя из исследований В. К. Поплонского, сухопутная дорога из Константиновской гавани в Сибирь не осуществима по своей дороговизне, неизученности территории и большой протяженности в таежных, горных и речных условиях. Это же он сообщил и Меншикову, приписав однако, что «по его мнению, предварительно следовало бы описать подробно и внимательно осмотреть юго-западное побережье

Охотского моря от Тугурского залива до устья Амура». То есть сделать как раз то, о чем было оговорено во время свидания в «Англетере» с Невельским.

Раскрывая далее все карты, Муравьев уже официально уведомляет начальника Главного Морского штаба адмирала А. С. Меншикова о том, что в начале августа сего года отправляется из Кронштадта на Камчатку военный транспорт, и что судно при благополучных условиях может прибыть на Камчатку в мае будущего года. Далее он пишет: «Я приемлю смелость покорнейше просить Вашу Светлость ⁴ разрешить мне по сдаче этим транспортом всего груза в Петропавловском порте, употребить его со всем экипажем для описания берегов по моему усмотрению, и инструкции, которая в таком случае будет мною выслана к командиру транспорта в Петропавловский порт».

Это письмо было получено в Петербурге в начале июля, когда подготовка к выходу «Байкала» в море была в полном разгаре. Строители сдержали слово и 10 июля спустили транспорт на воду, а 20 июля «Байкал» уже красовался на Кронштадском рейде, где должно было произойти окончательное экипирование транспорта и экипажа к походу и официальный смотр готовности. Разыгрались страсти и вокруг инструкции Невельскому. По ряду причин одновременные плавание отряда А. П. Баласогло по Амуру и Невельского на «Байкале» к Амуру и Сахалину с тем, чтобы встретившись там, совместно завершить начатые работы, оказались невозможными. Главную роль в этом сыграло начавшееся преследование участников кружка М. В. Петрашевского. Можно предположить, что только уход Невельского в плавание избавил его от неприятностей, как человека общавшегося с членами этого кружка и дружившего с одним из осужденных его участников.

Дальновидный и умный дипломат А. С. Меншиков сообразил, что благодаря энергичному генерал-губернатору Н. Н. Муравьеву и талантливому исполнителю Г. И. Невельскому появился шанс окончательно разрешить так называемый «Амурский вопрос». Именно поэтому он и приказал Невельскому готовить нужный проект и устраивающие всех инструкции. Двое суток Невельской трудился над, может быть, важнейшей бумагой в своей жизни. Несколько поправив ее, Меншиков обещал представить проект на утверждение царю. Уверенность Меншикова в благополучном исходе дела ясно видна из его же письма, посланного Муравьеву в Иркутск. К письму прилагалась копия инструкции, поданной царю для одобрения. 25 августа 1848 года Меншиков писал Муравьеву о том, что он уже «поручил отправляющемуся на

транспорте “Байкал” в Охотск флота капитан-лейтенанту Невельскому, дабы он поспешил прибыть в Петропавловский порт к половине мая будущего 1849 года и, сдав там привезенный груз, отправился незамедлительно к Сегнекинскому мысу для подробного осмотра и описания вновь открытой губы (имеется в виду открытый В. К. Поплонским Константиновский залив или Гавань Константина. — А. А.) и потом для осмотра юго-восточных берегов Охотского моря...» А в восьмом пункте копии приложенной инструкции говорилось: «Вы осмотрите также юго-восточные берега Охотского моря, тщательно проверьте положение тех пунктов, какие из оных были определены или только видимы были прежними мореплавателями, а положение самого берега между каждым из этих пунктов постарайтесь привести в сколь возможно большую соответственно времени ясность и определенность, необходимую для безопасности плавания наших судов по Охотскому морю». Дальше он написал Невельскому о том, что более подробную инструкцию тот получит на Дальнем Востоке от Н. Н. Муравьева, который также передаст ему подлинник документа, утвержденного царем.

Для Невельского наступили горячие дни. Если днями он бегал по Адмиралтейству, распоряжался на транспорте и спорил с интендантами, то вечера проходили во встречах с мореплавателями, в просмотре литературы, особенно касающейся Амура и Сахалина. Невельской долго беседовал с Ф. Ф. Беллинсгаузенем, участвовавшим в плавании Крузенштерна и производившим опись Сахалина. Беллинсгаузен подтвердил выводы своего командира о наличии перешейка между Сахалином и материком. П. Ф. Анжу и Ф. П. Литке рекомендовали Невельского Ф. П. Врангелю.

Тот допустил его к отчетным работам А. М. Гаврилова о плавании на бриге «Константин» в лиман Амура. Карта этого плавания опубликована в атласе Восточной Сибири А. Ф. Кашеварова, а с письмом А. М. Гаврилова о ходе плавания мне удалось ознакомиться благодаря любезной помощи канадского ученого профессора Ричарда Пирса, приславшего ксерокопию этого письма. Из этих материалов явствует, что А. М. Гаврилов хотя и побывал в устье Амура и попытался установить фарватеры в северной части его лимана, но южная часть лимана и район предполагаемого перешейка-пролива остались совершенно, как и Крузенштерном, неисследованными. Кроме того, как следует из карты А. М. Гаврилова, ему не только не удалось установить закономерностей фарватеров, ведущих из устья Амура к северу в Охотское море, но и не удалось нанести точно на карту

обширные и обильные мели амурского лимана. Как я уже говорил, причинами этого стали инструкции, сковывавшие инициативу и действия командира, а также недостаток времени, отведенного для исследований, опять-таки из-за боязни гибели судна и людей в неизвестном мелководном лимане.

Разумеется, Невельской делал выводы из всего этого, сопоставлял, рассчитывал наилучшее погодное время в лимане. Тем временем усилиями матросов, старшин и офицеров транспорт «Байкал» был окончательно, как выражаются в таких случаях моряки, изготовлен к плаванию. Этот небольшой корабль имел водоизмещение 250 тонн, длину 94 фута, ширину 24 фута 7 дюймов и полную осадку 12 футов 9 дюймов. Небольшие размеры и удачно выбранные обводы корпуса обеспечили транспорту хорошую остойчивость.

Команда «Байкала» состояла из 36 старшин и матросов. Кроме них до Камчатки шли 12 мастеровых и двое крепостных — офицерские слуги. Среди офицеров, кроме Невельского и Казакевича, вторым лейтенантом шел Александр Карлович Гревенс, мичманами — Алексей Федорович Гейсмар и Эдуард Васильевич Гроте, штурманами — поручик корпуса флотских штурманов Александр Антонович Халезов и подпоручик корпуса флотских штурманов Лев Александрович Попов. Врачом экспедиции был Владимир Г... (отчество раскрыть не удалось. — *А. А.*) Берг. К офицерам относили и юнкера князя Константина Александровича Ухтомского.

Вот и подошло то время, с которого я начал эту главу — 21 августа 1848 года. После осмотра, напутственного молебна и исполнения русского гимна раздалась команда Невельского: «По местам стоять, с якоря сниматься!». Сразу же с малого Кронштадского рейда небольшой портовый пароходик «Ижора» взял транспорт на буксир и довел его до Толбухина маяка. Ветер был отменный, и ничто не предвещало его быстрого ухудшения. Но уже у Сескара транспорт попал в шторм и Невельской, видя, что беспрестанным лавированием только мучает команду, направился за ту сторону острова, за которой можно было укрыться от ветра. Там «Байкал» отстаивался двое суток.

Дальнейший путь по Балтике также оказался нелегким. На переход к Копенгагену, куда пришлось зайти для стоянки, потратили целых две недели. Невельской был вне себя. Можно сказать, у себя дома потерять столько времени было очень обидно. Поэтому осмотреть достопримечательности толком не удалось, хотя это так хотелось сделать для пользы молодых офицеров и команды. Уже на следующий

день «Байкал» покинул Данию, направляясь по Каттегату и Скагерраку в пролив Ла Манш.

Здесь ветер переменился, став попутным. «Байкал» показал свои лучшие мореходные качества, как во время шторма, так и теперь, когда он несся по водной стихии с такой большой скоростью, на какую только оказался способен. Вскоре показались белесые меловые берега Англии, вдоль которых транспорт шел некоторое время. Затем прибыли вызванные лоцманы, которые 16 сентября завели «Байкал» в известный морякам всего мира порт Портсмут.

Почти две недели русские моряки провели в Англии. Тут предстояло подготовиться к переходу через Атлантический, а может быть, как задумал пока что про себя Невельской, и без захода в порты Южной Америки — сразу и через Тихий океаны. За время стоянки экипаж переделал уйму всяких дел, осмотрел порт и даже побывал в Лондоне и Гринвиче. А какие дела могли быть у парусника, отправлявшегося в такое дальнее плавание? А вот какие. Во-первых, прием продуктов и свежей воды. Во-вторых, проверка хронометров и закупка других, более современных мореходных инструментов, морских карт, знакомство в Королевском Географическом обществе с новыми пособиями по мореплаванию. В третьих, знакомство с морским музеем в Гринвиче, экскурсии по Лондону. В увольнение Невельской отпускал своих моряков группами по пять человек во главе с унтер-офицером и под присмотром Попова или Ухтомского. Но без происшествий не обошлось.

Побеги с кораблей в заграничных плаваниях происходили часто. В поисках счастья и лучшей жизни матросы всех стран мира, случалось, предпочитали какую-либо страну своей родине. Как правило, затем они разочаровывались в этом, но было уже поздно. Родная земля не принимала изменников, какими бы мотивами они не руководствовались. Среди мастеровых, следовавших до Камчатки, был некто Александр Яковлев, который, зайдя в лавку, располагавшуюся неподалеку от стоянки «Байкала», якобы купить платок, оттуда уже не вышел. Об случившемся дали знать Невельскому. Он объявил по городу розыск, обещал награду тому, кто сообщит о беглеце. Искала сбежавшего и полиция, но безуспешно. Видимо, загайлся где-то крепостной ремесленник, затем, чтобы выждав, когда «Байкал» уйдет, объявиться где-нибудь или устроиться на иностранный парусник.

В самом конце сентября, когда все дела вроде были переделаны, «Байкал» снова встал под паруса при попутном ветре. Привыкшие к

транспорту и отдохнувшие матросы выглядели весело и бодро. Равномерно и привычно менялись вахты, велись метеорологические и гидрологические наблюдения и измерения земного магнетизма, или как тогда говорили, «производились наблюдения за наклоном и склонением магнитной стрелки». Матросы проветривали белье, сушили кубрики и каюты. В свободное время они жарились под палящим солнцем, обливались океанской водой, готовились к обряду пересечения экватора — старинной морской традиции.

По отзывам моряков, по письмам офицеров, которые мне доводилось читать — они сохранились в Центральном государственном архиве Военно-Морского флота и у родственников некоторых из участников плавания, — все благоприятствовало морякам. Петр Васильевич Казакевич, например, в тропическом небе и живописных облаках видел картины, подобные кисти Рафаэля и Брюллова, а в один из дней он узнал картину, изображавшую последний день Помпеи. «Так ярко закатывалось солнце, небо горело, между тем как темные тучи, как дым расстилались в вершине неба... Море чистый изумруд, прозрачность удивительная...» Часто моряков сопровождали игрившие на поверхности воды киты.

Когда пришло время пересекать экватор, а это случилось 30 октября, Невельскому пришлось держать ответ перед грозным морским царем Нептуном, соблюдая все присущие этому дню ритуалы. К этому событию готовились задолго, а за две недели до него роли главных действующих лиц уже были разучены и тщательно повторялись и отработывались. Снова предоставим слово П. В. Казакевичу: «Вот является Нептун в полном облачении, Амфитрида в фантастическом костюме, нимфы, тритон и весь причет, из коих главный есть циркульник Нептунов. Комедия началась опросом у капитана, откуда идет и куда, и зачем его сон потревожили и потом предложением выстричься и вымыться всем нам в соленой воде. Но мы откупились ведром рома (конечно, каждый), а матроз каждого намазывали лицо черню и купали в воде. Матрозы были очень веселы этим праздником. Каждый старался друг друга больше выпачкать». День закончился праздничным обедом с добавочными порциями рома, плясками и песнями. Долго потом вспоминали матросы об этом светлом дне.

Курс лежал на Бразилию, в Рио де Жанейро, где решено было исправить кое-какие повреждения и запастись свежей провизией и водой перед тем как огибать Южную Америку. Во второй половине дня 15 ноября, сделав салют наций — 21 выстрел и получив в ответ столько

же залпов с берега, «Байкал» встал на якорь в самом живописном месте глубокой и красивой бухты. Так им тогда всем показалось. Но чуть позднее они разобрались в том, что все здесь вовсе не так, как в Европе, пока все кажется прекрасным, да еще после однообразного полуторамесячного морского перехода.

Стоянку прежде всего использовали для чистки обросшей раковинами подводной части судна, конопатки бортов, покраски и другого мелкого ремонта. Многие русские матросы воспринимали чернокожих мужчин и женщин с некоей долей страха — они попросту шаркались от них в сторону, как от нечистой силы. Но потом попривыкли, осматривая город, адмиралтейство, монастырь, гуляя по роскошному парку, взбираясь на горы в окрестностях Рио-де-Жанейро. На этой стоянке обошлось без приключений и побегов, да и офицеры приняли надлежащие к тому меры. Невельской послал отсюда официальные рапорты о плавании и о своих планах, а также как и все — почту родным и знакомым. Мне довелось читать его письмо к Ф. П. Литке, которому Невельской обязан очень многим в своей жизни. Ему Невельской отправил особый отчет и карту плавания.

Две недели пролетели быстро, больше оставаться в порту было нельзя, так как транспорт мог опоздать к намеченному сроку прибыть в Камчатку. Ранним утром 1 декабря при попутном ветре «Байкал» покинул гостеприимный город и отправился вдоль побережья к мысу Горн — южной оконечности Южной Америки. Было очень неудобно оттого, что стоял полный штиль. Это всегда считалось морякам плохим признаком — каждый день погода могла превратиться в штормовую. И точно: вдруг все изменилось, кругом ходили высоченные водяные горы — началось подлинное столпотворение. Качка была беспощадной, западные ветры развели такую волну, что вода перекатывалась по палубе, увлекая за собой все, что было плохо закреплено, и что, как говорят, плохо лежало, в том числе и рваные снасти, паруса. Транспорт вступил в зону печально известных сороковых широт.

«Ни в одном путешествии не встречается такого неудачного и беспокійного плавания, как мы вытерпели на нашем переходе», — писал Казакевич. Все вспоминали добрыми словами строителей из Финляндии, построивших их «Байкал» таким мореходным и остойчивым. Ветер вместе с качкой принес прохладу — недалеко была Антарктида, затем пошли дожди, стало пасмурно, в каютах и в кубрике появилась сырость. Это особенно почувствовалось после того, как 10 января 1849 года транспорт пересек меридиан мыса Горн и стал посте-

пенно выходить из ревуших и стонущих ветров. Стало чаще наступать безветрие, снова появились киты и альбатросы. Постепенно все дальше и дальше моряки уходили от злополучного мыса Горн и убегали под защиту южно-американского побережья. Становилось теплее, можно было снова проветривать помещения, сушить ставшее влажным обмундирование. А затем вновь наступила полоса безветрия, позже сменившаяся противными ветрами, затруднявшими переход.

Подходил к концу второй месяц бесперывного плавания — все устали и нуждались в отдыхе. Невельской взял курс к земле. 25 января 1849 года открылся чилийский берег, а 2 февраля «Байкал» встал на якорь по другую сторону Южной Америки, в порту Вальпараисо. «После шестидневного перехода встать на якорь есть величайшее наслаждение, несмотря на дурную погоду», — так признавался Казакевич брату. А Казакевича уж никак нельзя заподозрить в антипатиях к морю. Невельской зашел сюда явно по необходимости. Но все, что он смог позволить экипажу, — это лишь четверо суток отдыха. Ему во что бы то ни стало нужно было привести «Байкал» в Петропавловск как можно раньше, а впереди расстилался еще почти весь Тихий океан. Правда, он рассчитывал, что при благоприятном стечении обстоятельств можно будет дать более продолжительный отдых морякам на Сандвичевых островах — так раньше назывались Гавайи. Приходить на Камчатку слишком рано, когда там еще лежит лед и снег, было бесполезно. Знал Невельской и о том, что в это время года в экваториальной части Тихого океана обычно дуют пассаты, хотя и замедляющие движение, но позволяющие команде на ходу отдыхать и заниматься личными делами.

Невельской рассчитал все правильно, его прогнозы полностью оправдались. «Байкал» еле-еле двигался, течениями его дважды перетаскивало через экватор, холодные дни и ночи сменялись теплыми, с ласковым приятным легким ветром. И так длилось почти два месяца. Вся работа на транспорте была переделана — «Байкал» сверкал всеми цветами свежей покраски, освежили матросы, поправлялись больные, обедали на палубе, много и хорошо отдыхали. Когда транспорт пришел на рейд Гонолулу, то выглядел так, как будто прибыл на смотровое учение. Это случилось 31 марта 1849 года.

На рейде к великой радости увидели транспорт Российско-Американской компании «Иртыш» под командой капитан-лейтенанта А. О. Рудакова, хорошего и старого знакомого Невельского. Пасхальная неделя, на которую как раз попали в Гонолулу русские моряки,

прошла как один день. Они вместе гуляли, бродили по базару, любовались тропическими красотами. Превосходный климат, гостеприимные люди, живописная природа острова — все это располагало к отдыху. Невельской и Рудаков с офицерами нанесли визит королю Камеаеа, с которым Главное Правление Российско-Американской компании поддерживало дружеские отношения еще со времен А. А. Баранова.

Но даже и из такого райского уголка земли, каким являются Гавайские острова, морякам приходится когда-нибудь уходить. Наступило такое время и для экипажа «Байкала». Невельской отдал приказ идти на север, в далекую Камчатку. Он рассчитывал на длительное плавание, но попутный ветер, сопровождавший транспорт почти все время пути, изменил эти планы. Изредка налетали шквалистые ветры, иногда шел дождь, начались пасмурные дни и ночи, с каждым днем становилось холоднее: чувствовалось дыхание севера.

А вскоре моряки увидели снежные вершины Камчатки. И хотя суровая картина предстала их глазам, на душе у каждого из них потеплело: транспорт подходил к окраине России. Из-за сильного снегопада транспорт сразу не смог войти в Авачинскую губу. Сутки он выжидал перед воротами, и только 12 апреля 1849 года «Байкал» встал на якорь в Петропавловской гавани. Такого раннего прихода судна старожилы не припоминали⁵. Да и в самом деле, за всю историю кругосветных плаваний только В. М. Головнину на шлюпе «Камчатка» удалось пройти этот долгий путь на две недели быстрее. Но зато и скорость «Камчатки» была больше, чем ход «Байкала» на 2,5 узла (на 4,6 км в час). В общей сложности Невельской позволил транспорту стоять в портах всего 33 дня. Все остальное время «Байкал» упрямо шел к цели, находясь под парусами. В результате огромное расстояние было пройдено за 8 месяцев и 23 дня. Головнину удалось сделать это за 8 месяцев и 8 дней.

Столь ранних гостей радостно встречали жители Петропавловска во главе с начальником Камчатки капитаном 1-го ранга Ростиславом Григорьевичем Машиным. Распорядившись насчет отдыха команды и разгрузки транспорта, Невельской сошел на берег. Прочитанные депеши и письма наводили на размышления, которые необходимо было сразу же согласовать с Машиным. Тот, кстати, сказал, что получил предписание Муравьева всячески содействовать быстрейшему выходу «Байкала» из Петропавловского порта для исполнения данного ему поручения.

Невельской поделился с Машиным полученными известиями и распоряжениями генерал-губернатора. Невельской отлично исполнил первую часть инструкции, данной ему Меншиковым, подтвержденной

и развитой Муравьевым. Теперь предстояло выполнить вторую, основную ее часть, воплотив тем самым мечту своей юности и всей жизни. Из писем Муравьева Невельской узнал, что после отправления «Байкала» в плавание в Петербурге произошли события, говорящие о том, что Меншиков и Муравьев вели линию на исследование Амура в том направлении, которое первоначально было выработано им, Невельским.

В частности, выяснилось, что 29 января 1849 года, когда «Байкал» находился у берегов Чили, в Петербурге указом царя был образован особый комитет, поводом к созданию которого и послужили вышеприведенные обстоятельства. Комитет рассмотрел программу действий и обсудил инструкцию Невельскому, которую Меншиков представил царю на утверждение. Копия же ее послалась Муравьевым Невельскому и теперь находилась у него, в Петропавловске, на «Байкале». Согласно ей, Невельскому поручалось из Петропавловска идти к северной части острова Сахалин, описать эту часть, определить, имеется ли с севера вход в лиман Амура. Если есть, то войти туда, произвести исследования как в самом лимане, так и в устье реки и в южной части лимана, где точно определить: имеется ли там пролив, позволяющий входить в лиман и устье Амура морским судам, или же там расположена недоступная для них осушающая отмель, годная для плавания только в приливные часы лишь на мелкосидящих судах. А возможно, что там вообще нет никакого пролива, а Сахалин соединен с материком перешейком. Ведь самые большие авторитеты — Лаперуз, Браунтон и Крузенштерн — говорили именно так! И все это предстояло отныне выяснить ему, Геннадию Невельскому.

Разъяснение решения Особого комитета находилось в письменной инструкции Муравьева, датированном 12 ноября 1848 года. В нем ясно говорилось, что если «Байкал» придет в Петропавловск в половине мая и при благоприятных обстоятельствах выйдет оттуда в конце месяца или не позднее 1 июня, «то для описания берегов Охотского моря будете иметь с лишком три месяца: июнь, июль, август и часть сентября, ибо прибытие Ваше в Охотск необходимо только к 10 сентября. Остается только так распределить Ваше плавание по Охотскому морю, чтобы время это употребить с наибольшею пользою и успехом». Муравьев просил наиболее подробно описать северную часть Сахалина, лиман и устье Амура и «пролива отделяющего этот остров от материка». Муравьев уверенно написал слово «пролив», так как был совершенно в этом убежден.

Невельской оценил создавшуюся обстановку правильно и сразу. С одной стороны, у него не было утвержденной царем инструкции, то есть фактически не имелось разрешения на проведение исследований. С другой же стороны, он располагал официальным предписанием непосредственного и весьма высокого начальника — генерал-губернатора Восточной Сибири и его заверением, что он надеется сам доставить ему инструкцию в Аян или Петропавловск во время своего путешествия по Дальнему Востоку, которое планировал и осуществил. Главной целью путешествия генерал-губернатора являлось участие в мероприятиях, проводимых в лимане Амура, а также решение вопроса о переносе Охотского порта в другое место. Среди последних назывались залив Аян и Петропавловская гавань.

В Петропавловске к приходу Невельского Муравьева не оказалось. Можно было направить «Байкал» ему навстречу в Охотск или в Аян. Но и в этом случае вероятность встретить Муравьева была невелика, время же можно было потерять, а с ним и саму мечту, ставшую отныне реальностью. Поэтому Невельской решил идти к Сахалину. Риск был достаточно велик: всякие исследования в пограничном районе могли вестись только с разрешения царя, а Невельской инструкции, утвержденной им, пока не имел. Имевшаяся копия оставалась лишь копией — царь мог ее не утвердить, мог что-то исправить...

Стремясь оправдать свои, в общем-то, незаконные действия, Невельской правильно доложил Меншикову и Муравьеву, что, несмотря на отсутствие официальной, утвержденной царем инструкции, он отправляется исполнять их распоряжения в соответствии с имеющимися у него указаниями и инструкциями. Меншикову он, например, доложил совершенно определенно: «Вследствие данных мне Вашею Светлостию инструкций и предписаний, полученных мною здесь от военного генерал-губернатора Восточной Сибири, весь имеющийся у меня Адмиралтейский груз здал в ведение начальника Камчатки. Ко 2-му числу июня буду совершенно готов к следованию для исполнения возложенных на меня поручений». Затем он просил наградить отличившихся во время перехода матросов, особо хвалил офицеров — лейтенантов Казакевича и Гейсмара, а также штурмана Халезова.

Поскольку с Машинным была договоренность о том, что все грузы должны были остаться в Петропавловске, откуда позднее другими судами их намеревались переправить в Охотский порт и в Русскую Америку в Ново-Архангельск, то команда действительно справилась с разгрузкой «Байкала», успела кое-что привести в порядок и даже отдох-

нуть. Надо сказать, что во избежание недоразумений истинная цель плавания не доводилась до сведения личного состава. Даже не все офицеры знали в деталях о стоявшей перед ними задаче. Поэтому перед выходом в море Невельской считал нужным довести до сведения всех офицеров полный текст инструкции, призвал их к содействию выполнения возложенных на «Байкал» обязанностей и к неразглашению этих сведений.

Сам Невельской в своей книге «Подвиги русских морских офицеров на крайнем востоке России» привел если и не подлинный текст, то, по крайней мере, изложил суть инструкции. В соответствии с ней, ему следовало:

— из Петропавловска идти к северной части Сахалина, где осмотреть, нет ли здесь закрытой гавани или хорошего рейда;

— определить с севера вход в лиман Амура и обследовать северную часть лимана, особенно между мысами Ромберга и Головачева;

— обследовать устье реки Амур, состояние входа на некотором протяжении, поискать место для защиты устья в этом районе;

— описать берега Амура и лимана в географическом и статистическом отношении;

— исследовать берег Охотского моря и Константиновского залива и привести эти места в ясность и определенность, необходимую для безопасного плавания судов в Охотском море.

— определить состояние южной части лимана: выяснить, справедливо ли убеждение, что Сахалин полуостров; если это убеждение ошибочно, то исследовать пролив, отделяющий Сахалин от материка, а также исследовать, нет ли тут места, удобного для защиты в лиман с юга.

Исследования в Амуре и в лимане надлежало производить с гребных судов, поставив «Байкал» на якорь при входе в лиман, где-либо в видимости мыса Головачева. Незвестность, ничейность и неизученность этих мест заставляли составителей инструкции напомнить Невельскому о том, чтобы он и его офицеры во время своих исследований в назначенных местах воздерживались бы от поднятия русского военно-морского или морского торгового (как раньше говорили — коммерческого) флага. А затем, если все завершится успешно, то в сентябре командиру следовало сдать транспорт в Охотске местным властям, а оттуда офицерам возвращаться в Петербург через Сибирь ⁶.

В той или иной форме с некоторыми уточнениями положения царской инструкции повторялись и в предписании Н. Н. Муравьева, которое прилагалось к его частному письму для Невельского. В частности,

в нем говорилось: «Из берегов Охотского моря наиболее необходимо подробное описание: 1. Северной части острова Сахалин с восточной и западной стороны; 2. Пролива, отделяющего этот остров от материка; 3. Лимана и устья реки Амур и 4. Сегнекинской губы. Главное, чтобы в конце будущего же 1849 года я смог получить от Вас сведения о северной части Сахалина, а также описания пролива, Амурского лимана и устья этой реки»⁷.

Хотя «Байкал» начали готовить к выходу 31 мая, но отправиться в дальнейшее плавание удалось лишь спустя несколько суток: был болен матрос Федор Анучин, а также ждали прибытия двух байдарок с алеутами, которых решили взять в лиман для исследовательских работ вблизи берегов и на отмелях. Транспорт ушел из Петропавловской гавани 2 июня. Море встретило его безветрием, судно еле-еле плелось вдоль камчатских берегов, далеко не отрываясь от них, но и не подходя близко — находясь в пределах безопасной воды. Лишь 7 июня «Байкалу» удалось пройти Четвертым Курильским проливом в Охотское море. Отсюда Невельской, следуя указаниям и рассказам Крузенштерна, проложил курс к отмеченному на карте Крузенштерна месту, где тот встретил сильный бурун у берега, похожий на сулой, на основании чего и предположил, что в этом месте Сахалина возможно искать устье Амура или одну из его проток. Это место находилось примерно в широте 51°40' у восточного берега острова.

На сей раз погода благоприятствовала переходу — видимо, родные края помогали, — и уже через четверо суток, 11 июня в 18 часов «Байкал», согласно солнечному определению, находился в 35 милях от места. Наступала темнота, и лучше всего было встать на якорь, чтобы дожидаться утра — так и сделали. Ночью вахтенный матрос слышал в направлении берега шум, о чем немедленно доложил вахтенному офицеру, а тот, разумеется, — Невельскому. В результате в шанечном журнале транспорта появилась запись о том, что, «услышав шум буруна, поворотили от него на запад и отошли мили на четыре, на всякий случай, и стали ожидать рассвета».

С рассветом во всей своей красе морякам открылся заснеженный обрывистый берег. С «Байкала», подошедшего мили на три ближе, в расщелине берега увидели залив, в котором было много китов и грозно шумел бурун. Спустили байдарки и «пошли с описью». Однако уже через два часа посланный на байдарках офицер возвратился, сказав, что из-за бурунов невозможно подойти близко к берегу и тем более идти в залив.

Невельской приказал спустить на воду четверку и вельбот, на которых отправились Казакевич, Гейсмар, Гроте и Попов с матросами. На всякий случай с собой они прихватили оружие. Им следовало выяснить — нет ли прохода между бурунами к видневшейся вдаль за ними воде. Транспорт находился в районе современного Луньского залива. Вельбот решили направить прямо на запад к берегу, а четверку — несколько южнее, по другую сторону бурунов. Лодочки подошли к берегу почти одновременно, и матросы быстро вытащили сюда легкие, приплясывающие на волнах суденышки.

Еще на подходе шлюпок к берегу с них хорошо были видны люди, спокойно ожидавшие пришельцев. Затем трое из них двинулись навстречу и помогли вытащить лодки на берег, потом подошли остальные. Это были местные жители из селения Даги, расположенного на среднем из трех протянувшихся там островов в заливе того же названия. Моряки одарили их сувенирами, среди которых особым вниманием пользовались огниво, крично и табак. Женщинам дары также пришлось по вкусу. Русские моряки объяснялись с аборигенами знаками и телодвижениями, чертили рисунки на песке. Это получилось, друг друга они поняли!

Гроте и Казакевич пришли к единодушному мнению о том, что какая-либо протока Амура в этом месте к морю не выходит и что они находятся на берегу острова, ближайшему к Амуру, а в недалекой близости течет река. Чуть позднее стало ясно, что это река Тымь (Тыми или Тымы). Местные жители были одеты в кухлянки и торбаса, сделанные из тюленьих шкур. Сейчас на месте высадки моряков «Байкала» установлен памятный знак, на котором написано: «В честь первой высадки экспедиции Г. И. Невельского 1849 года. От курсантов, преподавателей и сотрудников ДВВИМУ им. адмирала Г. И. Невельского».

Офицеры провели астрономические наблюдения, в результате которых они обнаружили ошибку Крузенштерна в определении долготы этого места: если следовать карте Крузенштерна, то в данной долготе «Байкал» должен был стоять в 19 милях от берега, а в действительности он находился почти у самой его кромки.

После возвращения на корабль все эти сведения тщательно изучили, а Невельской на следующее утро отправил на байдарке подпоручика Попова с целью определить, что же все-таки представляет собой видимая с корабля вдаль от берега острова Сахалина вода. Попов прекрасно разобрался в этой загадке, доложив, что это не что иное, как шхеры, образовавшиеся в результате совместного

действия ветра, приливных и отливных течений, выносов грунта из рек и речушек с берега острова Сахалин к морю. Более всего шхеры возникают в узких местах — проходах, в заливах, лагунах, образуя в таких случаях длинные песчаные, иногда состоящие из нескольких островов, косы или кошки с мелководными изменяющимися проходами. На одном из таких островов и располагалось селение Даги. Тюлени и птицы в шхерах встречались на каждом шагу. В общем, Попов подтвердил первоначальные предположения, но ему, к сожалению, не удалось встретиться с жителями, которые ушли из селения по каким-то своим делам.

Но зато Невельской усмотрел с салинга, что в то самое время, когда Попов уходил из поселка, туда с другого берега возвращались его жители. Поэтому он распорядился послать на берег мичмана Гроте, который был обязан описать его, положив на план. Взяв с собой вельбот с шестью матросами и байдарку с тремя алеутами, Гроте двинулся к селению, состоявшему из нескольких юрт-шалашей. Видя, что жители вооружены, мичман распорядился приготовить оружие. Но как раз в этот момент вельбот попал на мель, и аборигены, побросав свое оружие на песок, подбежали к берегу и стали показывать, что именно тут можно безопасно высадиться.

Гроте вышел на берег один и без оружия. Когда он протянул первому встретившему его жителю обе руки для пожатия, тот — старый человек — не удовлетворился рукопожатием, а трижды обнял мичмана, и трижды прикоснулся к его щекам. Мир установился сразу, и никакое оружие не потребовалось. Началось вручение подарков — вновь преимущественно кремней и огнив, а некоторым аборигенам досталось и по пачке табака.

Гроте, сопровождаемый тремя матросами и алеутами, вместе с жителями пошел осматривать их жилища. Одновременно завязался разговор о том, как жители сами себя называют, как они зовут селение и всю свою землю. Оказалось, что сахалинцы называют свой остров Чоко (вспомним, что точно также они называли себя и Лаперузу), что они слышали от соседей о матцмайцах. Они никак не реагировали, а в лучшем случае смеялись над тем, когда Гроте показывал им карту Сахалина и настойчиво выспрашивал у них всевозможными способами — соединяется ли он где-нибудь с материком, а также где Амур вливается в море. Выменяв у сахалинцев лук и стрелы, и убедившись в том, что они знают железо и знакомы с пришельцами, Гроте возвратился на «Байкал».

Некоторое время Невельской продолжал удерживать «Байкал» возле этого места, названного Шхерами Благополучия. Местные жители подходили к борту транспорта на долбленых однодеревках, действуя веслами, выполненными в виде лопаток, держащихся на лодке с помощью дыры и штырька — своеобразной уключины. Они обменивались с русскими всякими шутовскими, но на борт подниматься ни за что не хотели. Возможно, они помнили случай, когда кого-то из их соплеменников увезли в плен приходившие к берегу Сахалина пираты — иначе таких мореплавателей не назовешь.

Невельскому стало ясно, что в данном месте Сахалина искать устья Амура или какой-то его протоки бессмысленно, и он направил «Байкал» в северном направлении, придерживаясь берега. Вскоре с транспорта заметили лагуну. Посланная туда шлюпка вскоре привезла весть о том, что глубина позволяет «Байкалу» идти к берегу. Кроме того, от офицера, посылавшегося к берегу, стало известно, что вода в лагуне и вблизи нее отличается по цвету от морской. Невельской взял курс на мыс, у которого начиналась лагуна, но наступающая темнота заставила его лечь в дрейф, отложив, таким образом, все дело до утра, до рассвета.

Утром выяснилось, что за лагуной и кошкой просматриваются какие-то водные поверхности, похожие на озера, между которыми располагаются высоты, прозванные моряками «Черными буграми». Близко к берегу и к лагуне подойти не удалось, так как все пространство до них было забито льдом. Его успел разглядеть Гейсмар, посланный на берег. Вскоре он вернулся на транспорт, услышав выстрел из пушки: Невельской, не забывая о военном назначении корабля, напомнил об этом и всем морякам объявлением артиллерийских учений.

После стрельб команде было дано свободное время. Офицеры обдумывали создавшееся положение и все больше убеждались в том, что в этом месте Сахалина Амур не впадает в Тихий океан, что надо продолжать исследования, тщательно осматривая каждую бухту, залив, лагуну, каждую водную гладь, которую увидят с мостика. Вокруг транспорта веселились сивучи и тюлени. Матросы с переменным успехом на большой глубине пытались проявить свое искусство в рыбной ловле.

Мне посчастливилось найти отчетную карту плавания транспорта «Байкал» к берегам Сахалина и вокруг него. Глядя на нее, ясно представляется, что транспорт не оставял без внимания ни одного изгиба берега. Это же подтверждают вахтенный журнал и записи, которые вел старший помощник командира Петр Васильевич Казакевич.

Выходило так, что шхеры, тянувшиеся вдоль берега, и иногда прерывавшиеся в местах выступов мысов, образовались не столько в результате выноса песка береговыми речками и ручьями, сколько приливно-отливными течениями. И, несмотря на такое убеждение, Невельской в каждом случае, когда замечались углубления в береге, направлял туда офицера на шлюпке — так было 15 и 16 июня. Офицеры работали непрерывно, с рвением, надежно.

17 июня подошли к северной оконечности Сахалина — мысу Елизаветы. Здесь, как и в других местах острова, с мостика и с салинга сразу за береговой чертой заметили полосу воды, как будто бы не соединенную с морем, то есть озеро. Это открытие не оставили без внимания. Расположение озера определили по пеленгам мысов Марии и Елизаветы, точно нашли свое место, к которому подошли раньше, надеясь на этот раз на удачу.

В шестом часу утра от «Байкала» отошла шлюпка с мичманом Гроде. Место на берегу, куда она подошла, Гроде точно определил по пеленгам тех же мысов. Слева виднелись горы, покрытые снегом и спускавшиеся почти до самого моря, а справа — повсюду кучи выкидного плавника. Озеро должно было располагаться где-то выше, в горах. У шлюпки остался часовой, а Гроде с остальными матросами направился к озеру. С «Байкала» оно казалось лежащим совсем рядом, у берега, а тут до него пришлось шагать целую версту, минуя небольшие пресные озерки. Местность, поросшая луговой растительностью, выглядела заболоченной.

По пути моряки встретили заброшенную деревушку, состоявшую из нескольких хижин-юрт. По всей видимости, это был летник — место, где аборигены летом ловили рыбу. Повсюду летало много водоплавающих птиц, попадались белые и черные журавли — тогда они еще не были занесены в Красную книгу, да и книги-то такой не существовало. Вокруг рос кедровник, встречались тонкоствольная береза, лиственница, рябина. В отчете Гроде с удивлением упоминает и то, что им попадались полевой горох. Моряки по дороге срывали черемшу, клюкву, бруснику, морошку, сарану.

Озеро оказалось пресным и довольно большим — верст пять в длину и около трех в ширину. Глубину и грунт в его центре узнать не удалось, а вот берега оказались илистыми, местами песчаными. Именно поэтому так богат и разнообразен был растительный и животный мир вокруг водоема. Пресная вода заполняла все низины на гористой возвышенности; морская же вода добраться туда не могла.

Спустившись к шлюпке, Гроте пошел на ней дальше вдоль берега, правя на видневшийся мысок. На нем оказалась обгоревшая юрта, место вокруг нее говорило о том, что тут недавно был пожар. Вдруг неожиданно недалеко показалось четверо людей. Один из них, вышедший вперед, стал размахивать руками и шкурами зверей, давая знать, что ничего плохого морякам они сделать не хотят. Те отвечали такими же приветственными жестами.

Когда местные жители подошли, то стало видно, что их одежды были шиты из собачьих шкур, а ноги обуты в сапоги из козьей и рыбьей кожи. На одном аборигене выделялся красный ватник. Они увлеченно переговаривались между собой, осматривая шлюпку. Знаками показали, что остались довольны и пригласили моряков к себе в деревню. Гроте был весьма рад такому случаю. Около версты шлюпка с моряками и местными жителями шла вдоль самого берега до места, где в море впадал небольшой, но красивый ручей с прохладной пресной, очень вкусной, похожей на ключевую, водой.

Пошли в гору, совсем скоро оказались у озера размерами две на две версты, наполненного до самых краев пресной водой. Казалось, что если ветер чуть-чуть усилится, то вода моментально выйдет из его берегов. Пройдя по берегу, моряки вышли на ровную поляну, на краю которой виднелось селение. Сопровождавшие их жители остановились и дали знать, что дальше им идти нельзя. Любоваться жилищем можно лишь издали. Тогда Гроте, распорядившись матросам оставаться на месте, сам решительно направился к деревне. Ему очень хотелось посмотреть, как устроены жилища, как и чем питаются люди, какие орудия есть у них для рыбной ловли, чем они охотятся. Ему не терпелось как можно больше разузнать о самом Сахалине, о лимане, об Амуре. Ведь за всем этим сюда и пришли русские моряки, пришли за тем, чтобы совершить открытия и чтобы ими подтвердить забытое...

Офицера никто не остановил, но, войдя в первую же юрту, он понял, что все обитатели только что ее покинули. Так повторялось в каждом жилище. Гроте видел в них запасы шкур тюленей и медведей, на полу валялись топоры, на сучьях висели деревянные ружья с железными замками и длинными курками. Женщины и дети, предупрежденные мужчинами, спрятались поблизости от деревни. Видимо, какие-то наглые китобои недавно побывали тут и напакостили. Но мужчины не отказывались от разговоров, конечно, знаками и жестами. Так удалось собрать очень много ценной информации, которую Гроте с радостью сообщил Невельскому после возвращения на транспорт.

Геннадий Иванович заканчивал первую часть программы своих исследований — описание северной части Сахалина и его картографирование. Ему оставалось провести астрономические наблюдения на берегу. Они оказались точными и подтвердили, что и наблюдения на восточном берегу Сахалина были такими же. Кроме того, по широте они совпадали с определениями И. Ф. Крузенштерна и Ф. Ф. Беллингаузена. А это подавало определенные надежды и придавало уверенность в точности наблюдений, а, следовательно, и в правильности картографирования. Берег на всем описанном пространстве оказался крутым, гористым, без больших пологих пляжей. Но зато моряки не нашли здесь и ни одной приличной якорной стоянки.

По-прежнему придерживаясь общего направления береговой черты, Невельской после мыса Марии направил «Байкал» на юг, к тому месту, где на карте А. М. Гаврилова был обозначен залив Обмана, названный им так потому, что он ошибочно принял его за устье Амура. И действительно, ошибиться было нетрудно, так как с юга постоянно наблюдалось сильное встречное течение, а по прошествии нескольких часов впереди явственно обозначился пролив. Невельской уже знал, что это и есть вход в пресловутый залив Обмана, но ведь Гаврилов-то этого в свое время не знал. Он долго искал выход из залива и в результате потерял уйму времени, которое можно было использовать для дальнейших работ в лимане Амура.

Невельской учел этот опыт. Он поставил «Байкал» на якорь на большой глубине, так как перед этим транспорт садился на мель и с большим трудом с нее стянулся. Командир послал две шлюпки с Гревенсом и Поповым во главе. Им было приказано подробно описать залив и картографировать его. Не станем останавливаться на их работе. Скажем лишь, что каждый успешно исполнил то, что было ему предписано: Гревенс осмотрел и описал берега, а Попов подробно картографировал залив, который отныне по справедливости называется заливом Байкал — в честь транспорта, на котором совершалось это историческое плавание.

Впереди предстояло самое трудное дело. Дул сильный ветер, внезапно сменившийся туманом, который быстро затянул мглой видимый кусочек берега с гористыми вершинами. Геннадий Иванович маневрировал судном, ложась с одного курса на другой. Лавируя на виду мыса Головачева, транспорт сел на мель. Но чем больше появлялось трудностей, тем спокойнее становился Невельской. И сейчас самообладание не покинуло его. «Байкалу» удалось без повреждений сойти с мели, уйти на глубину и встать на якорь в ожидании улучшения погоды.

Между тем наблюдения привели к радостному выводу. Изменившийся цвет воды, ее уменьшившаяся соленость и сильное течение, идущее с юга, — все это однозначно говорило о том, что где-то поблизости находится устье великого Амура, к которому Невельской стремился всю свою жизнь. На пороге открытия стоял его «Байкал» и находился он сам. А «Байкал» и в самом деле стоял — на якоре. Невельскому ничего не оставалось делать, как послать по направлению мыса Головачева шлюпки для разведки. Гейсмар и Гревенс, возвратившись, рассказали, что определили недалеко от этого мыса отмель, осыхающую во время отлива, и закрывающую вход в лиман. По их докладам выходило, что под берегом Сахалина в лиман войти невозможно. А значит, надо искать вход в другом месте — потихоньку, с промерами идти к противоположному берегу, к матерiku.

Отдав необходимые распоряжения, предусматривавшие, кажется, любой непредвиденный случай, Невельской приказал сниматься с якоря и, осторожно лавируя, идти по направлению горы Меншикова. Шли не рискуя, часто определяя свое место и постоянно измеряя глубины. Наступило такое время, когда Невельской решил, что дальше транспорту двигаться нельзя, а исследования нужно продолжать на шлюпках.

27 июня встали на якорь. С «Байкала» в разных направлениях систематически стали ходить шлюпки, постоянно и постепенно расширяя круг своих исследований. Смысл этих исследований и стратегического плана Невельского вполне понятен. К вечеру каждого дня итоговая карта в каюте капитана пополнялась новыми цифрами-глубинами, которые рано или поздно должны были высветить общую картину глубин в лимане, а значит, и определить судоходные места — проходы, которые моряки называют фарватерами.

В записке Невельского рассказывается о любопытных ситуациях, в которые попадали некоторые из участников работ. Однажды на берег были отправлены сразу три промерно-съёмочные партии: Гревенс на шестивесельном баркасе, Гроте — на четырехвесельном и Гейсмар — на вельботе. На транспорте осталось всего десять человек. Сильный шквал выбросил баркас Гревенса на осыхающую мель, а вельбот Гейсмара — на отмель вблизи селения Тамлево на Сахалине.

Гейсмар с матросами с трудом добрался до берега, где они сразу же развели костер и повесили белье на просушку. Утомленные трудным плаванием и успокоенные жарким солнцем, моряки уснули, не выставив дневального. Проснулись, а белья как не бывало. Пришлось

всем возвращаться на транспорт в верхнем одеянии. Невельской вмешался, заставив гиляков возвратить украденную одежду. Пришлось внушить аборигенам, что лучше попросить то, что им нужно, и что терпеть воровства моряки не намерены. Надо сказать, что строгие увещевания подействовали, и в дальнейшем между русскими и местными жителями сохранились самые дружеские отношения.

Можно рассказать и о таком приключении. 30 июня для осмотра сахалинских берегов были посланы Казакевич и Гейсмар с командами. Последнему было приказано осмотреть берег в северном направлении и попытаться добраться до видневшегося там селения, но не удаляться от места высадки более чем на пятнадцать верст. Гейсмар и с ним юнкер Ухтомский с шестью матросами после полудня высадились на берег, имея запас продуктов на неделю. Как всегда, они определили свое место, поставили палатку, оставили в ней четырех матросов во главе с князем Ухтомским, а Гейсмар с двумя моряками пошел в селение, придерживаясь общего направления на мыс Головачева.

Добрались до жилища они вполне благополучно. Селение оказалось большим — до тридцати домов, проживало в нем около 130 человек. Пришедших дружелюбно встретили, показали свое хозяйство, рассказали об окрестностях, о лимане и о его южной части, упомянули о мысе Погоби (а совсем не мыс Погиби, небрежно произведенный картографами по созвучию со словом «погибель»). Погоби по-местному означало «червяк», наверное, там их много водилось, вот и приметили место таким названием. Гейсмар поднялся на возвышенность и увидел: слева — песчаный берег, а прямо на восток — бугры, покрытые кедровым стлаником и густым хвойным лесом, начинавшимся верстах в семи от селения и видневшимся по всему горизонту. У самого леса, к юго-востоку, верстах в девяти, было заметно еще одно большое селение, до которого Гейсмар также решил добраться.

Он бодро шагал по вязкому песку, напрямик проложив курс по компасу. Песок сменяли поочередно то болотистые луга, покрытые диким цветущим розмарином, морошкой, то кустарник, наполненный небольшими болотцами. Вскоре Гейсмар так запутался, что решил вернуться в свою палатку. Но все попытки идти назад по компасу уводили его куда-то в сторону. В конце концов он направился прямо к берегу, и по нему еще целых два часа добирался до палатки. Только около девяти часов вечера офицер был на месте. Предпринятая на следующий день вторая попытка оказалась столь же неудачной. Проблуждав в кедровнике с четырех часов до полудня, Гейсмар так и не нашел дороги к селению.

Больше он не предпринимал попыток добраться до него. Гейсмар отправился к транспорту, тем более что отведенное для работы время закончилось. Но чем дальше вельбот отходил от берега, тем сильнее крепчал ветер. Переменилось и течение, бороться с которым стало тяжело, пришлось спускаться с попутным ветром к берегу. К девяти часам вельбот подошел к селению на мысе Головачева, где моряков встретило все население, давно уже наблюдавшее, как отважно они боролись со стихией. Здесь Гейсмар насчитал свыше полутора ста человек. Жители мигом выгнали суденышко на берег и помогли развести костер, за что щедро были вознаграждены табаком.

Казакевич также и по той же причине не сумел добраться до транспорта и тоже подошел к берегу, но встал на якорь — дрек, так как выгнать баркас на сушу не удалось. Гейсмар помог перевезти матросов на берег, где вместе они и устроились. Сразу же выяснилось, что двое матросов заболели. Пришлось их лечить подручными средствами, уложив спать под медвежьими шкурами. Спали плохо, палатку моряков всю ночь окружали местные жители. Утром переменяли стоянку, перейдя на старое место, куда перевели и баркас. Так продолжалось двое суток, до тех пор, пока не утих ветер. Только 3 июля удалось подойти к «Байкалу» и доложить обо всем произошедшем Невельскому.

Тревожно становилось на душе у командира. Время шло, а вход в Амур был еще не найден. О южном проливе имелись сведения только от местных жителей, а надо было везде побывать самим, точнее, после исследований офицеров, ему самому. 5 и 6 июля попытались одновременно изучить проходы около берега Сахалина и у материка, чтобы найти вход в устье Амура. Гроте с шестью матросами пошел к Сахалину, а Казакевич на четверке — к материковому берегу. Оба офицера прилагали все усилия для того, чтобы выполнить не только приказание командира, но исполнить и свой долг. Расскажем чуть подробнее об этих вояжах сподвижников Невельского. Хотя бы потому, что они сыграли едва ли не решающую роль во всей экспедиции.

Останавливаясь у каждого населенного пункта, мичман Гроте спрашивал у местных жителей, как они плавают в устье Амура, и всякий раз ему отвечали, что плавают напрямую. Когда он попробовал сделать так же, то у него ничего не получилось: несмотря на частые измерения глубин, он так и не смог найти фарватера. Можно было, конечно, этому найти объяснение и в том, что ему мешало, может быть, чрезмерное усердие. Однако встречное течение упорно говорило о том, что где-то совсем близко, рядом, находится устье. Только

у огромной реки оно могло быть таким мощным. Гроде удалось нащупать глубины в пять — восемь саженей, безопасные для плаванья, но они тянулись вдоль Сахалина, параллельно ему и в небольшом от него расстоянии. Правда, продвигаясь вдоль, а точнее, по этим глубинам, молодой мичман вдруг совсем неожиданно для себя «попал» на обширную отмель, протянувшуюся на запад от Сахалина к предполагаемому устью. С такими невеселыми мыслями Гроде возвратился на транспорт и по порядку доложил обо всем своему начальнику. На что последний возразил, что не может эта отмель заполнять весь лиман. Где-то же должен существовать проход, причем глубокий, полноводный, придонный, по которому вода мощным, беспрерывным потоком устремляется из Амура. С этим нельзя было не согласиться. И Невельской думал, думал и решал... А пока он ждал вестей от Казакевича.

Петр Васильевич отправился на четверке на следующий день после Гроде. Невельской приказал ему не только дойти вдоль берега до устья Амура, но и по возможности подняться по нему верст на десять, беспрестанно делая промеры. Геннадий Иванович не терял надежды на то, что при таком обрывистом крутом берегу фарватер как раз и может идти, как говорят моряки, под берегом. На это обстоятельство Невельской еще и еще раз просил обратить внимание. Казакевич был готов ко всему, но только не к тому, чтобы не суметь отойти от транспорта. А дело в том, что в лимане Амура, как в трубе, преобладают сильные южные ветры. На этот раз ветер оказался таким, что в течение четырех часов не позволял Казакевичу отвалить от «Байкала».

Наконец Казакевич ловко лавирнул парусом и четверка оторвалась от транспорта, отдавшись на волю волн. Пока добирались до берега, все вымокли до нитки: брызги от морской пены — это совсем не то, что брызги шампанского во время престольного праздника. Не доходя до берега, Казакевич дал возможность отдышаться себе и матросам на отмели. Высадились, вытащили четверку, развели костер, сразу же заметив того, что на противоположной стороне кошки расположилось селение. После того, как его обнаружили, туда немедленно и отправился пыливый Казакевич со своим вестовым матросом.

На подходе к селению Казакевича встретила толпа местных жителей. На противоположном берегу тоже размещалась большая деревня. Казакевич посетил и ее. Выяснилось, что деревня действительно большая, здесь он насчитал около сотни жителей. Продолжив опись, Каза-

кевич заночевал в небольшом заливчике под названием Ичо, там же находилось еще одно маленькое селение, имевшее такое же название.

На другой день опись продолжилась. Берег был гористый, крутой, поросший кедром и хвойными породами, в низинах было много ягод, преимущественно смородины, морошки, малины. Ночью моряков беспокоило поведение местных жителей: некоторые из них настойчиво просили табак, кресало, огниво. Берег-мыс, называемый аборигенами Табахом, тянулся недалеко. Он круто обрывался в реку, течение вокруг него бурлило. Мыс оказался северным входным мысом в устье реки Амур. Вода вокруг была чистойшей и пресной — это были амурские воды.

Чтобы окончательно убедиться в этом, Казакевич поднялся на высокую гору, которая также называлась Табах. Вид, который открылся ему с этой высоты, был изумителен. Где-то очень далеко в дымке виднелся противоположный берег. Позднее выяснилось, что расстояние до него в устье этой огромной реки составляет восемь морских миль, то есть около пятнадцати километров. Посредине этой громады располагалась большая мель, проходы имелись только в северной и в южной частях реки. Вот поэтому-то так долго искали вход в устье Амура: его пытались обнаружить на всем широком пространстве лимана, но не под берегами его устьевой части.

Исполняя распоряжение Невельского, Казакевич не удовольствовался увиденным и открытым. Он решил идти вдоль берега Амура вверх по течению, чтобы совершенно ясно обозначить устьевую часть этой великой реки. По Амуру он поднялся до селения Чныррах, оставившаяся на ночевки в многочисленных стойбищах нивхов. Глубины под берегом повсюду были значительными, доходя до 20—30 саженей. Самые маленькие глубины — и те достигали шести саженей, то есть оказались вполне достаточны для прохода морских судов. На обратном пути Казакевичу удалось в самом трудном месте прибрежного Северного канала — фарватера — найти и такое место, которое проходило под самым берегом и могло при надлежащем промере и навигационном оборудовании служить отличным проходом в Амур. Значит, Амур хотя бы с севера оказался не закрыт для морских судов.

Петр Васильевич с большой радостью доложил обо всем разведанном Невельскому, с нетерпением ожидавшему его возвращения и беспокоившемуся о том, что сроки, отпущенные ему на исследования, истекают. Ведь впереди лежал еще весь юг лимана...

Теперь Невельской решил действовать самостоятельно. Общая картина стала ему ясна: оставалось найти Южный проход, установить

и Южный фарватер. На подготовку ушло двое суток. Мысленно Невельской «прокрутил» все возможные варианты несколько раз. С прибытием Казакевича он решил подняться по его пути, проверить и промерить еще раз самое опасное место на Северном фарватере, а также внимательно осмотреть места в районе селения Чньррах, так как в будущем именно здесь можно было расположить пост на устье Амура.

Все наличные плавсредства — шестерка, четверка и вельбот 15 июля в 6 часов утра с офицерами Поповым, Гейсмаром, Гроте, доктором Бергом и четырнадцатью нижними чинами во главе с самим Невельским отправились в решающее плавание от «Байкала». Об этом в журнале транспорта сохранилась соответствующая запись. За командира корабля остался Петр Васильевич Казакевич. Оставшиеся на «Байкале» не сидели без дела: они вели гидрогеологические наблюдения, ловили рыбу. Ее также привозили и новые добрые знакомые с мыса Табаха — с материка, не забывали моряков и сахалинские аборигены. Словом, служба, дела и меновая торговля на «Байкале» при Казакевиче были такими, которые принято называть образцовыми, да и сам Казакевич, несмотря на свою молодость, слыл лихим моряком, которого любили и офицеры, и нижние чины. Он умел превосходно ладить с местными жителями. Остается только пожалеть о том, что Казакевич не принимал участие в плавании отряда на юг лимана. Разносторонне развитый человек, он был не чужд изящной словесности: хорошо писал, а еще лучше делал зарисовки. Трудно сказать, кто вел записи и рисовал во время похода Невельского на юг. Вероятнее всего, это был Попов. По условиям плавания, как об этом будет рассказано несколько позже, записи, рисунки, предметы, вообще все, что было связано с пребыванием «Байкала» в лимане, было передано Невельскому, который сразу же по прибытии в Аян или Охотск переправил их как совершенно секретные материалы соответствующим ведомствам.

Начнем рассказ о плавании шлюпочной флотилии Невельского. Она отправилась к северному входному мысу в устье Амура — к мысу Табах. Фарватер шел под самым берегом, на котором часто встречались селения. Погода стояла прекрасная, все вокруг радовало и согревало душу, создавая чудесное настроение. Уже к исходу первого дня прошли мыс Чньррах, за которым виднелся небольшой полуостров, называемый местными жителями мысом Куегда. Там также стояли несколько хижин, уютно расположившиеся в излучине бухточки, образованной этим полуостровом.

На берегу провели астрономические определения, заложили реперы, на подходах к берегу измерили глубины. Место у полуострова Куегда, названное полуостровом Константина, понравилось всем, Невельскому же особенно. Строя планы на будущее, он распорядился сделать хорошую съемку местности и составить точный план, начертить план бухточки с подробными промерами глубин, наметил места для будущей пристани, поста, флагштока, сараев и построек. Все это было нетрудно построить, так как вокруг стоял хороший лес. Затем Невельской направился через широкий Амур на его правый берег. Почти напротив мыса Куегда, лишь чуть ниже, располагался мыс Мео.

Определившись здесь и взяв отсчет от этой точки, флотилия начала спускаться вдоль правого берега. По течению быстро миновали мысы Кукля, Налево, Вассэ. Глубины здесь были большие, заметно расширился и фарватер, поэтому промеры пришлось делать чаще и во многих местах, вплоть до правого входного мыса в устье Амура — мыса Пронге. Место здесь было весьма подходящим для внешнего рейда кораблей, которые проходили бы в устье Амура и следовали бы к будущему порту на мысе Куегда.

Сразу за мысом Пронге, впрочем, как и вблизи него, фарватер шел близко к берегу, так что поначалу боялись за что-нибудь зацепиться. И хотя морякам явно везло с погодой, было как-то странно идти и дальше вдоль берега, хотя прямо на юг отчетливо и вблизи были видны два островка. Вдруг течение стало делать изгибы, заметно обмельчало до такой степени, что стали видны под водой бровки этих фарватеров. Небольшой ветер позволил поставить парус, но он не разгонял волны на мелководье, что обычно наблюдается на глубоких местах, имеющих ограниченную площадь.

Курс держали на передний островок. Не доходя до него и ориентируясь по глубинам, отвернули к другому острову. Прошли неподалеку от обоих, стали править к берегу. Впереди не было видно даже бровок на фарватере — полнейшая неизвестность. Справа остались селения на мысах Сабах, Хусси или Усси, миновали красивый, поросший густым лесом, высокий мыс Джаоре и вышли к реке, в устье которой находилось небольшое селение Чоме. Напротив него в лимане были заметны несколько островов, которые получили затем название островов Хагемиф (по имени самого большого из группы) или Частых островов.

Невельскому стало немного не по себе: неужели тут и кончается лиман, и никакого Южного прохода нет? Но что это? За островами, к югу от них, и сразу за мысом Чоме снова оказалась большая вода,

а вдали чернелись признаки береговой черты. Невельской повернул еще больше влево и к югу увидел за мысом небольшую речку, в устье которой расположилось маленькое селение. От него берег поворачивал прямо на восток. Идти оставалось только туда. Судьба сыграла с Невельским злую шутку! Берег круто уходил к северо-востоку, но справа от маленького выступа еще виднелась полоска воды.

И вот все ближе и ближе этот злосчастный мысок. Подошли к нему совсем близко, а глубины не уменьшаются. Шли на таком расстоянии, что порой можно было веслом оттолкнуться от берега, глубины же оставались как в открытом заливе и были вполне пригодны для прохода морских кораблей. Вскоре стало отчетливо заметно, что это совсем не мысок, а отдельно стоящий большой камень. На близлежащем горизонте противоположные берега как будто бы сошлись.

Невельской продолжил путь, держась слева от этого острова, который, как после узнали, назывался островком Огби. Некоторое время шли в неизвестности. Но вот за островом, на юге открылась полоса воды там, где казалось, что берега сходятся. И шлюпки устремились вперед, на юг. Справа по пути следования был высокий, красивый, извилистый, со многими бухтами и заливами, украшенный мысочками берег, а слева — едва приметный сахалинский берег, низменный, песчано-дресвяный. От местных жителей узнали, что это мыс Погоби.

И все-таки Невельской двигался ближе к правому гористому берегу, опасаясь, что слева может наткнуться на какую-нибудь береговую отмель. Пока все шло благополучно, и вскоре узкий фарватер стал постепенно расширяться. Материковый и сахалинский берега резко отошли друг от друга. Теперь Невельской, а вместе с ним и все присутствующие поняли, что они прошли тем самым проливом, который так долго искали и который не удалось найти их предшественникам. А когда измеренная широта оказалась такой же, какой была у Браутона, то никаких сомнений в этом больше не оставалось: впереди был не Татарский залив, а Татарский пролив! А только что пройденный пролив еще при жизни Невельского стали называть проходом или проливом Невельского. Иногда даже давно известное или малоизвестное приходится открывать заново. Невельской искренне поздравил экипаж, рассказал им, какое огромное значение для Дальнего Востока имеет открытие пролива, через который отныне, также как и через Северный, будут ходить морские суда в Амур, который соединит Сибирь и всю Россию с Тихим океаном самым коротким путем.

Возвращаться на корабль Невельской решил вдоль Сахалина. Если бы тут отыскался фарватер на всем протяжении лимана, то можно было бы говорить об огромной удаче, о том, что все намеченное успешно выполнено. Важными вехами стали фарватеры, ведущие в лиман с севера, из Охотского моря, и Южный, по которому удалось превратить Татарский залив в Татарский пролив. Они оба стали называться именем Невельского: Северный фарватер или фарватер Невельского и Проход Невельского. Теперь надо было успешно завершить дело, разыскав третий судоходный фарватер в лимане — Сахалинский. Одновременно следовало установить, имеется ли связь между фарватерами, то есть попробовать обнаружить хотя бы неглубокий проход от Сахалина напрямую к устью Амура.

И это исследователям в какой-то мере удалось. Существовал и сейчас существует небольшой, неглубоководный, но при определенных условиях преодолеваемый морскими судами проход. Могу добавить к этому, что я, автор, во время своих трехлетних работ в 1951—1953 годах, ровно через сто лет после экспедиции Невельского, убедился в точности и правильности его исследований. Несколько раз проходил я Северным фарватером или фарватером Невельского, еще ближе — Южным проливом или проливом Невельского — и ни разу не испытывал серьезных препятствий. Лишь иногда слегка приходилось касаться днищем бровки фарватера в районе островов Уюзют и мыса Хусси. Однажды сильный ветер заставил нас встать на якорь на Сахалинском фарватере, причинив порядочно хлопот, плотно усадив судно при отливе на мель, но также успешно нас снял наступивший при приливе штиль.

Невельской и его офицеры успешно отыскивали направление Северного фарватера и его, как моряки называют, амурского аппендикса. Описали сам берег, определили на нем несколько астрономических пунктов — мысы Погоби, Халезова, селение Наньо, обследовали устья рек Пыски и Пыйде. Побывали они и в тех местах, которые исследовали Гейсмар, Казакевич, Гроте. Невельскому не терпелось не только скорее доложить об исследованиях в лимане, но и, получив подлинные царские инструкции, освободиться от необходимости описывать юго-западные берега Охотского моря с Шантарскими островами и гаванью Великого князя Константина, предусмотренные наставлением. Он ожидал, что эти инструкции ему доставит на «Байкал», как условились, адъютант Н. Н. Муравьева капитан Михаил Семенович Корсаков.

Отложив эти исследования до более благоприятных времен, Невельской «сможет для более ощутительного доказательства возможности входа морских судов с севера и с юга» войти «в реку с транспортом и оттуда через Татарский залив (по привычке писали еще так, а не пролив) вокруг острова Сахалина» идти прямо в Охотск. План был такой заманчивый, что захватывало дух! Не только открыть, но и самому, первому, пройти только что найденным путем, осуществить это на практике, на деле!

Возвратясь 1 августа на ставший родным «Байкал», Невельской застал его в полном порядке: Казакевич был хозяином отменным. Посланцев от Муравьева на транспорте не было, кроме почти ежедневно приезжавших нивхов. Упускать время было нельзя, и на следующий день «Байкал», снявшись с якоря, отправился выполнять официальное предписание. Пока Невельской действовал изумительно четко, грамотно, не нарушая дисциплины. Он успевал везде, и в результате имел еще больше месяца для выполнения требований инструкции. Невельской начал описание с прибрежных островов южной части Сахалинского залива.

За ними оказался залив, прегражденный в нескольких местах песчаными намывными барами. Лишь в одну часть этого залива можно было войти без риска сесть на мель. Глубины здесь оказались большими, чем в остальных частях. Эта часть залива располагалась ближе к лиману Амура, и могла, по мнению Невельского, стать отправным местом для будущих исследований в Приамурье. Л. А. Попов составил подробный план этого залива, который Геннадий Иванович с большим смыслом и не меньшими надеждами назвал заливом Счастья. Про себя он уже решил, что здесь в самом скором времени появится русское селение, своеобразный штаб будущей постоянно действующей экспедиции, откуда ее члены начнут исследовать и постепенно осваивать Приамурье и Сахалин.

С 8 по 12 августа «Байкал» плавал к северу от залива Счастья, так как на старых картах берег уходил к северу именно в районе описанного залива. Возможно, что у Невельского были какие-то свои соображения, чтобы уйти от берега к северу. Может быть, он надеялся встретить там обещанное Муравьевым судно. Подойдя к мысу Александра, Невельской пошел к островам Рейнеке и Меншикова, офицеры положили их на карту. Оставался не осмотренным открытый и описанный ранее В. К. Поплонским залив Великого князя Константина, который располагался в Ульбанском заливе, северная часть которого носила название залива Академии.

Но перед тем как идти туда, Невельской был снова введен в заблуждение неточностями карты, на которой мыс Мухтеля был изображен намного южнее того места, где он лежит на самом деле. Для того, чтобы до него добраться, надо было потратить много времени, идя почти до острова Кусова, где в итоге «Байкал» и оказался. К тому же, ввиду неточности карты, надо было соблюдать крайнюю осторожность, спускаясь к заливу Академии. Тут и встали на якорь. Гроте отправился разыскивать и описывать гавань Великого князя Константина. Выводы Невельского по этой описи были весьма категоричны: «По подробной описи и исследованию берегов этого залива оказалось, что он не представляет ни в каком отношении удобств для основания в нем порта». Одновременно Гейсмар описал Ульбанский залив, а Попов — залив, получивший название залива Святого Николая.

Итак, работа была успешно завершена. Сроки прибытия в Охотск — 10 сентября — можно было выдержать без особой спешки. Ведь было еще только 27 августа. Перед тем, как сняться с якоря, Невельской попросил всех офицеров дать расписку (она сохранилась в архивных делах), то есть обязательство сдать все бумаги, черновики, материалы, рисунки, вычисления, журналы, карты, любые материалы, добытые в лимане Амура. Все это следовало представить лично ему, Невельскому, до прибытия в Аян. Аналогичное обязательство подписали все унтер-офицеры и нижние чины. Как водится, в этом документе за неграмотных расписались грамотные.

После окончательного приготовления к выходу в Аян, где должны были высадить алеутов с байдарками, а затем уже идти в Охотск, матрос-впередсмотрящий доложил с салинга о том, что видит байдары, плывущие у мыса Мухтеля. Три трехшлюпочные байдары шли к «Байкалу». Через полчаса они были уже на борту транспорта. В них оказались шесть человек во главе со служащим Российско-Американской компании Дмитрием Ивановичем Орловым. От него моряки узнали кучу новостей.

Оказалось, что «Байкал» уже давно разыскивается ботом «Кадьяк», на борту которого находится с царскими указаниями М. С. Корсаков. Он сказал, что он сам, Орлов, также послан на розыски Невельского управляющим Охотской конторой Российско-Американской компании Василием Степановичем Завойко. Главной новостью стало сообщение о том, что в Аяне со дня на день ожидается прибытие генерал-губернатора Муравьева со свитой. Он отправляется дальше на Камчатку, чтобы лично самому решить вопрос о том, где в дальнейшем должен

располагаться тихоокеанский порт России: в Охотске, в Аяне, в гавани Константина или Петропавловске-Камчатском. Конечно, ему очень и очень нужны были результаты исследований экспедиции на «Байкале».

После таких известий Невельскому стало ясно, что нужно как можно скорее идти в Аян. Предусматривалось, что если Муравьева там не окажется, то байдарочники-алеуты будут высажены на рейде, а сам «Байкал» как можно быстрее двинется в Охотск, чтобы успеть перехватить «Кадьяк» с Н. И. Шарыповым и М. С. Корсаковым, а возможно и «Иртыш» с Н. Н. Муравьевым. На небольшом переходе все с напряжением всматривались в Аянский залив и вскоре заметили транспорт «Иртыш» под флагом генерал-губернатора. Пройдя входной мыс, «Байкал» салютовал вице-адмиральскому флагу Муравьева девятью пушечными выстрелами, на что с «Иртыша» отвечали семью. Произошло это событие 1 сентября.

Как сообщали участники того исторического плавания, в то самое время, когда Муравьев, убедившись, что на рейд вошел «Байкал», немедленно «полетел» на двенадцативесельном баркасе ему навстречу так, что весла гнулись под напором матросских рук. Он услышал от Невельского, стоявшего на шканцах ⁸, усиленные рупором такие долгожданные и поистине исторические слова, вошедшие во все книги по истории Дальнего Востока: «Сахалин — остров, вход в лиман и реку Амур возможен для мореходных судов с севера и юга. Вековое заблуждение положительно развеяно, истина обнаружилась!»

Затем произошла долгожданная встреча. Невельской передал Муравьеву и Меншикову давно заготовленные рапорты, сообщил, что готовятся подробные отчеты и иные материалы. Новости очень обрадовали Муравьева, он заспешил в Иркутск, куда возвращался после пребывания на Дальнем Востоке, на Камчатке, где на него огромное впечатление произвела Петропавловская гавань. Теперь же он узнал и замечательные сведения об устье Амура!

После проведенного в доме Завойко вечера, на который были приглашены все офицеры «Байкала», а также Д. И. Орлов и приказник Российско-Американской компании Алексей Павлович Березин, Муравьев 3 сентября со свитой направился в Иркутск. В тот же день из Аяна ушел в Охотск и «Байкал». 6 сентября он был на рейде Охотского порта, но войти в труднодоступное общее устье рек Охоты и Кухтуя сумел лишь десятого числа.

В соответствии с предписаниями, Г. И. Невельской был обязан сдать «Байкал» командиру порта И. В. Вонлярлярскому вместе с командой, а сам вместе с офицерами вернуться в Петербург через Сибирь по печально-известному Охотскому тракту. Все корабельное имущество перешло новому командиру транспорта, поручику корпуса флотских штурманов Алексею Кузьмину. И. В. Вонлярлярский докладывал начальству, «что транспорт и команды содержатся в лучшем виде, нижние чины — бодрыми духом, совершенно здоровыми». Моряки тепло прощались с Невельским и офицерами. Судьбе будет угодно, со многими из них Геннадий Иванович уже на следующий год встретится вновь. А пока «Байкал» готовился в рейс на Камчатку.

Если офицеры уезжали с Дальнего Востока в Петербург навсегда, то Невельской твердо решил, что он вернется сюда. А сейчас ему надо спешить в Иркутск, оттуда в Петербург. Как-то встретят его там? И он спешил.

ГЛАВА 3. С ЛЮБИМЫМ — РАЙ НА АМУРЕ

Нет смысла описывать тяжелый путь по Охотскому вьючному тракту, когда непривыкшие к верховой езде моряки были вынуждены неделями не слезать с седел. Цель у всех была одна — скорее домой, в Петербург. Для этого в ожидании ленского зимника им пришлось некоторое время пробыть в Якутске, где все занимались составлением отчетов об исследованиях, вычерчиванием карт. Эти документы нужно было подготовить в нескольких экземплярах. Несмотря на обещания Муравьева о заступничестве, Невельской в душе побаивался наказания за непослушание царской воле на пограничной территории, где любое действие без высочайшего повеления было наказуемо.

Правда, Невельской в Якутске своими глазами видел, как Муравьев писал А. С. Меншикову: «Сделанные Невельским открытия неопенимы для России; множество предшествовавших экспедиций в эти страны могли достигнуть европейской славы, но ни одна из них не достигала отечественной пользы, по крайней мере в той степени, как исполнил это Невельской». Муравьев уже 20 ноября был в Иркутске, и можно было надеяться на то, что его депеши в какой-то мере предвартят то негативное отношение к Невельскому, которое смогут, если захотят, раздуть петербургские противники Муравьева и Меншикова.

Невельской и его офицеры задержались в Якутске ненадолго. Всего несколько дней им потребовалось для того, чтобы завершить работу. Из-за того, что Лена встала, они сумели прибыть в Иркутск всего лишь двумя сутками позже генерал-губернатора. В документах, подготовленных Муравьевым, содержались рекомендации относительно будущих действий на Амуре, представления к наградам и чинам участников экспедиции 1848—1849 годов, сведения об основании в заливе Счастья русского поселения, из которого теперь можно было вести торговлю с местными жителями и развернуть дальнейшие исследования Приамурья. Все эти бумаги Муравьев отправил со своим адъютантом М. С. Корсаковым.

Муравьева поздравляли с успешным окончанием его путешествия, а так же и с присвоением чина генерал-лейтенанта. Веселые празднества переходили из одного дома в другой, веселились и офицеры «Байкала». В среде обывателей ходили слухи, что они совершили секретный вояж, выполнили важное государственное поручение и теперь

собираются в Петербург держать отчет о своих действиях. Всего не скроешь, дыма без огня не бывает!

В один из дней Невельскому вдруг стало не по себе. Он влюбился. Влюбился так, как только может влюбляться тридцатипятилетний мужчина, ни разу до этого не испытывавший всей серьезности этого чувства. О том, где это случилось — в истории сведений не сохранилось. Вероятнее всего, произошло это на одном из многочисленных балов, которые щедро давались осенью 1849 года, вполне возможно, на балу у Муравьевых. Сюда приглашалась городская знать, среди которой, конечно, была и семья Зариных. На таких балах, наряду с дочерьми Трубецких и сестрами Клейменовыми неизменным успехом пользовались сестры Ельчаниновы.

А далее все было как в сказке о Золушке, только не об одной очень бедной, но замечательной девушке, а сразу о двух сиротках, которых приютил добрый и весьма богатый дядя. Такими золушками и стали в Иркутске в те годы сестры Екатерина и Александра Ивановны Ельчаниновы — сестры-сироты. Родившиеся — одна в Подмосковье, другая на Смоленщине, — в семье мелкопоместных дворян-помещиков Ивана Матвеевича Ельчанинова и Марии Николаевны, урожденной Зариной, после смерти родителей девушки по решению семейного совета оказались поручены вниманию родного дяди по матери Владимира Николаевича Зарина. Он, назначенный гражданским губернатором Иркутска, имел значительную власть, будучи вторым лицом после Н. Н. Муравьева. Третья сестра — Вера — осталась на попечении московских родственников, а единственный брат Николай поступил в университет.

Сестры Саша и Катя были погодками, они родились соответственно в 1830 и в 1831 годах. Их отец — Иван Матвеевич — был с детства болен и не мог уделять должного внимания своим детям. Одной матери воспитывать их было также трудно, поэтому не без сопротивления отца (они жили с матерью врозь) решили определить девочек на казенное воспитание в Смольный институт благородных девиц, в те годы больше известный как Смольный монастырь¹.

По своему происхождению девочки попали в дворянское отделение и сразу в средние классы: им было столько лет, как и девочкам, воспитывавшимся в Смольном по четыре-пять лет. Поэтому сестры Ельчаниновы должны были сдать вступительный экзамен за средний класс.

Смольный был закрытым учебным заведением наподобие Лицея или Кадетского корпуса. Готовили там девиц, которые могли бы

осчастливить будущих сильных мира сего. Соответственно их и образовывали: на первом месте стоял Закон Божий, затем российская и немецкая словесность, французский язык, география, всеобщая история и история России, арифметика, физика, рисование, чистописание, церковное и итальянское пение, художественное рукоделие, музыка, танцы, домоводство.

Преподавательский состав был отменным: А. В. Никитенко, В. С. Шестакова, И. П. Шульгина, Ф. И. Буссе, М. Б. Чистякова и другие. Изредка воспитанниц водили гулять в Таврический сад под присмотром инспектрис и классных дам. Ежели и этого оказывалось мало, то к услугам директрисы были полицейские, которые следили со своих угловых мест за тем, чтобы ничто не нарушало покоя гулявших девиц, и чтобы никто не мешал их занятиям, особенно вышколенные кадеты или гардемарины, да и лицеисты тоже — семинаристы в этой среде котировались невысоко. Все лето воспитанницы проводили в саду Смольного, отгороженного от Невы высокой каменной стеной. Там они читали, обменивались маленькими секретами и новостями из дома. Все без исключения девушки мечтали о своих принцах, которые рано или поздно придут сюда и унесут их на руках на волю. О том, что некоторым из них сразу же после выпуска придется зарабатывать на хлеб, никому, вероятно, и в голову не приходило. А так случалось, и случалось нередко.

Наши героини учились похвально хорошо. В детстве они не были избалованы роскошью и умели многое делать сами, что отличало их от большинства одноклассниц — разных баронесс, графинь, княжон и прочих высокородных девочек. К тому же они были очень хороши собой. Каким-то чудом сохранилось словесное описание Кати Ельчаниновой, сделанное ее подругой по Смольному: «Младшая сестра, впоследствии Невельская, была сама радость и веселие, и при большом уме была и очень собой хороша. Она было небольшого роста, блондинка с правильными чертами лица и с прелестными большими голубыми глазами, имевшими ту особенность, что, когда лицо ее смеялось, и голос звонко раздавался от смеха, они не изменяли своего вдумчивого выражения, придавая тем ей особую оригинальную прелесть».

Выпуск из Смольного института почти совпал с полным сиротством обеих сестер: в 1848 году умерла Мария Николаевна, а отец ушел из жизни еще раньше. В это время на смоленской земле решился вопрос о дальнейшей судьбе сестер и брата Ельчаниновых. Летом того же года В. Н. Зарин с племянницами выехал к своему новому

месту службы в Иркутск, захав по пути в Москву, чтобы оставить у родственников сестру Веру. А затем они отправились в дальний путь через Урал и пол-Сибири.

Что же застали молодые выпускницы Смольного института благородных девиц в Иркутске? Прежде всего их представили недавно прибывшему сюда молодежавому боевому генералу Муравьеву и его супруге. Муравьев знал Зарина по совместной службе на Кавказе и в Туле, где Муравьев был губернатором, знал как человека честного, неподкупного, близкого и доверенного. Ведь именно Владимир Николаевич Зарин ездил в Петербург за невестой Муравьева и привез француженку в город Богородицк Тульской губернии, где 19 января 1847 года состоялась свадьба Муравьевых.

Незадолго перед тем Зарин женился в Москве на Варваре Григорьевне Гежинской. Он на правах близкого человека мог запросто входить к Муравьевым и неофициально высказывать свое личное мнение. Оставаясь вместе с казачьим атаманом Запольским за Муравьева в его отсутствие во время поездки по Дальнему Востоку и до самой Камчатки, Зарин умело справился со своими обязанностями, заслужив похвалу генерал-губернатора. Ко времени возвращения Муравьева в Иркутск сюда прибыли офицеры транспорта «Байкал» во главе с капитан-лейтенантом Геннадием Ивановичем Невельским.

Появление новых офицеров, окруженных ореолом таинственности и секретности, вызвало много слухов. Поговаривали, что они приехали после исполнения какого-то важного царского повеления. Балы следовали один за другим. По рассказам старожилов, долго еще в Иркутске вспоминали, как весело иркутяне провели зиму с 1849 по 1850 год. Если ранее на балах не хватало кавалеров, то в эту осень и зиму в них недостатка не было.

Появление в Иркутске двух очаровательных сестер Ельчаниновых не осталось незамеченным. Чиновник муравьевского штаба Б. В. Струве писал, что Владимир Николаевич Зарин «привез с собою в Иркутск двух своих племянниц-сирот, только что вышедших из Смольного монастыря, два прекрасных цветка — *Blanche et Rose*, как их стали называть в Иркутске; они поражали всех своею скромностью и в то же время развитостию ума».

Не сохранилось прямых свидетельств, где, когда и при каких обстоятельствах Геннадий Невельской был представлен Кате Ельчаниновой. По косвенным указаниям, намекам, местам из писем родных, можно точно говорить о том, что это произошло на одном из балов в конце

ноября или самом начале декабря 1849 года. И brave моряк пропал: Катя сразила его наповал. С решительностью человека, которому нечего терять, а, наоборот, — можно приобрести счастье всей дальнейшей жизни, он пошел на приступ. Но вынужден был отступить, отступить впервые в жизни. Позже Геннадий Иванович здраво рассудил, кто он: уже не первой молодости, просоленный морской офицер, неказистый, маленького роста, с лицом, украшенным оспенными крапинками... А кто она: молодая, веселая, красивая, маленькая, воспитанная, белокурая, привлекательная до чертиков в глазах... Ну разве она ему пара? Ее избранниками должны быть принцы, во всяком случае, красавцы-счастливики, сынки высокопоставленных особ. И Невельской сдрейфил...

Неспокойно было на душе у моряка, когда он отправлялся в Петербург. И от неудачного первого и единственного сватовства-предложения, и от неизвестности о том, что ожидает его в стольном граде. А ожидал он многого. С Муравьевым были согласованы предложения о дальнейшей деятельности на Дальнем Востоке, заблаговременно отправленные царю с М. С. Корсаковым. Главным из них было предложение о создании Амурской экспедиции, которой вменялось бы в обязанность дальнейшее исследование Приамурья и Сахалина из какого-либо основанного к тому времени русского населенного пункта. Называлось количество офицеров и команды, потребное для осуществления поставленной задачи; предполагалось наладить торговые отношения с местными жителями. Разжалованному офицеру корпуса флотских штурманов Дмитрию Ивановичу Орлову, находившемуся ныне на службе Российско-Американской компании, предлагалось вновь стать офицером флота, а самого Невельского прикомандировать к генерал-губернатору Восточной Сибири. Одновременно Муравьев доносил о необходимости немедленного переноса Охотского порта на Камчатку в Петропавловскую гавань. В эту затею Невельской верил мало, твердо полагая, что порт России на Тихом океане может и должен быть только на устье Амура.

Первым в Петербург выехал Корсаков, много позже за ним отправился Невельской со своими офицерами. Приехав в столицу 28 января 1850 года, Невельской немедленно явился к А. С. Меншикову, которому передал доклад и некоторые документы Муравьева. При этом он отлично знал, что Корсаков уже давно доложил соображения Муравьева о переносе Охотского порта на Камчатку и об исходе плавания «Байкала». Невельской также узнал, что 6 декабря 1849 года он был произ-

веден в капитаны 2-го ранга, но без пенсии. Обычно за совершение кругосветного или полукругосветного (то есть до Охотска или Русской Америки по воде, а обратно через Сибирь по суше) офицеры награждались орденами, получали следующие чины, а также награждались пожизненной пенсией. Невельскому не простили даже намек на непослушание: формально, несмотря ни на чьи приказания, он не имел права и не должен был идти в лиман Амура, не имея именного, личного царского повеления. А он пошел. И поплатился за это очередным орденом и пенсией, получил только чин капитана 2-го ранга.

Но это было уже свершившимся фактом, а впереди еще предстояли более тяжелые испытания. Несмотря на то что Меншиков весьма положительно отнесся к предложениям Муравьева по поводу дальнейших исследований Амура, некоторые высокопоставленные чиновники не только были против них, но даже высказывали сомнения в правоте привезенных Невельским сведений относительно пролива и островного положения Сахалина. Однако общая обстановка, по словам Меншикова, была в пользу дела. Он даже шутя посоветовал Невельскому не тратиться на покупку новых погон и эполет, так как решение вскоре состоится, и Невельскому придется еще раз менять погоны и эполеты. Дело в том, что в соответствии с существовавшим положением о службе на Камчатке, назначенные туда производились в следующий чин.

Действительно, хотя не в полной мере, и не совсем так, как это было предусмотрено в муравьевском документе, но в состоявшемся вскоре решении были отражены основные намерения и Невельского, суть которых сводилась к следующему. «Ограничиться на первый случай устройством зимовья в гавани Счастья или в другом, близком к этой гавани, пункте на морском побережье для распространения торговых отношений с гиляками. Считать зимовье в заливе Счастья предприятием Российско-Американской компании, пользующейся со стороны правительства финансовой поддержкой. Предоставить Охотскую флотилию в полное распоряжение генерал-губернатора Восточной Сибири. Невельской поступает в полное распоряжение Муравьева, а разжалованному штурману Д. И. Орлову возратить первый чин офицера флотских штурманов».

Невельской был безмерно рад и этому. Теперь он уже в чине капитана 1-го ранга, находясь на должности офицера по особым поручениям при генерал-губернаторе Восточной Сибири, не ехал, а летел на Дальний Восток. Рассказывают, что лишь на двое суток он заглянул

в родную Кинешму, где жили мать и замужняя сестра с племянниками и племянницами. Совсем недавно Феодосья Тимофеевна при известных обстоятельствах перебралась на жительство сюда из Дракина.

Упрямый, самолюбивый Невельской нашел в себе силы и волю не появляться больше на глаза очаровательной Катеньке Ельчаниновой. Быстро свернув свои дела, отдав нужные распоряжения, получив от Муравьева официальные полномочия, в соответствии с царским повелением от 3 и 8 февраля 1850 года, он 27 марта прибыл в Иркутск, а уже 3 апреля вместе с Корсаковым отправился в Якутск. То, что Невельской не предпринимал попытки второго сватовства, вытекает из письма сестры Кати Александры дяде Николаю Матвеевичу Ельчанинову, проживавшему в Смоленской губернии, в местечке Попово. Она писала о том, что к ним часто ездил один капитан-лейтенант, объехавший кругом света, что Катя ему очень нравилась, «были даже разговоры, но которые не имели никаких последствий... Теперь он произведен в капитаны 1-го ранга и находится в должности чиновника особых поручений при генерале Муравьеве, живет в Охотске и делает беспрестанные путешествия».

Между тем, как показали дальнейшие события, если бы Невельской в этот свой проезд через Сибирь решился на вторичный «приступ», победа была бы одержана и Катя стала бы его женой на год раньше. Дело осложнилось еще и тем, что весьма заметно изменилась, точнее, готова была измениться, семейная обстановка и служебное положение Зариных, а, следовательно, и сестер Ельчаниновых. Зарину грозил перевод на запад: он не ужился с атаманом Запольским. Но подробный рассказ об этом впереди, пока же проследим за тем, что делал в это время наш герой.

До Якутска Невельской ехал вместе с Корсаковым, а дальше их пути разошлись: Корсаков направился в Охотск, а Невельской — в Аян, затем, чтобы дождаться там прибытия своего «Байкала». В правилественном решении прежде всего говорилось о создании русского селения или зимовья под эгидой Российско-Американской компании на берегу залива Счастья. Вот туда-то и спешил Невельской. Ему хотелось сообщить Д. И. Орлову приятную новость о его прощении и о зачислении в офицерский штурманский корпус.

Несмотря на трудный путь до Аяна, Невельской преодолел его быстро: полномочия посланника генерал-губернатора делали свое дело. Но в Аяне выяснилось, что «Байкал» еще не пришел из Петропавловска. Здесь же он узнал, что в соответствии с тем же решением прави-

тельства, Российско-Американская компания отправила Орлова с тремя проводниками к устью Амура для наблюдения за вскрытием реки. Орлов, как всегда, отправился на собаках с шестимесячным запасом продовольствия. Кроме наблюдения за вскрытием Амура (то есть установления возможности плавания по нему в его устьевой части) Орлов, как опытный человек, проживший между местными жителями уже немало лет, должен был по возможности установить контакты с ними, разведать, как они отнесутся к тому, что русские поселятся на устье Амура и будут с ними торговать.

А Невельской нервничал в Аяне. Он не знал, какую команду наберет в Охотске Корсаков, когда привезет ее в Аян, когда, наконец, можно будет ему самому отправиться в залив Счастья. Наконец-то Алексей Кузьмич привел в Аян проверенный, испытанный «Байкал». Ничуть не медля, Невельской 17 июня отправился в залив Счастья, где встретился с ранее прибывшим туда Дмитрием Ивановичем Орловым. Возвращение в офицерское сословие вдохновило Орлова и удвоило его силы.

21 июня транспорт «Байкал» уже стоял на якоре в заливе Счастья, а Невельской, окруженный нивхами, матросами и офицерами, выбирал место для будущего селения. Он облюбовал горку, с которой далеко был бы виден русский флаг. Собственно, Дмитрий Иванович побывал тут уже не раз, и местечко для основания поселения под эгидой Русско-Американской компании было им уже рассмотрено. Невельской с этим выбором согласился. Затем последовали приготовления, строительство дома, выгрузка привезенных материалов, отдача необходимых распоряжений Орлову и топографу Петру Попову. Наконец, 29 июня при свистке боцманской дудки без единого выстрела на флагштоке был поднят русский флаг. А на косе, отделяющей Охотское море от залива Счастья, было заложено селение, которое в память Петра Великого и в честь святого угодника назвали Петровским.

«Байкал» должен был идти в Аян, его использование входило в планы Российско-Американской компании, а вместо него из Охотского порта в распоряжение Невельского следовал «Охотск». 7 июля «Байкал» вернулся в Аян, временно оставив в Петровском на попечении старожила Орлова топографа Попова с небольшой командой солдат. Он должен был сразу же возвратиться сюда, как только в Аяне покажется «Охотск».

Так оно и случилось. «Охотск» под командой Петра Федоровича Гаврилова вместе с мастеровыми 46-го флотского экипажа и казаками Якутского полка сразу же вышел в море, вскоре встав на рейде залива Счастья. Невельской строил свои расчеты на том, чтобы успеть

выставить кроме Петровского торгового селения еще и военный пост в устье Амура. С этой целью, не высаживаясь в Петровском, Невельской снарядил вельбот, на котором в сопровождении прапорщика Петра Попова и десяти солдат направился вверх по Амуру. Он шел знакомым по плаванию 1848—1849 годов фарватером, получившим затем его имя, затем Северным фарватером, а выйдя в устье Амура и пройдя мыс Табах, направился вверх, к устью реки Амгунь.

Невельской двигался к облюбованному во время плавания на «Байкале» месту у деревни Кугеда, где образовался полуостров, который стал называться именем Константина. Невельской, разыскивая место получше, пошел еще дальше, через устье Амгуни, побывал у мыса Тыр, лежащего напротив этого устья, и затем повернул обратно. Было это по одним данным первого, по другим — шестого августа, когда, как писал Невельской Корсакову, «при свистке боцманской дудки, взлетел флаг русский на берегах Амура. Да будет он развеваться на вечные времена, во славу матушки России!» Тут он оставил прапорщика Петра Попова с десятком матросов, наказав им копать землянки, запастись строительным материалом, поддерживать связь с Петровским зимовьем и находиться в подчинении его начальника Д. И. Орлова. Вельбот был оставлен для нужд поста.

Невельской и сопровождавшие его несколько человек вернулись в Петровское пешком через горы. К своей радости, он увидел, какие разительные перемены произошли в зимовье за такой короткий срок. Орлов распорядился умело и со знанием дела, имея большой опыт жизни в таких нелегких условиях. Были построены или достраивались казарма, дом начальника, офицерский флигель, часовня, баня, лавка-склад... Орлов знал о своих полномочиях, и Невельской снова заспешил в Аян. На это имелись две причины: требовалось погрузить на «Охотск» еще всякого продовольствия и снаряжения, чтобы тот еще раз успел сходить в Петровское, а также ему самому нужно было спешить в Иркутск, а может быть и в Петербург — пришла пора отчитываться о своих действиях на Амуре. 10 сентября он выехал из Аяна.

В Иркутске Геннадия Ивановича ожидал не генерал-губернатор, а его распоряжение: ехать Невельскому дальше, вслед за Муравьевым, чтобы отстаивать вместе с ним и Корсаковым так успешно начатое Великое Амурское Дело. Он так беспokoился о своем детище, о превращении мечты всей жизни в действительность, что даже не побывал у Зариных, не навестил Катю Ельчанинову. Трудно сказать, что руководило им при этом. Об этом можно только гадать. Возможно, он

действительно так спешил сначала в Иркутск, а затем в Петербург, что не хотел еще раз испытывать судьбу в столь сложных служебных условиях. Ведь он снова нарушил инструкции: выставил-таки пост в устье самого Амура, да еще вдали от лимана, и оставил там при военном флаге команду с офицером — это чрезвычайно серьезный проступок. А может быть, Невельской просто постарался забыть, вырвать из сердца эту маленькую красавицу, племянницу иркутского гражданского губернатора? Вполне возможно, тем более, что он слышал (Иркутск был не настолько велик, чтобы слухи не распространялись в нем почти в тот же день, к тому же, как всегда, сильно преувеличенные) о каком-то армейском или гвардейском офицере, или высоком чиновнике, который частенько бывает в доме у Зариных. Как бы то ни было, а Невельской проехал мимо сердечной зазнобы — своей Катеньки, — мучаясь и перебирая в памяти все, что было связано с ее отказом.

Время показало, что он поступил правильно, хотя, если бы отважился сделать повторное предложение, то вполне возможно, что получил бы согласие. Расскажем об этом подробнее. Что же случилось? А то, что в семье Зариных намечались перемены: В. Н. Зарин по какому уж поводу — сейчас разбираться не место и не нам — должен был менять свою службу. Короче говоря, снова намечался отъезд. Основной его причиной стало то, что Зарин не поладил с генералом Запольским. Дело между ними дошло до официальных отношений через третьих лиц. А Муравьеву Запольский был более необходим в связи с созданием Забайкальского казачьего войска. Зарин не мог этого не понимать, несмотря на все свои симпатии к генерал-губернатору, несмотря на старые связи с ним и ответные чувства Николаевича к себе и своему очаровательному семейству: совсем молодой супруге, москвичке Варваре Григорьевне Гежинской, и двум блистательным племянницам, украшениям всякого высокопоставленного иркутского бала или собрания.

Подливал масла в огонь и дядюшка Николай Матвеевич из Смоленска, который в каждом письме просил их приехать обратно, и уж никоим образом не думать о всяких там сибирских женихах и долгой жизни в «тьму-таракани». В своих-то краях всегда можно лучше устроиться, да и связи тут старые, надежные, и в женихах на таких-то красавиц недостатка не будет. Именно об этом приходилось теперь думать Саше и Кате. Особенно Кате, которая твердо отказала неказистому и пожилому офицеру, отправлявшемуся на Амур. И теперь не единожды жалела об этом, так как выяснилась истинная роль и значение ее быстрого жениха. А когда он, вторично побывав в Иркутске,

не навестил ее, то Катя провела много бессонных ночей, раздумывая и осуждая свой опрометчивый поступок. Конечно же и родственники всеми своими недвусмысленными намеками показывали ее безрассудство.

Постепенно, исподволь, Катя привыкла к мысли, что она совершила роковую ошибку и готова была ее исправить... Лишь бы только этот неказистый офицер, оказавшийся таким храбрым и деловым, появился в их доме снова, хоть на минуточку. Именно в это время она писала «любезному дядиньке своему в Смоленск, что она не считает сейчас возвращение в Россию великим счастьем, потому что им — сестрам было очень хорошо в Иркутске, особенно в первые годы здешнего их пребывания».

Все лето прошло у сестер в разъездах по стране вместе с Владимиром Николаевичем. Свои впечатления и непривычные ощущения юные выпускницы Смольного института описывали в письмах в Смоленск, которые они посылали туда весьма часто. А когда Зарин заболел, то они все вместе побывали на Туркинских водах, путешествовали по Байкалу, разъезжали верхом вдоль берегов разлившейся красавицы Ангары. Иногда они получали письма от единственного брата Николая, готовившегося к поступлению в университет, и от младшенькой сестры Веры, жившей в Москве с одной из родственниц — Гежинской.

1851 год стал годом больших свершений и для Дальнего Востока, и для наших героев. Мы помним, что Муравьев находился в столице, в Петербурге, туда же направились Корсаков и Невельской. Естественно, что весь Иркутск жил ожиданием приезда генерал-губернатора. Но сначала вернулись Невельской и Корсаков, а потом уж, в конце лета, появился всеми обожаемый Муравьев. Но прежде чем рассказать о событиях в Иркутске, которые последовали сразу за этим, надо вкратце сообщить о том, что произошло в Петербурге, чем там все разрешилось, зачем Невельской снова приехал в Иркутск, почему с ним возвратился Корсаков.

Невельской отправился из Петербурга 21 февраля, а уже 27 марта он был в Иркутске. После первой поездки в Петербург, как нам теперь известно, появились Петровское и Николаевский пост. Основной задачей его следующего пребывания в Петербурге было создание штатной Амурской экспедиции. Все это не обошлось без изрядной нервозности. Но в конце концов Невельской стал свидетелем того, как 12 февраля 1851 года было принято решение об организации Амурской экспедиции, которая хотя и снабжалась от щедрот Российско-Амери-

канской компании, но подчинялась генерал-губернатору Восточной Сибири через представителей власти на местах. Начальником экспедиции при помощи Муравьева и Меншикова назначался капитан 1-го ранга Г. И. Невельской. В ее состав входили 60 нижних чинов при двух офицерах и докторе.

На обратном пути Невельской списался с Корсаковым, и дальнейший путь от Кинешмы, куда он не мог не заехать к матери и сестре, они проделали вместе. Между прочим, в одном из писем к своим родственникам в Тарусу под Москвой, Корсаков обронил и такие слова, что Невельской очень славный человек и что он был бы хорошим зятем, имея в виду всеобщее желание семьи Корсаковых видеть Невельского мужем Веры Корсаковой, сестры Михаила Семеновича. Нам неизвестно, знал ли об этом сам Геннадий Иванович. Но, судя по всему, женитьба на Вере Корсаковой никак не входила в его планы, равно как и просьба матери осчастливить ее старость внуками. Невельской думал о Кате, о единственной, которую он встретил в жизни. Думал и надеялся. И теперь он просто не мог отправиться на Амур, не повидав еще раз свою запоздалую любовь. А ведь он так спешил в Охотск, ибо боялся упустить время для благополучного плавания в Аян и Петровское!

Распорядившись письмами, приказааниями, просьбами Дмитрию Ивановичу Орлову и поступившему на службу в Амурскую экспедицию поручику корпуса флотских штурманов Алексею Ивановичу Воронину в Охотск и в Аян, Невельской 31 марта послал Корсакову, раньше отправившемуся туда, большое деловое письмо, в котором нашлось место и для описания своего признания Кате, несравненной Катеньке. Я нашел это письмо в Рукописном отделе библиотеки имени В. И. Ленина в Москве и уже опубликовал выдержку из него. Повторю ее здесь: «Милый и любезный друг Миша, приготовься — я счастлив, я готов на подвиг для Отчизны. Не один — со мною решилась ехать и усладить мое заточение и разделять труды на благо Отечества мой милый, несравненный, давно мною любимый всем существом человек — Екатерина Ивановна Ельчанинова — моя Катенька. Ты спросишь, как это случилось. Очень просто. Я приехал в Иркутск, увидел ее и не мог более уже противостоять тому беспредельному и глубокому чувству. На третий же день я спросил Вл. Никол. (В. Н. Зарин. — А. А.) не переменяла ли она настроение. Совершенно изменила — был ответ. Я к ней — и она дала мне слово — вот и все. Ты не поверишь милый Миша, как я был рад. Пусть говорят, что хотят, но я решительно не мог быть один. Я любил, люблю ее — этого ангела»².

Наверное, Корсаков, получив такое признание Невельского, больше не предпринимал попыток к сватовству своей сестры. Из писем родным, посланных им в это время в Тарусово, видно, что Михаил Семенович весьма трезво и по-хорошему, по-товарищески отнесся к этому известию. Можно лишь понять его чувства, когда читаешь запись в дневнике, сделанную после получения письма Невельского. «Пришла почта и... известие, что Невельской женится на Катеньке Ельчаниновой в Иркутске... Итак, несмотря ни на что, он опять предложил (то есть сделал предложение. — А. А.)... Сильно же был он влюблен. Счастлив теперь, слава Богу. Я рад за него, душевно рад. Что он будет с ней счастлив — почти наверное, кажется, хорошая и добрая девушка. Но если она вышла за него из сострадания, из-за того, что все родные ее ворчали на нее за первый отказ? Если она любит другого? Что тогда? Жаль, что Невельской был так влюблен в нее. Но теперь я очень, очень рад, что так вышло — значит он не один будет зимовать на устье Амура, жена даст ему более силы исполнить свою обязанность»³.

Не станем думать о том, как отвечать на поставленные Корсаковым вопросы. Не нашел я в архивах никаких упоминаний об этой истории, кроме приведенных выше. Если что-то и было, то история показала, что это что-то действительно только и было, а не осталось. Впереди была одна-единственная на всю жизнь любовь на двоих. Невельской, кажется, превзошел самого себя. От рождения очень вспыльчивый, экспансивный, невероятно деятельный, он стремился как можно скорее увезти свое счастье, ему все казалось, не сон ли это. И каждый раз, а эти разы повторялись каждый день, а то и по несколько раз в день, Геннадий, вступая на порог добротного кузнецовского дома, в который прошлой осенью переехали Зарины, увидев свою звездочку, успокаивался. Неплохо было бы краеведам Иркутска установить, уцелел ли дом одного из самых богатых людей Сибири того времени — золотопромышленника Ефима Андреевича Кузнецова?

Дом этот имеет прелюбопытную историю. Он был знаменит тем, что миллионер Кузнецов пожертвовал его в казну за чин статского советника (полковника, если перевести этот чин на военный), в благодарность за то, что Муравьев представил его к этому чину. Надо сказать, что при своей жизни богатый купец-промышленник так и не узнал о том, что его мечта сбылась. Указ о присвоении чина из столицы пришел на его поминки. Ну, а дом, он на радостях передал в казну немедленно. И тут же в него вселился Зарин со своими женщинами. Здесь же на Фоминой неделе состоялась их свадьба.

Фомина неделя припала в том году на 16 апреля. У Невельского до отправления оставалось времени не больше двух недель. А путь с любимой предстоял нелегкий: по великой Лене до Якутска, а там по печально известному вьючному тракту до Охотска. И все нужно было ему предусмотреть, обо всем написать на места, послать нарочных. Ему хотелось, чтобы дорога к новому месту службы и к их первому дому совместной жизни стала поистине свадебным путешествием. Невельской в письмах к Корсакову умолял его распорядиться, чтобы на каждой станции по Охотскому тракту их ожидало не менее двадцати лошадей, чтобы в Охотске готовили судно для плавания в Петровское, чтобы во всеоружии находились вызвавшиеся служить в Амурской экспедиции нижние чины с семьями, чтобы все готовил в Аян и Воронин. Писал он о том, что ожидается пополнение и в офицерском составе. Словом, вертелся, как белка в колесе, стараясь предусмотреть если не все, то хотя бы самое главное.

И вот настало 16 апреля 1851 года. Торжественный ритуал венчания. Невеста — ослепительно белая блондинка в подвенечном платье, жених — по-особому серьезный в парадном черном костюме. Шафер Невельского, чиновник из аппарата Муравьева Бернгард Васильевич Струве потрудился на славу и радовался тому, что весь светский Иркутск присутствовал на венчании. И, конечно, здесь были друзья Зарина, впрочем, как и все окружение Муравьева. Долг службы заставил присутствовать и явных недругов Зарина, которые ускорили его отъезд из Иркутска. А затем была свадьба. В большом доме Кузнецова, обставленном новой мебелью, нашлось место для всех желающих. Но никто из присутствовавших не оставил в письмах подробностей этой поистине исторической свадьбы. А я, автор, не хочу додумывать сам, потому предоставляю такую возможность читателям.

Медовый месяц молодые, естественно, провели в Иркутске, посещая салоны знакомых, принимая у себя гостей, совершая прогулки по городу и окрестностям до Байкала. Постепенно они готовились к отъезду. Это решение у юной жены Невельского созрело, очевидно, сразу же, как только она дала слово своему будущему мужу стать его женой. И это не домыслы. Сохранились свидетельства, опубликованные впоследствии в виде биографий, воспоминаний, а есть и такие, которые посчастливилось обнаружить мне, автору этой книги. Правдой является то, что в лице супруги своего дяди Варвары Григорьевны Зариной молодые сестры Ельчаниновы нашли верного друга и единомышленника. Не намного старше по возрасту, милая тетенька, несмотря на

уговоры родных остаться в Москве, решительно последовала за своим мужем. Ее пример повлиял на решение Кати также быть с мужем везде, куда ни забросит их судьба.

Несомненно, Зарины бывали у живших в Иркутске декабристов. Во всяком случае, сам Н. Н. Муравьев посещал бывших князей Сергея Григорьевича Волконского и Сергея Петровича Трубецкого, жены которых последовали за своими мужьями — «государственными преступниками». Б. В. Струве свидетельствует о том, что в их домах собиралось тогда все просвещенное общество губернского города. Сам Муравьев первым побывал у декабристов и тем самым негласно поощрил «наше сближение с ними». Это пишет чиновник, весьма приближенный к генерал-губернатору, а следовательно, и к Зарину. Ведь не случайно на нем остановился Невельской, да и Зарины, когда решали вопрос о шафере на свадьбе. Первый биограф Невельского, Александр Карлович Сиденснер, сам в молодости знавший супругов, высказал мысль о том, что Екатерина Ивановна находилась под хорошим влиянием иркутского светского общества, состоявшего, в основном, из семей декабристов. Он же передавал, видимо со слов самих Невельских, что Зарины и родственники из Смоленска, а также и сам Геннадий Иванович неоднократно делали попытки упротить Катю остаться в Иркутске. Только после того, как Геннадий Иванович все устроит у себя на Амуре, в этом захолустье и диком Петровском, уже потом, на следующий год, когда он снова появится в Иркутске, можно будет поехать туда или уж вовсе не ехать. К этому надо добавить, что продолжительность поездки Невельского должна была составить два или два с половиной года.

Завершим эту тему выдержкой из письма Кати своему смоленскому дяде Н. М. Ельчанинову, посланного 7 мая 1851 года после трехнедельного (это так написала сама Катя) замужества: «Более и более я привязываюсь к моему милому мужу и со всяким днем открываю в нем какое-нибудь особенное качество; он так внимателен, так любит меня, что не только я, даже все окружающие меня тронуты этим...» Дальше Катя сообщает о своем предстоящем путешествии туда, где, можно сказать, нет человека (в те времена такие слова были не очень далеки от истины, хотя нельзя понимать их буквально), «но это еще меня не пугает, но я боюсь за свои силы во время путешествия, нам надо сделать 5 000 верст — 1 000 верхом, а остальное — по воде. К счастью, я не трусиха и храбрая амазонка. Но все же, я думаю, мне не избежать самой ужасной усталости. Но, впрочем, я не одна буду

переносить это. Мой друг будет со мной и будет поддерживать меня»⁴. Много есть свидетельств тому, со слов, например, сестры Саши в письмах к тому же смоленскому дядюшке, обнаруженных мною в Смоленском областном архиве, что и Зарины остались очень довольны Невельским, когда убедились в его высоких нравственных и деловых качествах, в его беспредельной и искренней любви к Кате, в том, что он «человек благородной души и прекрасного сердца, любит и заботится о Кате так, что, кажется, больше невозможно». В этом же письме есть немаловажные подробности ранней, доамурской жизни Невельского.

Оказывается, во время службы с великим князем Константином на Балтике Невельской при каких-то сложных обстоятельствах спас ему жизнь. Последующие годы подтвердили этот факт тем, что Константин до последних лет жизни Невельского находился с ним в личной переписке. Немаловажное обстоятельство: член царской семьи, руководитель российского военно-морского флота состоит в дружеских отношениях с офицером и даже, как уверяла Саша в письме к дяде, великий князь «очень его любит». Мне уже приходилось писать выше, что Невельской был человеком своего времени, своей эпохи и принадлежал к господствующему дворянско-помещичьему классу. Вместе с тем он был очень предприимчивым, деловым человеком, который не хотел жить лишь на те «крепостные души», которыми владел в Кинешемском и Солигаличском уездах Костромской губернии, а приносить пользу своему государству или, как тогда официально говорили, «служить с верой Богу, Царю и Отечеству». И Невельской на протяжении всей своей жизни был верен Родине, своему народу. Он очень любил свой народ, а еще очень любил свою семью.

Ну вот, после таких характеристик обоих героев этой повести, расскажем и о том, как проходило их путешествие, и чем оно завершилось. В доме Зариных готовились к предстоящей нелегкой дороге, запасали «специфическое» приданое: теплые меховые сапоги, теплые костюмы для верховой езды, разные защитные маски, сетки от комариного гнуса, тысячи мелочей, необходимых молодой женщине в дороге, а также предметы, которые создали бы уют в будущей квартире Невельских где-то там, на далеком устье Амура. Немалое место в багаже путешественников занимали книги на французском и других языках, а также ноты. Не забудем, что Катя неплохо музицировала, всему этому она научилась в Смольном институте, а затем имела хорошую практику в Иркутске, где ее игра пользовалась неизменным успехом.

Ровно через месяц, в середине мая, жители Иркутска увидели вереницу экипажей, пролеток, верховых, в центре которой находились уезжавшие Невельские. Их провожали в дальний путь. Весь багаж заблаговременно отправили на нескольких подводах на станцию Качуга, откуда начиналось плавание по Лене. Возбужденные проводами, а еще больше предстоящим необычным свадебным путешествием, молодые едва успевали раскланиваться, отвечать на приветствия. Зариных знали все, а уж племянниц Владимира Николаевича непременно знали и женщины, и молодые люди.

Но вот позади иркутская застава, впереди дорога на Качугу. Последние объятия и поцелуи родных, друзей, и молодые остаются в обществе служанки Авдотьи и вестового, постоянно сопровождавшего Невельского во всех его разъездах. Ночевали на первой станции, а на следующий день выехали на берег Лены в район станции-пристани, где ждала их специально приготовленная лодка-дощаник. На ней удалось оборудовать кабинет, спальную комнату, помещение для прислуги и команды. Но молодые не сразу перебрались в такую роскошную лодку. До вечера они продолжали свое путешествие в экипаже вдоль Лены по берегу, любуясь красотами сибирской реки. А их ковчег плыл свыше тридцати верст без главных пассажиров. Этим же вечером, 16 мая, Катя написала родным свое первое письмо с дороги. Оно, а также и все последующие были позже опубликованы. Писала она по-французски. Потом их перевела и напечатала как приложения к книге Г. И. Невельского, второе издание которой вышло в 1896 году (первое издание было опубликовано в 1878 году под названием «Подвиги русских морских офицеров на крайнем востоке Сибири. 1849—1855 гг. Посмертные записки адмирала Г. И. Невельского») их дочь Ольга Геннадьевна, ставшая журналисткой, известной под именем Веры Венд. Она же в 1894 году опубликовала в Париже на французском языке самую раннюю биографию своего отца.

Так вот, в этом первом письме Катя с нескрываемым лукавством и обаянием рассказывала о том, что Невельской в своей внимательности к ней даже изменил своей привычке постоянно спешить и понукать ямщика беспрерывными окриками и приказаниями ехать быстрее. Вместо этого с его стороны слышались просьбы ехать тише. И Катя обронила фразу-вопрос: «...так что я спрашиваю у этого господина, который сделался таким осторожным: “Кто же переменял моего Невельского?”»

Вообще о путешествии по Лене, длившемся почти две недели, сохранились лишь единственные источники — письма Е. И. Невельской. Можно найти множество описаний плаваний по реке, которые оставили как известные, так и неведомые путешественники. Но эти описания не принадлежат Невельским и не отражают впечатлений и обстоятельств, сложившихся именно во время их плавания. Письма же Невельской были опубликованы, выдержки из них приводил и я в названных выше моих книгах. Поэтому я лишь коротко буду использовать наиболее интересные места из них, отсылая тех читателей, которые захотят подробнее познакомиться с жизнью и деятельностью Г. И. Невельского и его достойной супруги, к весьма обширной литературе, посвященной истории Амурской экспедиции, прежде всего, к книге самого Геннадия Ивановича и письмам Екатерины Ивановны, книге Веры Венд и другим работам.

Иных материалов нет, а потому повторы в некоторых местах нашего повествования неизбежны. Указанные книги не всем доступны, включая и те из них, которые изданы сравнительно недавно в 1960-х и в начале 1980-х годов такими маленькими тиражами, что давно уже стали библиографической редкостью. С ними можно познакомиться только в центральных библиотеках и в библиотеках Дальнего Востока, в издательствах, в которых они выходили в свет.

Заметно, как с каждым письмом Катя становится все рассудительнее и наблюдательнее, выглядит душевнее и симпатичнее, не перестает восхищаться красотами, сопереживать обездоленным местным жителям, с которыми приходилось встречаться на станциях сначала случайно, а затем и специально. Из писем видно, что Невельская не только обаятельная, но и, бесспорно, наблюдательная, талантливая женщина.

«Это правда, что Лена прекрасна, — рассуждает она во втором письме, — Окружающая нас природа дика и в то же время величественна. Я думаю, что в ее оригинальности и заключается ее прелесть. Везде высокие горы, покрытые лесом, крутые обрывы. От времени до времени мы проходим мимо прелестных островов; это настоящие рощицы посреди реки. Впрочем, все вместе имеет грустный и мрачный вид, но всегда величественный и красивый. Особенно вчера я была поражена необыкновенным зрелищем. Мне казалось, что наша лодка, быстро скользившая по волнам, могла разбиться о страшные скалы, громадные камни, выходящие из воды или покрывающие берега, как вдруг исполинская скала, скорее стена, поднялась слева от нас. Она была красная, как кирпич, и на самой высоте букет пушистых

деревьев покрывал ее зеленью; эти деревья, как будто посаженные человеческой рукой, придавали свежесть и жизнь всему ландшафту, сколько поразительному, столько же живописному. Это ландшафт полный величия... Никогда я не видела ничего подобного!»

Когда миновали устье Киренги, то заметно почувствовалось дыхание севера, а когда прошли Витим и подходили к Олекминску, то для прогулок приходилось иногда даже облачаться в шубу. По берегам еще лежал снег, по реке плыли льдины, оторвавшиеся от берегового припая, дул нудный северный порывистый ветер, лодку переваливало с волны на волну...

Когда сиденье в лодке и любованье природой надоедало, Невельской устраивал для своей юной супруги развлечение на берегу: верховые прогулки от станции до станции или пешеходные экскурсии в селения местных жителей — эвенков и якутов. Обычно Катю сопровождала служанка Авдотья, которая несла в корзине подарки-угощения — белые булки и орехи. Такие интересные посещения возбуждали еще большее любопытство. Но один случай напугал женщин. По дороге в деревню они встретили девочку с явными признаками проказы. Катя возвратилась обратно, а Авдотья отважилась идти дальше и со всеми мерами предосторожности передала жившим в юрте якутам традиционные подарки. Вся семья в этой якутской юрте была больна проказой — страшным бичом того времени. В другом месте, теперь уже в обязательном сопровождении мужа, тщательно ее оберегавшего, ей пришлось пешком пройти до ближайшей якутской деревни, где увидеть нищету и грязь, жителей, которые иногда питались корой деревьев. «Это ужасно! — восклицала она. — Страшная бедность царит в этих странах, и просто жалость берет, когда видишь, в какой нищете влечат эти дикари свое грустное существование».

К концу плавания настроение Кати существенно изменилось. Растерянность сменялась уверенностью, грусть — веселостью. Она чисто-сердечно благодарила судьбу за выпавшее на ее долю счастье. «Я теперь не такая печальная, — сообщает она в письме от 28 мая 1851 года, — и моя веселость напоминает времена Иркутска. Если я вам об этом пишу в каждом моем письме, это потому, что знаю вашу любовь ко мне и беспокойство дяди на этот счет, я и спешу успокоить вас относительно нравственного моего состояния. Ваша Катя очень счастлива, она более и более привязывается к благородному другу, который ее выбрал между всеми. Я вам клянусь, что опасности столь необыкновенного путешествия меня пугают теперь меньше, чем когда-либо.

Если я еще очень страдаю от нашей разлуки, то мой муж всегда найдет средство меня развлечь и успокоить. Он так нежно заботится обо мне, имеет такую глубокую привязанность ко мне, он такой благородный, безукоризненный герой. Ему всегда удается возратить покой моей душе, и мыслям и я делаюсь опять весела и резва, забавляя и заставляя хохотать степенного генерала Невельского, благодаря сотням тысяч шалостей, которые приходят мне в голову. На коленях благодарю я господа, что он мне послал в покровители этого чудного человека, любовь которого — моя гордость и будет для меня сильной опорой в испытаниях, которые меня может быть ожидают впереди...»

В общем-то не слишком утомительное, даже в какой-то мере развлекательное и познавательное плавание по величавой Лене завершилось любованием изумительными творениями природы — Ленскими столбами. После этого 29 мая Невельские выехали в Якутск, где для молодых приготовили место в доме богатого купца. Надо было хорошенько отдохнуть перед совсем иной дорогой. Следовало все предусмотреть, и сделать так, чтобы к их прибытию все и всё были готовы на местах — в Охотске и в Аяне. Поэтому Невельской немедленно послал распоряжения Алексею Ивановичу Воронину, просьбы — Михаилу Семеновичу Корсакову.

В первый же день в Якутске было сделано много. Ознакомились и с тем, каким видом транспорта предстояло двигаться отсюда. Больше всего порадовало и тронуло отношение к молодой супруге Невельского. М. С. Корсаков, например, сконструировал для нее особую повозку или качалку, которая помещалась на двух жердях-оглоблях, укреплявшихся по бокам двух лошадей цугом. Она представляла собой закрытый возок наподобие зимних саней, в которых можно было путешествовать даже лежа. Катя не замедлила, как истинная амазонка, испробовать новое усовершенствование, и похвалила Корсакова за удобную «карету», заметила, что жаль, что она при езде слишком закрыта — ее, то есть Катю, плохо видно. С таким же юмором ей ответили, что медведи вряд ли будут разбираться в том, красивая Катя, или уродина какая.

Между прочим, в связи с их приездом в Якутске пронесся слух, что губернатором создаваемой Якутской области прочат Невельского. Естественно, это объясняло повышенное внимание и особый интерес к будущей власти, к супруге будущего губернатора. Немедленно последовали званые обеды, отказаться от которых было невозможно. Катя превосходно играла роль серьезной дамы. Веселая хохотунья, она

порой с огромным трудом сдерживала свои юные порывы. «Меня действительно принимают, — с гордостью и юмором сообщала она в Иркутск, — за очень серьезную женщину, и я очень жалею, что вы не можете меня видеть сидящей по правой стороне хозяйки дома и наблюдать, с каким уважением обращаются ко мне она и все ее гости. Я клянусь вам, что в эту минуту я не похожа на ту, которая была в Иркутске, держу я себя с достоинством и чувствую себя непринужденной, когда говорю о хозяйстве с дамами пятидесяти лет! Ах! Если бы вы только могли меня видеть!»

На следующий день после прибытия Невельских в Якутск, Геннадий Иванович получил письмо от Муравьева, в котором сообщалось о том, что 4 апреля в составе Амурской экспедиции выехал лейтенант Николай Константинович Бошняк. Такому известию Невельский был весьма и весьма рад. Третий офицер поступал в экспедицию: к А. И. Воронину и Д. И. Орлову теперь присоединялся Н. К. Бошняк. Рад Невельский был и тому, что хорошо знал по Костроме семью Бошняков, этот старинный дворянский род. Позднее я буду иметь возможность несколько подробнее рассказать о Бошняке и его родных.

Итак, пришла пора собираться в дальнейший путь. За всем не уследишь, ну а так все вроде было готово к дороге. 2 июня 1851 года перед самым отправлением в Охотск, посылая сообщение Муравьеву, Невельский делился своими первыми планами, предполагая основное внимание уделить исследованию южной части лимана и пролива. Для этого он намеревался отправить туда Воронина и Попова. Весьма сожалая, что у него в распоряжении в Петровском кроме байдар не будет никакого морского бота, просил распорядиться об этом. Еще он сразу же нелицеприятно высказал свое мнение относительно переноса Охотского порта в Петропавловск, доказав всю нецелесообразность такого действия с военной и экономической точек зрения. Он хорошо понимал, что ему самому, то есть возглавляемой им Амурской экспедиции придется не только «кормиться» за счет Российско-Американской компании, но и иметь промежуточную до Муравьева ступень подчиненности в лице военного губернатора вновь создаваемой на Камчатке области во главе со старослужащим Российско-Американской компании, начальником Аянского порта Василием Степановичем Завойко, к тому же женатым на племяннице главного правителя компании Фердинанда Петровича Врангеля. Его очень беспокоила обстановка в Охотске и в Аяне: сформированы ли там команды для Петровского, когда и сколько появится кораблей, как перепра-

вить столько груза и людей на одном, предположим, транспорте «Иртыш», на который пока делалась ставка. Все это ожидало их впереди, а пока предстоял нелегкий вьючный путь. Геннадий Иванович страшно волновался за свою Катю.

Путешествие из Якутска в Охотск началось ранним утром 2 июня 1851 года. Караван состоял из пятидесяти лошадей, основная часть которых была навьючена багажом и разными грузами. Часть лошадей везла людей, одетых в самые невероятные одежды, и крайне необходимый в те времена и в тех местах конвой. Конвой состоял из казаков, двое из них понимали местные языки, то есть могли служить переводчиками. Багаж составляли не только обычные вещи путешественников и их запас продуктов. В его числе имелись кровати, кухонная посуда и палатки, так как Невельской просто-напросто не рисковал ночевать на станциях после того, как во время путешествия по Лене нагляделся на грязь в юртах местных жителей, которые к тому же слишком редко встречались на этом пути.

В дороге больше всего доставалось Невельскому, ничего не выпускавшему из своих рук, спавшему по несколько часов в сутки. Передают, что он забирался в Катину качалку тогда, когда той надоедало «качаться» и она амазонкой ехала в седле. Чаще всего это случилось ранним утром или под вечер, когда она для разминки или успокоения перед сном проезжала несколько верст верхом. А дорога с каждой верстой становилась все хуже и хуже. Никакие накомарники не спасали от гнуса, мошкары, огромных комаров-кровопийц. Специальные маски и тщательно зашнурованная обувь были бессильны перед этими исчадиями комариного ада. И чем теплее становилось, тем больше вилось вокруг всяких пород и видов гнуса. Ко всему приходилось привыкать воспитаннице Смольного института. Язык якутов и эвенков звучал дико для ее европейского уха, привыкшего к изысканному французскому. Ей претила неопрятность в юртах. И это было только начало, лишь приоткрывающаяся неизвестность.

Сережиной Охотского тракта считалась станция Алах-Юн. В письме, отправленном отсюда, Катю, что называется, прорвало. Она признавалась родным: «Вы знаете, что я готова была встретить всякие препятствия и неудобства, но действительность превзошла все, что могло нарисовать мне мое воображение. Никогда не могла я себе представить, что такие дороги существуют на свете. То приходилось вязнуть в болотах, то с величайшим трудом пробираться по непроходимым лесным дебрям, то, наконец, переправляться вплавь через быстрые

реки... Ах, что мы вытерпели! Несмотря на все усилия над собою, бывают минуты, когда я ослабеваю и теряю всякое мужество. Однажды, например, нам пришлось переправляться вплавь через глубокую и быструю реку. Разразилась гроза; молния ослепляла нас, а сильные раскаты грома, которые эхо повторяло со всех сторон, отражаясь в горах Яблоневого хребта, пугали лошадей. Они то и дело взвизывались на дыбы. Дождь лил как из ведра. Ледяная вода текла без удержу по лицу, по рукам, по ногам. Тропинка, по которой мы пробирались, была, кажется, опаснее всех предыдущих. Мы переезжали то по горным плоскостям, то через ледники, то вязли в снегу, то спускались с крутых скал по голым, почти отвесным обрывам и пробирались по узким и скользким дорожкам, загроможденными громадными каменными глыбами. Напуганная, иззябшая, с нетерпением ожидала той минуты, когда, наконец, нам можно будет остановиться. На мое несчастье прошло еще немало времени, пока нашли место для отдыха. Оно оказалось под сводом из скал, нависших над углублением. Наскоро устроили там палатку, и эта жалкая яма показалась мне раем...»

После Алах-Юна Катя стала замечать за собой какие-то неясные признаки слабости. К тому же дорога на спуске стала еще страшнее. Все раскисло, мостки и гати размыло, разнесло, гнус становился беспощаднее. Все реже и меньше верст Екатерина Ивановна проделывала теперь верхом, чаще пряталась в своей качалке, укрытой вокруг сколько можно марлей, и в который уж раз вспоминала добрым словом Корсакова за такой прелестный и практичный подарок. А когда начался медленный, но постоянный спуск к морю по скалистым тропам, то приходилось или лежать ничком в качалке, отчего страшно, до тошноты кружилась голова, или же, еле передвигая ноги, идти пешком в сопровождении верного рыцаря.

Вскоре она стала замечать за собой то, чего раньше не испытывала. При малейшем, резком движении кружилась голова, наваливались приступы тошноты и боли, появляясь все чаще, настойчивее ощущалась непонятная слабость. «Путешествие стало пыткой; случилось, что я садилась на край дороги, не имея мужества ни влезть на лошадь, ни растянуться в моем гамаке. Я заметно слабевала. Мы подвигались шагом и так дотащились, не доезжая верст десять до Охотска, где я упала на сырую траву, чувствуя, что у меня захватило дыхание, и катаясь по ней от невыносимых страданий». Катя была беременна.

На тех же качалках, превращенных в носилки, шестеро казаков со всеми предосторожностями несли эти десять верст ее на руках. Малей-

пий толчок вызывал невероятную боль. В Охотск, чтобы предупредить местного доктора, был послан верховой нарочный. Сюда Екатерину Ивановну доставили ночью почти в бессознательном состоянии. Здесь ее уже ждали доктор и фельдшер. У Невельской произошли преждевременные роды. «О как я рыдала, как я проклинала эту ужасную дорогу, которой опасности, ужасы и страшное утомление лишили меня самой сладкой надежды», — делилась она своим горем с родными.

Преждевременные роды нанесли тяжелый удар по здоровью и моральному состоянию несостоявшейся молодой матери. Переживали все, а Невельской в который раз казнил себя всеми казнями. Он решил, что ни в какое Петровское он жену не возьмет, а оставит ее на попечение надежной аянской семьи с тем, чтобы позднее отправить ее в Иркутск. А пока ей необходимо было отлежаться в Охотске. Совсем недалеко было и то время, когда придется испытать еще одну стихию — море. Правда, от Охотска до Аяна не так далеко... Когда Геннадий Иванович попытался завести с женой разговор об этом, то в ответ услышал слабое, но твердое «Нет!» Она никуда от мужа не уедет, ни в какой Иркутск возвращаться не будет, ни в каком Охотске и тем более Аяне она оставаться без мужа не станет ни на одну минуту. Только вперед, только вдвоем, в Петровское, к устью Амура. Вот так, за один разговор решили все вопросы, были сняты любые сомнения. Оставалось дождаться ее поправки и внимательно еще и еще раз проследить за погрузкой и подготовкой судна к плаванию.

Невельскому надо было из намеченных и согласных отправиться с ним людей отобрать около пятидесяти лучших по всем статьям матросов и казаков: не только хороших служак, но и мастеров на все руки. Незвестный во всех отношениях край, куда они отправлялись и где должны были надолго устроиться, предъявлял ко всем повышенные требования: стойкость, мужество, любовь к отчизне, веру в предпринимаемое дело и в своего предводителя, а также строжайшую и беспрекословную дисциплину. Несколько человек решались переселиться сюда навсегда, а часть мастеровых собралась ехать с семьями. Невельской поощрял такое переселение, но в то же время это его заботило и беспокоило. Его супруга писала: «Он думает об этом день и ночь и заботы эти отнимают у него сон и аппетит. Он весь поглощен тою мыслию, чтобы ничего не опустить такого, что послужило бы на пользу будущей колонии и ее благосостоянию, сохранило бы здоровье всех тех, кого он увозит с собою к неведомым еще местам у устья реки Амур».

Жизнь Невельского значительно изменилась с появлением Бошняка. Молодой, энергичный, красивый он стал сразу нужным и желанным для всех, надежным помощником Невельского и, по общему признанию, — самым талантливым участником Амурской экспедиции. В Охотске же был выбран и врач экспедиции Евгений Григорьевич Орлов. Упомянувшиеся в письмах Невельского из Иркутска и Якутска прапорщик Петр Попов и горный штейгер Иван Блинные также представились своему начальнику здесь, в Охотске. А как было нелегко Невельскому, когда к нему по тем или иным личным вопросам обращались будущие его сослуживцы, уезжавшие на несколько лет. Например, мастеровой Степан Решетников отправлялся на новое жительство с женой Анастасией и тремя детьми, да еще и со своей старой матерью; мастеровой Евдоким Вознюк — с женой Анной, с дочкой и внучкой; Григорий Москвитин — с женой Марией и двумя детьми... У всех них были свои заботы, и все обращались с ними к Невельскому. Это было естественно и понятно. Нужно еще раз упомянуть о том, что в Амурской экспедиции состояли в разное время разные приказчики Российско-Американской компании. В самом начале ее деятельности по рекомендации Д. И. Орлова и правления компании в нее вошли приказчики Алексей Павлович Березин и Андрей Степанович Бууров (иногда пишут Буоров).

Из Аяна шли хорошие вести: А. И. Воронин и А. П. Березин подготовили переселенцев и часть грузов к отплытию. Дело оставалось за транспортом, который должен был перебросить их в Петровское. Погода стояла отменная, впрочем, она почти всегда бывает такой в середине июля в Охотском море, даже в его северной части. Катя поправилась и посвежела, она по-прежнему ничего не хотела слышать ни о каком возвращении куда бы то ни было.

В Охотске в это время стоял «Байкал», на который и погрузили «охотскую» партию переселенцев и часть имевшегося груза. Предполагалось, что в Аяне их будет ждать бриг «Охотск». На двух судах будет совершена вторая, заключительная часть плавания от Аяна до залива Счастья. 9 июля, при спокойной, хорошей погоде с попутным ветром «Байкал» снялся с якоря с охотского рейда и ушел вдоль берега к Аяну. Невельской втайне радовался тому, что Катя оказалась такой стойкой и не покинула его, не поддавшись на все заманчивые предложения. Радовался он еще и потому, что вез свою Катю в Петровское на транспорте, с которым его многое связывало.

Рассказывая ей о судне, как о лучшем друге, Невельской припоминал случаи из совсем еще недавнего полукругосветного плавания, а больше всего говорил ей о том, что ждет их в заливе Счастье, о том, какой Амур хороший, широкий, привольный и красивый.

Стоя на шканцах, не успев вдоволь наговориться и налюбоваться берегами Охотского моря, Невельской увидел высокий мыс Саваля, означающий, что сразу за ним будет поворот ко входу на Аянский рейд, в залив Аян. Встречал Невельского командир Аянского порта капитан-лейтенант Александр Филиппович Кашеваров. Встречали также Алексей Иванович Воронин и Алексей Павлович Березин. Первые же впечатления оказались не совсем такими, какими их ожидали, особенно после чудесной прогулки по морю на «Байкале». Самым неприятным известием было то, что «Охотска» в Аяне не оказалось. Зато Катю чрезвычайно обрадовал подарок великого князя Константина, который ожидал здесь юную хозяйку. Это были чудесный гарнитур для будущего дворца на Петровской кошке в заливе Счастья и самое современное фортепьяно.

Стало очевидным, что на одном «Байкале» всего перевезти будет нельзя, а рассчитывать на вторичный рейс — дело рискованное. Нужен был обязательно транспорт больших размеров, такой как бриг «Охотск» или транспорт «Иртыш», но ни того, ни другого в Аяне не оказалось. Первые испытания, первая настоящая трепка нервов началась. Ждать или идти? Дело еще осложнилось и тем обстоятельством, что по неписаным законам из Петровского, откуда ждали «Охотск», доползли да Аяна прегаденькие слушки. Что, мол, транспорт, сиречь «Охотск», сожгли местные жители, которых подстрекали на это дело маньчжуры. Невельской снова подступился к молодой жене с уговорами остаться в Аяне хотя бы временно, а там, мол, видно будет.

Но никакие ухищрения и даже запугивания не повлияли на решимость Кати. Она написала тогда родным: «Мой муж в своем беспокойстве и среди полной неизвестности того, что будет, хотел меня оставить в Аяне. Но это было бы невозможно, мои друзья, не правда ли? Я была бы самая низкая, если бы осталась сидеть спокойно под зашитой, в то время как мой муж рисковал бы своей жизнью, при борьбе за свою честь и за честь Отечества. Борьба между нами продолжалась несколько часов, но я вышла победительницей, и до конца последовала за мужем». Пророческие слова написала тогда юная женщина, впоследствии вошедшая во все женские словари, — она следовала за своим мужем гордо и верно, с большой любовью всю недолгую жизнь.

В той обстановке, которая сложилась в то время в Аяне, отважиться на такое дело было совсем нелегко. Слухи-то слухами, но никто действительно не знал, что ожидает экспедицию в Петровском. Тем не менее, Невельской решился всеми имевшимися в его распоряжении средствами довести начатое им же дело до конца. О событиях в Петровском Невельской знал лишь из последнего и единственного письма Д. И. Орлова от 1 ноября 1850 года, то есть восьмимесячной давности. В нем говорилось, что вроде бы все благополучно: люди перебрались в казармы на берег. «Относительно же покровительства, — Невельской много раз перечитывал эти строки, — гиляки действительно просят и хотели приехать в зимовье с просьбой о покровительстве государя императора. С гиляками живем мирно, они перекочевали в зимники, часто навещают нас, привозя на продажу собачьего корма и более ничего».

Это было все, что знал Невельской, а слухи почему-то ползли и ползли. Нужно было готовиться ко всяким неожиданностям. А тут еще масла в огонь подлил Муравьев, который изысканно вежливо приказывал: «Мне неудобно давать Вам наставления, Вы сами на месте лучше меня знаете что делать, но повторяю: осторожность, смелость и терпение должны быть Вашим девизом; не огорчайтесь мелким неудачам...» И Невельской решился. Он готовился отстоять свое и отчизны дело: «Эта земля должна быть русская, она русская и останется русской», — клялся он Екатерине Ивановне. Она была в восторге от решимости своего рыцаря: «Я гордилась тем, что пойду навстречу опасности рука об руку с таким мужественным человеком. Я им восхищалась, его обожала в такие минуты. Он представлялся мне таким великим, энергичным, когда обдумывает все, предвидя все и не боясь ничего на свете».

Невельской распорядился идти в Петровское не на одном судне, а на двух. Иными словами, дожидаться первого пришедшего сюда судна, на которое погрузить все, находящееся на берегу в Аяне. Неожиданно свои услуги предложил командир зашедшего в Аян барка Российско-Американской компании «Шелихов» Владимир Ильич Мацкевич, с которым они вместе когда-то служили на «Беллоне» под командой С. И. Мофета. Барк прибыл из Ново-Архангельска, его команда сплошь состояла из алеутов и индейцев. Невельской был безмерно рад такой щедрости старого товарища. Собрав всех наличных офицеров и соответствующих их рангам чиновников, стали держать совет. На нем пришли к единому мнению: грузы экспедиции распределить на обоих

судах, а личный состав сосредоточить на барке. На барке же должны идти и Невельской с супругой, Бошняк, доктор Орлов. В задачу «Байкала» входило сопровождение «Шелихова» до Петровского и оказание ему в случае необходимости помощи. На «Байкале» с грузом находились Воронин, Березин и несколько нижних чинов из экспедиции. Итак, основной состав Амурской экспедиции и большая часть грузов оказались на барке «Шелихов».

Погрузка шла быстро. Все было готово к выходу вечером 14 июля. Но как часто бывает, погода изменилась именно в это же время, пришлось ждать ее улучшения. Только утром 16 июля маленькая эскадра из двух судов вышла из Аяна, держа курс севернее Шантарских островов, на Сахалинский залив. Как только начало слегка покачивать, обнаружилось, что большинство женщин, в том числе Екатерина Ивановна, в разной степени ощутили приступы морской болезни. Хотя служанка Невельской, толстуха Авдотья несколько от нее не страдала. Некоторые солдаты и мастера, позевывая, смотрели в сторону берега, прикидывая в уме, скоро ли настанет конец их морским мучениям.

В целом поход проходил вполне благополучно, ничто не предвещало каких-либо неприятностей. У офицеров, да и у переселенцев разговор постоянно вертелся вокруг того, что они увидят, придя на место. Что там ни говори, а слухи остаются слухами, и обычно оправдывают русскую поговорку, что дыма без огня не бывает. В общем, все ждали. Наконец, нетерпение взяло верх, и Невельской приказал «Байкалу» идти вперед, разобратся на месте, быстро возвратиться и доложить об обстановке в Петровском и вообще в том районе, в заливе Счастья.

Совсем недалеко от залива Счастья вечером суда настиг густой туман. «Байкалу» не удалось далеко отойти от «Шелихова», и оба парусника по приказу Невельского встали на якорь, чтобы переждать ночь. Была выставлена усиленная вахта, которой вменялось смотреть не только за изменением погоды, но и за тем, что делается на берегу, при первом же приближении оттуда шлюпок или байдар бить тревогу.

Ночь прошла тревожно. А утром, когда туман рассеялся и начался отлив, выяснилось, что «Байкал» сел на мель. Волнений у всех прибавилось основательно. Мацкевич, посоветовавшись с Невельским, решил подойти ближе к «Байкалу», но тут случилось и непредвиденное и непоправимое: внезапно, на ходу стал тонуть «Шелихов». Это судно было выстроено некачественно и уже не первую навигацию ходило без надлежащего ремонта. Оставалось одно — подойти как можно ближе к сидевшему на грунте «Байкалу», чтобы затонуть на возможно

более мелком месте, погрузиться так, чтобы верхние части судна и палуба остались над водой. Не останавливаясь на деталях, скажем только, что эта сложная операция удалась, и «Шелихов» сумел подобраться к «Байкалу», где сел на грунт.

Ну, а что же творилось в эти часы на самом «Шелихове», на котором находились женщины и дети, неопытные, впервые попавшие в такие условия казаки, солдаты, мастера? Сначала все шло, как и положено при плавании в тумане. Впередсмотрящие на шканцах глядели во все глаза и подзорные трубы, чаще обычного палили из пушек, особенно тогда, когда встали на якорь, в надежде на то, что кто-либо из Петровского откликнется на громкие призывы. Так продолжалось всю ночь, показавшуюся страшной и долгой. Невельской еле сдерживал себя, чтобы не направить туда шлюпку, но странное и подозрительное молчание со стороны Петровского удерживало его, внушая самые худшие опасения.

Именно в это самое время на корабле возникла течь. Было отчего потерять голову: «Байкал» сидит на мели совсем близко от Петровского с его загадками, «Шелихов» тонет. Екатерина Ивановна узнала о смертельной опасности. Она попыталась выполнить команду мужа «Все наверх!», но тут же была остановлена просьбой одного из офицеров оставаться у себя в каюте, пока ее не позовут — во избежание паники. Она покорно согласилась, и не зря. Вскоре в каюту зашел Невельской и рассказал ей обо всем: о пробоине в трюме, о реальной опасности погибнуть во время прилива или сильного шквала, о суматохе и беготне на палубе. Он, дав ей ряд советов, снова повторил просьбу офицера — без сигнала на палубу не выходить, а лучше приготовить все то, что можно взять с собой. Екатерина Ивановна, как писала она родным, «вдруг успокоилась совершенно». Потеплее одевшись, она собрала все драгоценности, памятные вещицы, документы, письма, не забыла бумаги и часы мужа. Затем с узором на коленях села на складной стульчик и стала ждать.

Минут через десять-пятнадцать вновь спустился Геннадий Иванович и сообщил, что «Шелихов» вышел на мелководье, и что смертельная опасность миновала, но положение все же остается серьезным. Он позвал жену наверх. «Я вышла из каюты, куда вода уже начала проникать. На палубе матросы равняли бочки пороха, вытасканные из трюма, и работали, чтобы спасти груз и багаж. Офицеры, казаки, даже молодые женщины в слезах, из которых некоторые держали в своих руках младенцев, изо всех сил качали воду.

Вода доходила да наших пяток. Дети и старухи, не способные к работе, бегали, кидались то в одну, то в другую сторону, толкались, кричали, рыдали, ища убежище против воды, которая все подымалась. Ах! Ужасная картина! Толкали друг друга, ушибались, каждый думал о себе, лица всех были покрыты как бы смертельной агонией, и они ломали себе руки. Мой муж окончательно меня успокоил, и я старалась придать хоть немного храбрости и надежды этим бедным существам. Я ходила от одной группы к другой, утешая их и объясняя, что опасность миновала, что все будут спасены, умоляя их оставаться спокойными и не волноваться за тех, которые работали для них. Увы! Это был напрасный труд! Они меня не слушали.

Разумеется, кто в такой суматохе мог послушать молоденькую жену начальника, всем хотелось спастись, спасти своих детей. В этой ситуации были все равны: и нижние чины, и обер-офицеры, и жена мастерового, и жена начальника. Но это не отразилось на Катином поведении. Когда спасательные шлюпки были спущены на воду и когда Мацкевич, Бошняк и другие офицеры — помощники командира барка — предложили ей первой спуститься в шлюпку, то она (романтическая, пылкая душа!) храбро им отвечала: «Мой муж говорил мне, что при подобном несчастье командир и офицеры съезжают последними; я съеду с корабля тогда, когда ни одной женщины и ребенка не останется на нем, прошу вас заботится о них». И хотя ее все-таки не послушали и, подхватив на руки, силой усадили в лодку вместе с другими женщинами, поведение Екатерины Ивановны в роковую минуту произвело сильное впечатление на окружающих. Авторитет молодой супруги начальника сразу возрос, значительно прибавилось уважение к ней со стороны сослуживцев и их семейств.

Не могу завершить эту главу, не приведя слова восхищения ее мужеством юного лейтенанта Бошняка, наблюдавшего описанную выше картину. «Первая женщина, — писал он впоследствии в журнале «Морской сборник», — с которой здесь познакомился я и которая, забыв свою молодость и возможность провести лучшие годы своей жизни не среди диких пустырей и грязных гиляков, — отправляясь на Амур, была супруга Г. И. Невельского. Я ехал тогда к капитану Невельскому курьером из Петербурга и застал его в Охотске. Надобно сказать, что Охотский тракт никогда кажется не исправлялся, и всякий проезжающий должен сделать по нем 1 200 верст от Якутска верхом. Кто знаком с этим трактом, тот знает, что значит проехать 1 200 верст верхом по топям. Госпожа Невельская не избегла этой судьбы и сделала

эти 1 200 верст в двадцать дней, кажется, еще больная, подкрепляемая лишь убеждением, что женщина должна разделить труды своего мужа, когда этого требует долг; мы имеем право думать, что таковы были ее убеждения. На транспорте «Байкал» мы все вместе перешли в Аян и там пересели на слабый барк «Шелихов». Когда барк стал тонуть, никто не мог уговорить г-жу Невельскую первой съехать на берег. «Командиры и офицеры съезжают последними, — говорила она, — и я съеду с барка, когда ни одной женщины и ребенка не останется на судне». Так она и поступила. Между тем барк уже лежал на боку».

На «Байкале», куда перевозили всех, было также нелегко. Продолжалась доставка вещей, важных грузов, пороха. Дело шло к вечеру следующего дня, начинался прилив и связанное с ним волнение. Вечером и ночью корпус «Байкала» содрогался от каждой новой волны, и «каждый толчок выбрасывал меня с койки полумертвой от ужаса», — признавалась потом родным храбрая трусиха.

Люди были наготове, «Байкал» разгружен, Невельской с офицерами приняли все меры предосторожности. Пуще всего следили за Петровским зимовьем. До него было подать рукой, повернув за мыс можно было видеть всю перспективу залива Счастья. Но...

Но все кончилось также неожиданно, как и началось. Помогли прилив и попутный ветер, а остальное сделали матросы и офицеры. В результате удалось сняться с мели без повреждений, то есть без течи в корпусе. «Байкал» вновь оказался на плаву. Под хозяйским взглядом П. В. Казакевича он был построен так прочно, что ни одна доска, ни один гвоздь не оказались выбиты или сломаны. Мало того, почти не было и царапин. Все это затем подтвердилось во время докования. Ну, а «Шелихов» тонул и тонул, погружаясь все больше и больше, и одновременно разваливаясь на части. Что могло плавать — смывалось с палубы, выносилось из трюма, кубрика и кают. Катя Невельская горькими слезами провожала жемчужину своего будущего уюта — плавающую недалеко мебель и разбитое фортепьяно розового дерева, подарок великого князя Константина. Что ж теперь делать? Зато «Байкал», любимое детище Невельского, снова потихоньку двигался, направляясь ко входу в залив Счастья.

Вдруг из-за поворота показались две шлюпки. Гребцы бодро взмывали веслами, и вот уже можно было различить на одной из них Дмитрия Ивановича Орлова, на другой — командира злополучного «Охотска» Петра Федоровича Гаврилова. Видеть их было настолько радостно, что решили, не останавливаясь. «Байкал» в считанные мину-

ты бросил якорь на рейде Петровского. Сразу же их догнали шлюпки, Орлов с Гавриловым наперебой рассказали, что в селении все в порядке. Аяновские слухи оказались ложными. «Охотск» же не пришел потому, что осенью сильной подвижкой льда его прижало к берегу, и ему ничего не оставалось делать, как зимовать. Весной, когда залив очистился ото льда, Гаврилов, приготовившись к плаванию в Аян, вывел свой бриг на рейд. В это время сильнейший шквал выбросил «Охотск» на берег, сорвав его с двух якорей.

Маленькое поселение оказалось совершенно нетронутым. Аборигены, о которых много слышали в Аяне от маньчжуров, мирно жили в соседстве с русскими, проявляя дружелюбие. Итак, желанная или не желанная — это покажет время — цель достигнута. Теперь Екатерине Ивановне предстояло прожить здесь несколько лет, быть не только женой женой начальника экспедиции на Амуре, но и достойной представительницей славной русской интеллигенции, просветительницей. Сюда она пришла добровольно и останется здесь столько, сколько это потребует мужу, сколько потребует Отчизне.

ГЛАВА 4. ЛЮБОВЬ И СЧАСТЬЕ, БЕДЫ И НЕНАСТЬЯ

Катя готовилась ко всему самому худшему. Она была готова жить в самой таежной глухомани какое-то время даже в палатке. А в Петровском оказалось не так уж и плохо: ее ждал небольшой трехкомнатный домик с кухонькой. Это пристанище Невельские первое время должны были разделить с семейством Д. И. Орлова, с которым Екатерина Ивановна немедленно же и перезнакомилась. Дмитрий Иванович представил ей свою жену Харитонию Михайловну и детей — дочь и сына.

Сначала Кате малолюдное селение показалось диковатым, но постепенно она другими глазами смотрела на Петровское, которое быстро расстраивалось в одну линию. Рядом возводился их домик, намечены были к постройке флигель для офицеров и казарма для нижних чинов. Уже была готова баня, в которой пока временно размещались господа офицеры.

Необходимо отметить, что существенную помощь в разгрузке «Шелихова» и спасении многих грузов, а также и окончательной перевозке всего спасенного имущества оказал только что прибывший корвет «Оливуца», которым командовал опытный моряк и старый знакомый Невельского Иван Николаевич Суцев. Он привел корвет в дальневосточные воды из Средиземного моря, имея приказ охранять русские воды от иностранных браконьеров-китобоев. По инструкции он должен побывать в зимовье Петровском, оказать всевозможную помощь начинавшейся Амурской экспедиции, а затем находиться в Петропавловске-Камчатском в распоряжении военного губернатора Камчатки В. С. Завойко.

Всех очень обрадовало решение мичмана с «Оливуцы» Николая Матвеевича Чихачева перейти на службу в Амурскую экспедицию к Невельскому. Доказательств тому прямых не осталось, но чувствуется, что руку к сему приложил Николай Бошняк, с которым они в один год заканчивали морской кадетский корпус. Невельской, конечно, был рад этому. Теперь вместе с ним в экспедиции насчитывалось трое настоящих морских офицеров, прошедших полный курс обучения в корпусе. Значит, можно планировать более широкую программу грамотных, научных исследований края, можно расширять сферу действий экспедиции. Офицеры «Оливуцы» помогли оформить документы об аварии барка «Шелихов», подписали акты о гибели всех запасов соли и сахара, которые не удалось спасти, а все это было совершенно

необходимо для того, чтобы отчитаться перед правлением Российско-Американской компании, владевшей монополией на снабжение всех русских дальневосточных поселений.

Пользуясь присутствием корвета «Оливуца», Невельской в сопровождении Бошняка, двадцати пяти матросов и казаков на вельботе и байдаре направился вверх по Амуру, к Николаевскому посту. Был с ними и А. П. Березин. Прибыв на место, исследователи увидели штабели древесины, заготовленные временным составом поста во главе с исполнявшим обязанности его начальника Алексеем Порфирьевичем Семеновым. Люди жили во временке. В холодное время, как это было оговорено, они уезжали в Петровское.

Теперь Геннадий Иванович выставил постоянно действующий Николаевский пост с постоянной командой во главе с Н. К. Бошняком. В помощь ему был оставлен опытный местный житель — Алексей Павлович Березин. Наперед скажем, что именно ему пост обязан задержкой строительства, так как Березин предложил на зиму соорудить для команды и для себя земляные юрты по типу якутских. Одновременно не теряя времени Невельской отправил из Петровского в южную часть лимана, в Южный пролив Николая Матвеевича Чихачева и прапорщика Петра Попова. Им было поручено произвести сколько можно по средствам и времени подробную съемку этих мест, а также попутно выполнить возможные географические, гидрографические и прочие исследования. Возвратились они в Петровское на вельботе, оставив байдару в Николаевском посту. Невельской приготовил все отчеты по экспедиции, попросил Сущева передать их по принадлежности для отправления в Петербург. И только после этого «Оливуца», забрав команду «Шелихова», ушла в Петропавловск-Камчатский.

Пока Невельской рьяно ударился в дела и разъезды, офицеры и команда «Оливуцы» были гостями жителей Петровского. И не только гостями: по просьбе Невельского матросы помогали в строительстве. Зимовье понемногу расстраивалось, с каждым днем приобретая вполне приличный вид. В одном из архивов мне приходилось видеть чертежи строившихся в то время домов, точнее, домиков, казарм, флигелей. Все чертежи имели две подписи: первую — Д. И. Орлова и вторую — Г. И. Невельского, утвердившего документ.

Поначалу Петровское больше напоминало военный городок, если не считать несколько построенных зданий. Всяду были видны палатки, костры, вешала с разбросанными на них матросскими, солдатскими

и казацкими пожитками, большие семейные палатки, в которых женщины пытались создать хоть какое-то подобие уюта, семейного очага. Ближе к основанию песчано-галечной косы, на «материке», виднелись нивхские деревеньки. А с остальных сторон Петровское окружало море. Со стороны залива Счастья плескались волны, с северной стороны грохотало Охотское море, иногда даже заливая часть кошки. От соседнего островка Петровская кошка отделялась нешироким, но вполне судоходным проливом. Через много-много лет именно сюда сядет ширококрылый АНТ ¹, и в честь прославленных летчиков назовут эти островки именами Чкалова, Белякова и Байдукова, но Петровская коса и залив Счастья сохранят свои прежние названия.

Обедали в военном городке в одно и то же время, в полдень — это было нормальным распорядком. Забота об обеде для всех офицеров стала добровольной обязанностью Екатерины Ивановны. Она вместе с Харитонией Михайловной и с верной Авдотьюшкой, у которой уже во время путешествия из Иркутска проявились кулинарные способности, каждый день долго ломала голову над тем, как вкусно и сытно накормить мужчин. Очень часто их выручала рыба, которую в изобилии поставляли местные жители, выменивая за нее ножи, стекло, бисер, табак, монисто и прочие житейские предметы и украшения.

Много труда, умения, знаний Екатерина Ивановна употребила на то, чтобы украсить маленькие комнатки построенного для Невельских домика (его общая площадь составляла 15 квадратных саженей ²); одна из которых была спальней, а другая служила гостиной, кабинетом, приемной и столовой, смотря по обстоятельствам. И уже скоро молодая хозяйка могла похвастаться родным, что благодаря «коврам и разным безделушкам, которые были со мною, этот бедный уголок приобрел уютный, приличный и почти даже изящный вид».

Вскоре матросы переселились в построенные казармы, где для семейных отгородили отдельные «углы». Некоторые из них решились на строительство собственных домиков. Господа офицеры покинули хорошо послужившую им баню, переехав в построенный для них флигель. Палаточный городок перестал существовать. Екатерина Ивановна постепенно по-иному стала смотреть не только на Петровское, которое с каждым днем становилось все роднее, но и на местных жителей. Одетые в собачьи шкуры, пахнущие рыбой рубахи и нерпичьи сапоги, в какие-то немыслимые деревянные «тирольские» шляпы, от рождения не мытые, поголовно пропахшие жиром, ворванью и табаком, они поначалу внушали ей полное отвращение. Она только от

одного вида нивхов приходила в ужас и поначалу откровенно их боялась. Но время шло, менялись взгляды. Екатерина Ивановна во многом разобралась, научилась видеть под слоем грязи человеческие образы и добрые сердца. Она узнала, что такие названия, как Шантар, Аян, Охота, Лама — по сути своей те же понятия, что и в русском языке — остров, залив, вода-река (а'хоть), большая вода...

Нивхи оказались честными, добрыми людьми, помогавшими зимовщикам валить и перевозить лес, ловить рыбу, охотиться на пушного зверя. Они стали незаменимыми помощниками русским в качестве проводников в их путешествиях по краю. Местные жители рассказывали им о своей земле, ее населении, об Амуре, о реках, в него впадающих, о зимних путях, о тех, кто крайне редко приезжает в эти места... Они снабжали экспедицию ездовыми собаками, рыбой и собачьим кормом. Знакомясь с ними ближе, особенно с женщинами и детьми, Екатерина Ивановна раньше других стала понимать язык нивхов и довольно скоро успешно обходилась без переводчиков. Простым обхождением молодая женщина, начальница, сумела завоевать авторитет, уважение поселенцев и местных жителей. Русские женщины, дети, матросы и казаки видели в ней свою матушку-заступницу, к которой можно было в любое время прийти со своими нуждами.

Осенью наступившие холода и выпавший снег принесли неожиданные трудности. При штормах, когда высоко поднималась морская вода, единственный колодец засаливался. Приходилось добывать питьевую воду из снега. В помещениях всегда было холодно, сколько их не топили. Удивляться тут было нечему: печи складывались из сырой глины и имели прямые, без завитушек, газоходы. В довершение всего первые же обильные снегопады завалили домики под крышу, поэтому выходить на улицу приходилось через чердак.

В начале зимы пришла пора зимних разъездов. В них отправились Чихачев, Попов, Березин и Орлов. Топограф Попов производил съемку. Вскоре из первой своей поездки возвратился энергичный Чихачев. Он ознакомился с условиями плавания, делал в отдельных сложных местах промеры, нащупывая фарватеры. Будучи в Николаевском посту, Чихачев с Орловым плавали по притоку Амурской — реке Амгунь, поднявшись по ней до селения Кеврет. В начале октября они возвратились к Невельскому, привезли рапорты от Бошняка, благоустроившего Николаевский пост. Они и рассказали о том, что в Николаевском посту для будущих строений успешно заготавливается лес, уже готовы

две земляные юрты, крытые сверху досок дерном, построена и действует небольшая, но зато самая настоящая баня.

Во время бесед с Невельским Чихачев получил новое задание: ехать вверх по Амуру до того места, где по слухам недалеко от залива Де-Кастри находилось озеро, от которого до побережья Татарского пролива рукой подать, после чего попытаться вдоль побережья через пролив и лиман возвратиться домой, в Николаевский пост или в Петровское. В свое очередное тяжелое путешествие Чихачев отправился вместе с Березиным и местным жителем Афанасием 18 ноября, а 30 ноября они уже были в заливе Нангмар...

Оставим путешественников с их заботами и вернемся к ним и результатам их многотрудного путешествия позже, а сейчас вновь обратимся к нашим главным героям. Екатерина Ивановна, как ни неприятны были ей поначалу невымытые и нечесанные аборигены, особенно женщины и дети, постепенно стала привыкать к такому невольному обществу и стала думать об лучшем устройстве их быта. Начала она с того, что стала усердно изучать нивхский язык, весьма простой и примитивный, но гортанный и непривычный для европейцев. Сравнительно скоро Екатерина Ивановна стала понимать его и обходиться без переводчиков.

15 октября Екатерине Ивановне исполнилось двадцать лет. Она ждала ребенка. Геннадий Иванович поистине превзошел себя, чтобы доставить ей самое большое удовольствие и светлую радость в далекой оторванной от белого света глуши. По его распоряжению тайком от именнинницы на раму натянули большое полотно, сшитое из нескольких парусов. На нем экспедиционные умельцы нарисовали иркутский дом Зариных, в котором Катя и Саша были так счастливы, где Катя обрела свою любовь и откуда она уехала сюда, в это захолустье.

Вечером Катя с женщинами занималась столом, закусками. А когда стемнело, ее неожиданно позвали на улицу. Катюша до такой степени была удивлена, что в первый миг сделала несколько шагов к своему дому, так ярко и искусно освещенному, к которому вела знакомая протоптанная дорожка, по которой Катя ходила в свой дом в Иркутске. Восторг, радостные слезы и горячие поцелуи стали ее ответом на такой роскошный подарок. А затем местные пиротехники показали свое искусство, устроив праздничный фейерверк, доселе невиданный в этих местах.

На него сбежалось все население, нивхи никак не могли понять, что произошло. А когда в их сознании каким-то образом уместилось,

что все это сделано нарочно в честь молодой русской хозяйки, то с этого времени они стали ее едва ли не боготворить. Завершился веселый и радостный день праздничным столом, причем от щедрот хозяйки матросам и казакам перепало по чарке. Не обошли вниманием и присутствовавших местных жителей.

Я могу так подробно рассказывать об этом потому, что Катя сама сообщила обо всем произошедшем сестре Саше. Она писала, что они часто коротают вечера за игрой в карты или шахматы, что она очень пристрастилась к этой древней, красивой игре и даже советовала сестре выучиться играть в нее.

Чтобы яснее представить внутренний распорядок зимней жизни Амурской экспедиции, воспользуемся официальными сведениями, которые Геннадий Иванович Невельской привел в своей книге. «К половине октября в Николаевском были готовы две юрты, обнесенные засеками, а в Петровском флигель в 3 саж. ширины и 5 саж. длины для нового размещения. Само собой разумеется, что все это делалось из леса прямо с корня; печи же, или лучше сказать, чувалы (вроде каминов), были сбиты из глины, или сложены из сырого кирпича, без всяких оборотов, с пролетом напрямую. Ясно, что жить в подобных хоромах было далеко не комфортабельно; во время метелей (пург), случавшихся нередко на открытой кошке, все строения были заметаемы снегом так, что попадать в них не иначе было возможно, как через чердаки. Много стоило труда, чтобы разгрести окна для света и двери для входа; прибавте еще к этому, что мы были окружены в несколько раз превышавшим нас по численности диким народом, у которого нож и физическая сила составляла единственное право. Ближайший к нам сколько-нибудь цивилизованный пункт Аян лежал в тысячи верстах пустынного и бездорожного пространства, по которому тунгусы верхом на оленях едва ли могли добираться в пять или шесть недель.

Несмотря на все это и на различные лишения и недостатки в самых необходимых для цивилизованного человека потребностях, офицеры и командиры, по примеру образованной и молодой женщины, моей жены, заброшенной судьбой в эту ужасную пустыню и разделявшей наравне с нами без всякого ропота все эти лишения и опасности, переносили их твердо и бодро, сознавая долг свой и пользу для отечества. Главным и единственным для всех развлечением летом было катание по заливу на гилякских лодках, а зимой — на собаках»³.

Забот у Невельского, как говорят, был полон рот. К счастью, у него имелись отличные помощники: Орлов и Бошняк. С уходом «Оливуцы»

его заботы были связаны не только с устройством Петровского и Николаевского поста, но так же и с исследованием огромного края, изучением населения, заведением с ним дружеских отношений. Главные вопросы Невельскому приходилось решать самому, тут никто не мог ему помочь. На нем лежала огромная ответственность, он был представителем Российского государства на тысячи верст вокруг. У него искали правду местные жители, с которыми участники Амурской экспедиции и представители Российско-Американской компании вели торговлю или расторжку, как тогда говорили. Одним словом, Невельской был хозяином края и отвечал за все происходившее здесь.

К первому Новому году в Петровском сюда стал прибывать народ. Сначала возвратился Чихачев, совершивший поистине одно из выдающихся путешествий по краю. Вместе с Березиным они добрались до озера Кизи, затем вышли через реку Таба к заливу Нангмар (залив Де-Кастри, ныне залив Чихачева). Здесь он узнал о существовании к югу от побережья Татарского пролива большого числа рек, впадающих в пролив, а также о большом заливе, который местные жители называли Хаджи. Узнали путешественники и о том, что они «о Китае и китайцах не имеют никакого понятия», что китайцы живут сами по себе, торгуют с теми, кто приходит в их земли⁴. Чихачев возвратился в Петровское 20 декабря.

Вслед за ним 23 декабря приехал в Петровское и Орлов, который с нивхом на двух нартах съездил на север в селение Коль, пробрался к озеру Чля, обошел его, положил на карту, поднялся на водораздел, с которого можно было спуститься по реке Бурея в реку Амур, осмотрел озеро Ахту, вышел на речку Биджи, затем снова через озеро Удыль вернулся к Амуру, по которому и возвратился в Петровское. Он также помимо географических и иных сведений привез много интересных сообщений местных жителей о том, что о китайцах никто из них слыхом не слыхивал, равно как и о маньчжурах. А так разные торговцы по тайге и по рекам бродят, разве обо всех узнаешь. Невельского обрадовали эти первые успехи.

В Петровское приехал на празднование Нового года из Николаевского и Бошняк. Все офицеры оказались в сборе и встретили праздник в обществе Невельских. Умная, добрая и красивая хозяйка дома умело направляла беседу, не давая гостям грустить. Постепенно разговоры свелись к обсуждению будущих экспедиций и задач на предстоящую зиму и весну. К лету все ожидали подкрепления. Пришла под Новый год и первая почта, но преимущественно местная — из Аяна и Охотска.

Этим случаем воспользовались все, чтобы написать о себе письма и переправить их по адресам.

Невельской, например, смело написал Муравьеву знаменательные строки: «Цель, которую решил преследовать я с моими сотрудниками, собравшимися к 1852 году в Петровское, состояла в том, чтобы обнаружить пред правительством важное значение для России Амурского бассейна с его бережьями и тем положить твердое основание к признанию навсегда за Россией этого края... Такова была миссия, выпавшая на нашу долю, и мы встретили 1852 год с твердою решимостью не отступая ни перед какими преградами исполнить долг свой перед Отечеством»⁵. Невельской очень просил Муравьева усилить экспедицию по крайней мере двумя офицерами и полусотней матросов, причем при выслуге лет здесь засчитывать им срок службы год за два.

Еще раз напомним о том, что я не ставлю задачу подробно рассказывать о всех географических исследованиях, имевших место в Амурской экспедиции. Скажу лишь то, что 1852 и 1853 годы стали самым результативным ее периодом. В это же время экспедиция оказалась наименее обеспеченной, в ней свирепствовала цинга, прекратившаяся лишь в начале 1854 года. И в личной жизни Невельских произошли трагедии. Причин тому было много: новое дело, начатое на необжитом месте, косые взгляды некоторой части правительства, особенно со стороны военного министра И. З. Чернышова и министра иностранных дел канцлера К. В. Нессельроде. Самое главное затруднение состояло в том, что материальное обеспечение Амурской экспедиции целиком и полностью зависело от Аянского порта Российско-Американской компании, начальником которого был капитан-лейтенант Александр Филиппович Кашеваров, креол, родившийся в Ситхе, обучавшийся в Кронштадте в Штурманском училище и, естественно, защищавший прежде всего интересы родной и вскормившей его компании.

Все время получалось так, что Невельской, ставя в известность Муравьева о своих предполагаемых действиях, часто заранее знал, что ответ от него придет тогда, когда дело уже будет сделано. Таким образом, как бы извиняясь, сваливая все на отдаленность, Невельской постепенно расширял сферу действия Амурской экспедиции, проводя сначала разного рода исследования, а затем выставлял военные посты. Во многих случаях помогало то обстоятельство, что Невельской был близок к генерал-адмиралу великому князю Константину.

Сразу после Нового года, в январе, в Нижнем Приамурье побывал Д. И. Орлов, а в феврале разъехались по своим маршрутам Чихачев, Березин, Попов и Бошняк. Невельской очень удачно сумел создать коллектив единомышленников, в котором они даже обращались друг к другу не строго официально по чинам, а уважительно, по имени и отчеству. По крайней мере, ни в одном из множества просмотренных мною писем иного обращения я не встретил. Такая хорошая, душевная обстановка привела к тому, что каждый член экспедиции — рядовой, чиновник или офицер и даже жены нижних чинов — прониклись сознанием важности творимого ими Дела, его государственностью. Заставлять работать никого не приходилось, люди сами напрашивались в трудные поездки. Вот и сейчас задачами для отправившихся до наступления навигации были: топосъемка правого берега Амура, поход по рекам и озерам нижнего левобережья (Амгунь, Горин, озеро Самагиров, залив Нангмар) и путешествие на Сахалин.

Я не могу рассказывать об этих вояжах, так как каждый из них заслуживает отдельной книги. Наибольшее внимание следует обратить на исследования Бошняка и Чихачева. Николай Константинович совершил первое путешествие на Сахалин, пересек его в северной части по долине реки Тымь и вышел к берегу Охотского моря. Затем с огромными трудностями (кончились продукты, были стерты ноги, иногда не имелось собак, почему приходилось идти пешком на лыжах-плоскоступах) он возвратился к берегу Татарского пролива и отсюда от мыса Тык через лиман вернулся в Николаевский дворец. Именно в дворец, показавшийся ему таким по сравнению с юртами.

С нивхом Позвейном, единственным проводником Бошняка в путешествии по Сахалину, ему удалось составить карту маршрута, положить на нее часть побережья острова и направление течения всей реки Тымь, открыть и частично описать месторождения каменного угля, получить сведения о том, что лет двадцать тому назад у восточного берега близ селения Мгачи потерпело крушение судно. Моряки построили на берегу дом, снова смастерили судно, на котором обогнули Сахалин и опять-таки около селения Мгачи снова разбились, и по словам туземцев все погибли, кроме одного, звали которого Кемец. Вскоре после этого с Амура прибыли двое русских: Василий и Никита, которые, объединившись с матросом, построили себе дом, вели жизнь, обычную для промышленных людей... Все они окончили жизнь на Сахалине. Судя по тому, что двое прибывших с Амура очень боялись русского царя, можно было судить о том, что они были беглыми катор-

жниками. Бошняк подробно описывал селения, жителей, а в селении Виахту встретил у одной из местных женщин листки из акафиста Иисусу, подаренные ей совсем недавно побывавшими тут русскими. Я видел эти листки, они сохранились в архиве.

А. П. Чехов, спустя несколько десятилетий путешествовавший по Сахалину, неоднократно тепло отзывался о Невельском и Бошняке. Наслаждаясь покоем и гостеприимством семьи Невельских, Николай Константинович Бошняк позже часто вспоминал об этом времени. В изложении М. С. Угличаниновой, племянницы Г. И. Невельского, говорится, что рассказы об этой экспедиции она слышала «частью от самого Геннадия Ивановича, частью от моего знакомого по Костроме Николая Константиновича Бошняка, бывшего под его начальством в этой экспедиции, который, между прочим, рассказывал, каким светлым и согревающим лучом была для них всех жена Геннадия Ивановича, Екатерина Ивановна Невельская; как освещал и согревал этот луч тех, среди которых судьба ее забросила и где она провела много лет, терпя нужду, голод и холод. Он рассказывал как она изучала их язык, как она ласкала и делилась... последним куском, желая сыскать их доверие и любовь к ее мужу, которому они были так необходимы в его изысканиях»⁶.

Трудное путешествие выпало на долю Чихачева и отправившихся след за ним Березина и Орлова. Последние двинулись по правому берегу Амура для сбора сведений от местных жителей с тем, чтобы по приходу сюда Чихачева поступить в его распоряжение.

Чихачев отправился в путь 12 февраля 1852 года в сопровождении нивха Афанасия. Он дошел до устья реки Амгунь, поднялся по ней, ведя все это время опись маршрута, далее перешел к озеру Самагиров, оттуда вдоль берега к реке Горин, где трое суток прожил в селении того же названия, безуспешно пытаясь найти проводника. Тогда он один проехал 150 верст по реке Горинной. Когда он прибыл к ее устью, к Амуру, то у него оставалось корма для собак лишь на двое суток, у самого же продукты полностью закончились. «На девятые сутки, давая собакам по одной кости, не могу сказать, чтобы доехал, но дошел до Кизи». К счастью, тут оказался Попов, а затем прибыл Березин, который вскоре отправился с рапортом в Петровское. А сам Чихачев с Поповым, Афанасием и казаком, приехавшим сюда с Березиным, оборудовали в заливе Нангмар (Де-Кастри) нивхскую лодку и совершили на ней труднейшее плавание вдоль материкового берега до самого южного пролива (теперь пролив Невельского), и от него по всему лиману, в Петровское, куда он и возвратился 18 июня 1852 года.

Едва отдохнув, весной 1852 года Бошняк и казак Семен Парфентьев выехали в новое путешествие вверх по Амуру до селения Вайт, где они простояли десять суток из-за сильной пурги. Затем они переехали к селению Ухтр, где Бошняку предстояло наблюдать вскрытие реки Амур и исследовать протоку Уй, ведущую к озеру Удыль, из которого она вытекала. Подождав вскрытия Амура до 11 мая, Бошняк еще больше месяца исследовал озеро, Серебряный остров на нем и протоку, и лишь 17 июня он прибыл на нивхской лодке в Николаевский пост. 20 июня Бошняк явился в Петровское для сдачи отчетов. В этот день посчастливилось встретиться двум товарищам, неутомимым путешественникам.

Прежде чем продолжить рассказ о путешествиях, совершенно необходимо сказать и о том, какова была связь экспедиции с внешним миром и как чувствовали себя наши главные герои вдали от родных и близких. Обо всем личном я узнавал из писем Екатерины Ивановны и Геннадия Ивановича к Николаю Матвеевичу Ельчанинову, хранящихся в Смоленском архиве, а также из служебной, официальной и частной переписки Невельского с Муравьевым, великим князем Константином и Корсаковым. Но я не нашел ни одного письма Невельского своим родным: матушке, сестре или еще кому-либо. Возможно, что их забрала Ольга Геннадьевна, когда в начале 1890-х годов, уже после смерти родителей, живя во Франции, она писала книгу о них. Вполне вероятно, что какая-то часть архива Невельских может храниться и по сегодняшний день в Ницце, где проживала Ольга Геннадьевна. Впрочем, сколько времени прошло, сколько буйных ветров и военных бурь пролетело над Европой и над Ниццей, что мои предположения могут остаться всего лишь предположениями. И все же...

Чаще всего Екатерина Ивановна писала своему другу — дяде Владимиру Николаевичу Зарину и сестре Сашеньке, которые вскоре после свадьбы Невельских уехали-таки из Иркутска, но не во Владимир, как было назначено, а в Курск, куда попросился Зарин, так как его престарелая мать проживала в Орловской губернии, что было значительно ближе к Курску, нежели к Владимиру. Это приняли во внимание. Чрезвычайно важной новостью для Невельских и особенно для Кати стало известие о предстоящей свадьбе Саши с Иваном Сергеевичем Мазаровичем. Свадьба намечалась на январь 1853 года, а до того времени жених по неотложным делам должен был съездить в Бессарабию (ныне Молдова), где надо было решить наследственные вопросы — здесь у его отца было имение. С этого времени к смоленской и курской приба-

вилась московская переписка, где первое время жила Саша с мужем, затем краснаярская, где служил И. С. Мазарович, иногда писали из Кинешмы и из Петербурга. Я располагаю одним таким письмом — от Ивана Антоновича Купреянова. Его вполне достаточно, чтобы судить о том, что Невельские, хотя и с трехмесячным опозданием, но имели представление о жизни своих родственников, близких и добрых знакомых.

Получил такую возможность и Невельской, по крайней мере, как начальник экспедиции, ибо почта заметно наладилась и отправлялась, за редким исключением, в определенное время, точно так же как и прибывала. Великолепные результаты исследований Бошняка, Чихачева, Березина и Попова (Воронин в это время «сидел» начальником в Николаевском посту) Невельской с большим удовлетворением передал Муравьеву, Константину и Меншикову. Он писал о том, что солдаты, казаки, матросы, поселенцы и офицеры твердо и прочно основались в Николаевском и Петровском. Просил утвердить предложенный им новый штат экспедиции, увеличенный до 353 человек, убеждал в необходимости выставить новые посты в районе озера Кизи и в заливе Де-Кастри. Просил, умоляя освободить Амурскую экспедицию от финансовой зависимости от Российско-Американской компании, представителям которой в экспедиции, да и самим участникам экспедиции приходится больше торговать, нежели заниматься исследованиями, так как от экспедиции компания в первую очередь ждала прибыль, а не научных результатов. Он сообщал, что многое сделано и в налаживании отношений с местными жителями, что часть из них выражает желание принять христианство, и что некоторые уже сделали это, что солдаты и матросы небезуспешно учат их строить рубленые дома, разводить огороды. Постепенно приучают их, особенно женщин, к мылу и стирке. Молодые парни из экспедиции не стеснялись приглашать нивхских девушек на посиделки, чему были особенно рады их родители, мечтавшие о русских мужьях для своих дочерей. В общем, жизнь в Приамурье налаживалась, чему помогли и дружеские наставления — разрешения Н. Н. Муравьева, верховного представителя власти в здешних местах. Ему и самому не всегда просто приходилось «протаскивать» у царя то или иное постановление — сказывалось влияние группировки Нессельроде. Надеясь победить в этой борьбе, Муравьев часто и весьма ответственно распоряжался от своего имени.

Так, в ответах на докучливые просьбы Невельского идти дальше и расширять сферу своих исследований, Муравьев отвечал четко, лаконично, но всегда оставлял лазейку для инициативы. Вот один

их таких примеров: «С моей стороны могу Вам только сказать: утвердитесь в Николаевском и Петровском и рассылайте всех осматривать, описывать и снимать, но до Чля не трогайтесь, покуда не получите дальнейших распоряжений; Сахалин держите в узде из Петровского и сделайте самое подробное описание Южного пролива; я почти уверен, что в навигацию 1853 года мы будем иметь “дорогого посетителя” и тогда развяжутся руки» ⁷.

Под «дорогим посетителем» подразумевался юный великий князь Константин, ставший управляющим Морским министерством. Либерально настроенный, безгранично любящий флот, принимавший самое активное участие в Великом Амурском Деле, он не благоволил Российской-Американской компании, несмотря на то, что во главе Русской Америки после смерти А. А. Баранова и до ее продажи в 1867 году Северо-Американским Соединенным Штатам неизменно стояли морские офицеры или адмиралы. На Дальний Восток Константин собирался попасть самым кратчайшим путем: ни вокруг света, ни через Петропавловск-Камчатский, и даже ни через Охотск или Аян, а напрямую по Амуру.

Пора сказать, что в ближайшие планы Невельского, и разумеется, Муравьева, входило плавание по всему Амуру: от Усть-Стрелочного поста, там, где Шилка и Аргунь сливались в единую реку Амур, и до устья, до Николаевского поста и Петровского зимовья. Под руководством произведенного в капитаны 2-го ранга Петра Васильевича Казакевича в Сретенске и в Нерчинске строились не только баркасы и баржи, но и первый русский пароход в этих краях, получивший название «Аргунь». Послано было письмо китайскому императору с просьбой не только не препятствовать проходу русского сплава (так в Сибири и на Дальнем Востоке по аналогии с лесосплавом называли караван речных плавсредств), но и во имя традиционных дружественных связей двух держав оказывать ему всяческое содействие и помощь.

Ощущая поддержку «сверху», Геннадий Иванович действовал с размахом, но учитывая местные возможности. Так, он заложил шеститонный ботик, который по готовности должен был перевозить всякие грузы между Николаевском и Петровским. «Молю Всевышнего, — восклицал Невельской в очередном письме Константину, — чтобы этот Амурский первенец был предвестником флота Русского в водах Амура и Тихого океана, на славу и пользу Царя и Отечества». По многим причинам Невельской не отправлялся в путешествия по краю. Прежде всего, центром экспедиции стало Петровское, и

Невельской был нужен здесь. К нему шли местные жители, он организовывал экспедиции, вел переписку с Аяном, одним словом, Петровское стало центром русской жизни на устье Амура. Была и другая причина, понять которую нетрудно. Екатерина Ивановна была беременна, и Геннадий Иванович, памятуя о своей неопытности в путешествии по Охотскому тракту, рисковать больше не имел права. Он тщательно оберегал покой супруги. Боготворившая молодую госпожу, домашний ангел-хранитель Авдотья также всегда была начеку. Особенно ей не нравились участвовавшие в последнее время визиты к «госпоже начальнице» женщин, у которых появились разные секреты. Была и еще одна немаловажная причина. Невельской давно ждал прихода корвета «Оливуца», а с ним — новостей, продовольствия и подкрепления. В зимнее время ему удалось наладить почту. Три раза доставлялись и отправлялись эти «писки», как нивхи называли бумаги, письма и депеши. Но, видимо, они питали такое уважение к ним, что не вынимали их из одежды, и по словам Катиной сестры Саши, она получала от нее «прелье» письма.

Долгожданное событие свершилось: 1 июня 1853 года Екатерина Ивановна родила дочь, которую назвали Екатериной. У маленькой Кати с рождения было еще одно имя-прозвище: «амурская барыня». Как-никак, она стала первой русской, родившейся в низовьях Амура. Радость матери была велика. Очень приятно было Екатерине Ивановне слышать теплые, искренние слова поздравлений молодых офицеров, верных друзей семьи, — Николая Бошняка и Николая Чихачева.

Положение в экспедиции ухудшалось с каждым днем, а «Оливуца» все не приходила. Естественно, что принимались всевозможные меры облегчить положение. Невельской отправлял в Аян к Кашеварову с каждой оказией прошения, рапорты, гневные письма. Но Кашеваров был человеком компании и не подчинялся ни Муравьеву, ни тем более Невельскому. Он родился в Ново-Архангельске в семье русского учителя Филиппа Кашеварова, приехавшего туда из Курской губернии, и алеутики. С назначением губернатором вновь образованной Камчатской области Василия Степановича Завойко и производством его в генерал-майоры, положение осложнилось еще больше. Отныне Невельской за каждой мелочью должен был обращаться к Завойко, получать от него разрешения и перед ним отчитываться, то есть подчиненность экспедиции из непосредственного ведения Муравьева была передана Завойко. Это очень ухудшило ее положение, учитывая огромные дальневосточные расстояния и их непростые личные взаимоотношения.

Экспедиция ощущала явный недостаток в продовольствии и снаряжении. А для того, чтобы успешно продолжать начатые исследования в крае, нужны были еще и еще люди. Но ничего этого не имелось, зато было неизвестно, когда и что появится, и появится ли в этом году вообще. Поэтому с наступлением теплых дней все активно принялись за возделывание огородов, посадку картошки, редиса, репы, капусты, сбор кедровых орехов. К сожалению, как на зло, в этот год рыба ловилась плохо. На нее рассчитывали не только участники экспедиции: рыба служила местным жителям основным источником пищи. Начался настоящий голод, появилась цинга, пришлось урезать пайки. Неважно чувствовала себя Екатерина Ивановна — малышке явно недоставало молока, а взять его было негде — на тысячи верст в округе не водилось ни одной коровы.

И все-таки не все так плохо и печально было в эту первую зимовку и первую весну в Амурской экспедиции. У местных жителей существовало поверье, что каждый копающий землю и сажающий что-нибудь впоследствии должен умереть от плодов. Невельские решили убедить их в том, что это вовсе не так. Один из нивхов, Паткен, живший неподалеку, ежедневно наблюдавший за работой русских, обратился к Екатерине Ивановне с просьбой научить его жену сажать картофель. Екатерина Ивановна сама вскопала грядку, посадила клубни и велела своей подопечной поливать и полоть их. Сама же она постоянно наблюдала за работой. Когда картофель вырос, и семья Паткена с удовольствием убедилась, что от этого не только никто не умер, но и не заболел, то все горячо благодарили Невельских. А затем примеру Паткена последовали и другие жители.

Всем доставило много радости событие, случившееся с молодой женщиной по имени Сакони. Муж привез ее к Екатерине Ивановне и слезно молил спрятать, так как гиляки с острова Лангр собрались украсть красавицу — таковы были тамошние нравы. Екатерина Ивановна приняла самое деятельное участие в ее судьбе. Она не только спрятала девушку и держала ее у себя необходимое время, но сделала так, чтобы Сакони, никогда не мывшуюся, отмыли с мылом от грязи, одели в белую рубашку и сарафан. Молодой женщине так это все понравилось, что она стала мыться и расчесываться каждый день. Вскоре ее примеру последовали многие. Надо было видеть, с каким восторгом русские женщины отмывали своих товарок. А матросы смывали вековую грязь с мужчин на берегу залива Счастья не только мылом, но и обычным песком. Сколько радости было у русских, когда они

наблюдали, с каким восторгом смотрели нивхские женщины и девушки в подаренные им зеркальца на собственное отмытое изображение!

Случались и горькие события. Одним из самых неприятных за всю историю Амурской экспедиции был побег из Николаевского поста шестерых матросов. Расследование, проведенное Бошняком и Невельским, показало, что они замыслили дезертировать за границу еще в Охотске. Поэтому они особенно рьяно проявляли себя на службе, в подготовке экспедиции, делали все для того, чтобы составить о себе самое лучшее впечатление. В этом они преуспели: были на хорошем счету, им доверяли важные задания, поездки из Петровского в Николаевский пост и по окрестностям, в деревни местных жителей. Убежали они на единственной лодке, имевшейся в Николаевском посту, прихватив с собой и денежную казну. Как оказалось, казну в ночь побега охранял его участник. Догнать беглецов было не на чем. Так никто до сих пор и не знает, куда удрали от царской службы русские парни.

Именно во время побега на рейд Петровского наконец-то пришел корвет «Оливуца», которого, признаться, многие и ждать перестали, рассчитывая на собственные силы. Невельской уже подумывал о том, чтобы самому каким-то образом добраться до Аяна и устроить там трам-тарарам. И вдруг! На «Оливуце» прибыла очередная партия солдат, казаков, мастеровых и два офицера: Александр Иванович Петров и Григорий Иванович Разградский — штурманы, по существовавшему положению произведенные в мичманы, как изъявившие желание служить на Дальнем Востоке (в Камчатке, как тогда было принято говорить), а из продовольствия — пришла лишь одна мука. Гневу зимовщиков и, конечно, Невельского, не было предела.

Вряд ли нужно пересказывать содержание писем, которые направил он в разные адреса с новым командиром «Оливуцы» лейтенантом Иваном Федоровичем Лихачевым (И. Н. Суцев утонул в реке Камчатке). Стало ясно, что если что-то из продуктов и может появиться этим летом, то только к глубокой осени. Оставалось одно — засучив рукава, продолжать те усилия, поддерживать тот темп, который сложился в Амурской экспедиции, при подготовке к следующей зимовке. Положение осложнялось еще и тем, что среди прибывших солдат, матросов и мастеровых (всего 34 человека) половина были пожилыми, имелись и больные. Но самая главная сложность состояла в том, что с ними прибыли 38 членов их семей — жен и детей.

Трудно, очень трудно пришлось поселенцам. Несмотря на кажущееся значительное увеличение состава участников Амурской экспедиции,

фактически он вырос лишь на пять человек, так как пятнадцать больных отправлялись на «Оливуце». Зато потребовалось срочно строить помещения для двенадцати семейств, их надо было приютить и прокормить. По семейным обстоятельствам был вынужден покинуть экспедицию Н. М. Чихачев. Правда, появились два новых офицера. Временно прибывший священник Гавриил Иванович Вениаминов совершил обряд крещения Кати Невельской и сына Орловых — Саши.

Для того чтобы нагляднее представить, каким образом выглядело в то время селение Петровское, воспользуемся воспоминаниями, оставленными одним из вновь прибывших офицеров — А. И. Петровым. Когда он узнал, что некоторое время ему и Разградскому, также как и многим другим прибывшим, придется пожить «под елкой», то есть в палатке, то решил посмотреть, куда же его занесла судьба, прошел прогуляться по селению.

Вот его наблюдения. В Петровском в это время были: новый дом Невельских размером 3,5 на 5 сажень, в котором имелись четыре комнатки, прихожая и кухня; сажень в тридцати от него стоял флигель Д. И. Орлова, в котором первоначально он жил с Невельским; неподалеку от берега стоял деревянный пакгауз (склад), где хранились мука и крупа и находилась лавка Российско-Американской компании; далее по этой же линии (улице) строился дом для священника Г. И. Вениаминова. Сзади флигелей первой линии стояла юрта-землянка, в которой помещалась команда зимовавшего здесь бота «Кадьяк». Подальше находилась казарма размером 4 на 7 сажень для холостых и женатых казаков. Позади дома Невельского стояла маленькая изба в два окна — баня, в которой имелись кухня, прихожая и одна комнатка. В ней жили доктор Евгений Григорьевич Орлов, Алексей Иванович Воронин, Алексей Порфирьевич Семенов, приказчик Российско-Американской компании Иннокентий Акимович Титов. Впереди пакгауза была устроена пристань, вблизи которой лежал выброшенный на берег бриг «Охотск». В окна домов вставили битые стекла, а в казарме рамы затянули белым миткалем. Никаких палисадныхиков, оград, загоронок у домов не было.

Провожая «Оливуцу» и талантливое Чихачева, Невельской просил командира судна посодествовать тому, чтобы в это же лето Завойко и Кашеваров оказали им необходимую помощь. Он просил Чихачева, направлявшегося через Иркутск в Петербург, всенепременно не только передать его личное письмо Муравьеву, но и самому рассказать о своих впечатлениях, о положении, создавшемся в экспеди-

ции, о голодном пайке, о недостатке самого необходимого: лопат, топоров, ножей, гвоздей, долот, столярных инструментов, ломов...

Однако письмами и самыми настойчивыми, злыми просьбами сразу дела не поправишь. Письма придут к адресату через полгода, а помощь, если она будет своевременно оказана, поспеет лишь на следующий год, в следующую навигацию. А жить надо сейчас. Кормить, одевать, поместить под крышу людей следовало уже теперь. Зима в этих местах приходит быстро и становится сразу, не давая времени для раскочки. А надо было не просто существовать, но выполнять важную государственную программу исследований, расширять их районы во всех направлениях: по Амуру на юг по лиману и дальше, на Сахалин.

Петров занимался перевозкой продовольствия и товаров из Петровского в Николаевский пост, где Бошняк временно сменил Разградский. Бошняк же отправился в залив Де-Кастри, куда пробырался по Амуру, озеру Кизи, реке и озеру Таба, далее через перевал. На берегу залива он выбрал место для поста, объявил жителям, что следующим летом тут поселятся русские, вручил старосте селения соответствующий документ на русском и французском языках. Лишь в начале осени, 8 октября он возвратился в Петровское, а затем в Николаевский пост. Этим летом Орлов промерил южную часть лимана, а Воронин написал побережье Сахалина от мыса Погоби до залива Виахту.

Конечно, больше всего хлопот было у Невельских. Если с поездками по краю все обстояло благополучно, считалось большой честью получить самостоятельное задание и выполнять его не щадя сил, то заботы о благоустройстве поселенцев, о строительстве поселка, о продовольствии, о благополучии и здоровье зимовщиков занимали начальника постоянно. Самыми насущными среди них были продовольствие и жилье. Строения возводились не на авось, а по чертежам, которые составлял Орлов и утверждал Невельской. Нельзя без волнения смотреть на эти немые свидетельства, прекрасно сохранившиеся в архивных делах, пришедшие к нам с Петровской косы из домиков Невельского и Орлова. Над этими чертежами склонялись славные морские офицеры России.

Петровское постепенно росло. Возвышались два сруба для нового флигеля и очередной казармы, постоянно заготавливался строительный лес. Петровское могло уже похвастаться ледником, колодцем, новой баней, восьмитонным палубным ботиком, двухвесельным ялом, вельботом, наборной лодкой, двумя береговыми шпильями, сараем на столбах, скотным двором. Было заготовлено несколько тысяч штук кирпичей.

Осенью 1852 года в Амурской экспедиции состояли 64 человека: 25 — в Николаевском посту, 23 — в Петровском зимовье, 16 — в разъездах. В ноябре отправился в очередную поездку неутомимый и неугомонный Бошняк. Ему нужно было описать Чукчагирское озеро, путь к которому шел сначала по Амуру, затем по Амгуни. Успешно исполнив это поручение, Бошняк возвратился лишь 22 декабря. Чуть раньше, 18 декабря, вернулись люди с устья реки Хунгари, где они подробно разузнали о путях, ведших через перевал, по Тумнину — к заливу Хаджи, о котором были много наслышаны от местных жителей. Осенью Российско-Американская компания все-таки откликнулась на просьбы Невельского. В начале сентября в залив Счастья пришел бот «Кадьяк», командир которого Никита Ильич Шарыпов не решился идти на зимовку в Петропавловск и остался в Петровском. А вскоре после него в Петровском появился и корабль Российско-Американской компании, с которым А. Ф. Кашеваров прислал продовольствие. Продуктов пришло так мало, что Невельскому сразу же пришлось вводить ограниченные пайки, а крупы, медикаментов и водки не было привезено совсем.

И все же праздники Рождества и Новый год отмечали и в Николаевском, и в Петровском. Из более чем скромных запасов каждый получил по десять фунтов белой муки и масла, по полфунта чая и по чарке водки. В Николаевском посту обедали все вместе — мужчины и женщины — за одним столом. В Петровском усилиями Екатерины Ивановны, Харитонии Михайловны и Авдотьи стол был обилен, а гостиная в миниатюре напоминала иркутскую. Произносили тосты, пели, танцевали, даже разыгрывали сцены из «Недоросля», днем катались с гор, собачьи и оленьи упряжки мчали их по снежному заливу.

Перед самым Новым годом пришла почта. Из писем Невельские узнали об обручении Саши и Ивана Семеновича Мазаровича, о судьбе Николая Ельчанинова. По просьбе Невельских их родственник, родной брат мужа сестры Невельского, известный мореплаватель адмирал Иван Антонович Купреянов, определил юношу на службу, помог ему сдать экзамен на юнкера флота и устроил на один из военных кораблей, идущих вокруг света на Дальний Восток. Катя была рада предстоящей встрече с братом, которого надеялась уговорить остаться в Амурской экспедиции.

Екатерина Ивановна понимала, что Новый год, по крайней мере наступившая зима, не сулит ей перемен к лучшему. Она знала, что ей придется провести этот год, а может быть, и не один, на узкой полоске

песчаной кошки, летом и осенью продуваемой всеми ветрами, заливаемой штормами неласкового Охотского моря. Вчерашняя воспитанница Смольного института многое перенесла, многому научилась и теперь сама знала, чему следует учить других.

Хозяйство у нее было сложное и огромное. На первом месте стояла семья. Она отлично справлялась со своими главными обязанностями. Второй ее семьей стали офицеры экспедиции. Молодой женщине необходимо было оставаться прелестной женщиной и заботливой, приветливой радушной хозяйкой. Все офицеры понемногу были в нее влюблены. Во всяком случае, двое из них — Николай Константинович Бошняк и Воин Андреевич Римский-Корсаков — признавались в своей влюбленности в письмах к ближним. Она была примером преданности делу мужа, образцом стойкости для всех женщин экспедиции, для жен нижних чинов, их матерей и сестер. Она не могла себе позволить начальственный, барский тон. Только дружба и внимание помогли ей завоевать расположение окружающих. К ней без страха и робости заходили местные жительницы, и она учила их мыться, одеваться, обрабатывать землю и заводить грядки. В этом Екатерина Ивановна делала большие успехи.

С приходом Нового года наступила пора новых испытаний, тяжелых и жестоких, из которых самой страшной стала цинга. Она немилосердно косила слабых и тех, кто терял способность к сопротивлению. Самая большая смертность пришлась на первые зимние месяцы 1853 года. Как ни старался доктор Евгений Григорьевич Орлов, сколько ни придумывал разных средств фельдшер Андрей Шишерин, болезнь не шла на убыль. Скоро начались похороны. Умирили матросы, скончался единственный плотник Степан Решетников, оставивший после себя бабушку, жену и троих малолетних детей. До мая месяца росло число крестов на окраине Петровского, где устроили кладбище. Заботы о семьях умерших также ложились на плечи Екатерины Ивановны, которой пришлось провести много часов, разделяя горе безутешных вдов и сирот.

Геннадий Иванович делал все, что мог, но иногда его нервы сдавали. И тут всегда рядом оказывалась милейшая Катенька. Ничего изменить было нельзя, приходилось обходиться только собственными силами, писать прошения и уповать на то, чтобы на следующую зимовку экспедицию вновь не оставили на голодном пайке. Пока же они выжидали, покупая осетрину. Дошло до того, что Невельской был вынужден дать распоряжение забить скот, только что доставленный в

Петровское и в Николаевский пост. Эта крайняя мера была необходима для спасения больных цингой.

В одном из писем Невельской распорядился, советуя хозяйничавшему там Петрову (Бошняк был в очередной командировке): «Строго прикажите фельдшеру, чтобы об опасных больных он каждую почту через Вас уведомлял доктора, то есть чем лечит? Какой ход болезни? Какую употребляет пищу?» Далее Невельской предложил подробный расчет пайка на каждого до мая, при этом строго наказав: «Смотрите за этим хорошенько, и чтобы ни фунтика без Вас не смели брать. Что делать? Мы, собственно, и сами здесь солонину кушаем... У нас есть гороховая мука — есть ли у Вас? Если нет, то напишите, пришлю». Экспедиция не имела ни грамма таких необходимых при цинге лекарств, как укус и спирт.

Но жизнь есть жизнь. Жители поселка радовались, когда появлялись на свет дети, так сказать, коренные петровцы: в самое трудное время, в январе и в феврале, сначала у фельдшера Шишерина родилась дочка, а затем у матроса Кошкарева — сын. Появились человеческие радости — заботы, подарки, крестины. Ближе к весне начались заботы об огородах, и не только для русских, но и для местных жителей. Невельской советовал кроме картошки, редиски и капусты с репой сажать в виде опыта еще овес, ячмень, ядрицу. А в Пасху делили одно яйцо на двоих и пили по чарке рисовой водки, вымененной у местных жителей.

Обращает на себя внимание тот факт, что перед Пасхой Невельской приказал Петрову, чтобы тот, несмотря на скудный пасхальный рацион, разделил его вместе с местными жителями. Еще он писал, чтобы Петров оповестил всех нивхов, живших недалеко от Николаевского поста, «не пожелают ли они быть при богослужении и после него на чае, а потом, в 12 часов дня, на обеде». Невельской еще раз подчеркнул, что местные жители «должны обедать вместе с нашими людьми, перед обедом дать командам по чарке водки, а если возможно, то до пятнадцати чарок разделить на нивхов, пить за здоровье государя императора и при этом сделать салют из всех имеющихся у Вас орудий».

За празднованиями и житейскими делами не забывали о делах государственных. Потому сразу за Новым годом начались очередные и внеочередные, вызванные необходимостью, поездки по краю. Невельской давно готовил экспедицию в залив Хаджи, о котором было известно от местных жителей как о большом, способном вместить сразу много кораблей, укрытом от всех ветров. Поэтому Разградский с Березиным

отправились по Амуру, чтобы в определенном месте заготовить продовольствие для экспедиции Бошняка в залив Хаджи. Разградский возвратился в начале февраля, а Березин остался сделать все приготовления, необходимые для основания там поста. С 17 января по 6 февраля ездил в Приамгуньский край А. И. Петров. К сожалению, долго болели и не могли сразу включиться в исследования Воронин и Орлов, болел и командир «Кадыка» Шарыпов. Доктору Орлову и фельдшеру Шишерину работы хватало...

Ну, а затем наступила очередь Бошняка. 15 февраля 1853 года Бошняк начал свою третью поездку-плавание. Первые две дали важные результаты. Впервые был описан путь по Амуру и Амгуни до озер. В путешествии по Сахалину впервые пересекли остров по направлению реки Тымь, открыли каменный уголь, узнали о пребывании на острове в недавнем времени русских людей и о том, что они время от времени появляются на Сахалине. Все это было настолько важно, что Невельской немедленно сообщал об открытиях Бошняка в Петербург. Этому своему самому активному офицеру и талантливому исследователю Невельской поручил и поход к неизвестному заливу, лежащему к югу от лимана Амура, от пролива Невельского, где-то на побережье Татарского пролива. Николай Константинович выбрал себе в спутники горного мастера Ивана Блинникова, казаков Семена Парфентьева и Кира Белохвостова, а также якута Ивана Мосеева, знакомого с языком орочей, которые, по словам местных жителей, живут в нескольких местах на побережье залива Хаджи.

Наезженный путь по Амуру был пройден без каких-либо происшествий. В Кизи им сказали, что все имущество сохраняется до приезда офицера, который будет строить здесь пост. Когда путешественники прибыли на берег залива Нангмар (Чихачева), то были встречены Березиным, заканчивавшим постройку небольшого домика для поста. Он же подобрал нивхскую лодку, которую Бошняк укрепил, поднял ее борта, чтобы не заливало во время плавания, и еще раз просмолил.

Затем, собрав местных жителей, Бошняк поднял на поставленном флагштоке русский флаг, а старейшине селения передал Лист, написанный на русском и французском языках, подписанный Невельским. В том Листе говорилось, что все побережье от сего места и до берегов Кореи является русским, что жителей этих мест русский император берет под свое покровительство. Бошняк наказал старейшине, чтобы он показывал Лист капитану всякого приходившего в залив судна или военного корабля.

Покончив с официальным поручением Невельского и оставив в посту, названном Александровским, Березина, Бошняк со спутниками тронулись в плавание. Пока они шли по заливу, все было хорошо, но как только стали поворачивать за мыс, чтобы выйти в Татарский пролив, плоскодонную лодку начало так быстро заливать, что стало ясно — кому-то необходимо остаться и снять часть груза. Все это решили на перешейке: остался Иван Блинников, который налегке отправился к Березину, а затем они вдвоем перенесли груз в Александровский пост.

После разгрузки лодка вела себя нормально, теперь плавание на ней вблизи берега не представляло опасности. Небольшой косой парус двигал лодку, которой управляли короткими лопастями-веслами, с их же помощью продвигались при безветрии. Бошняк все внимание уделял описи берега, а в местах стоянок — определению глубин, особенно в устьях ручейков, рек и речушек. Не упускал он и возможности поговорить с местными жителями. Во всяком случае, записки Бошняка, опубликованные впоследствии в журнале «Морской сборник», говорят о незаурядном таланте этого молодого человека, его пытливости и научной наблюдательности.

Продолжая плавание вдоль берега, огибая все мысы, заходя во все заливы, Бошняк подошел к узкому перешейку, за которым было видно большое пространство воды. Перетащив лодку через перешеек, исследователи оказались в огромном озере, в берега которого с разных сторон врезались широкие и узкие заливы и заливчики. Оно было спокойным. Позже выяснилось, что путешественники совсем немного не дошли до входа в залив, тот самый, который местные жители называли заливом Хаджи или Большим. Случилось это 23 мая 1853 года. Путешественники пробыли тут неделю, подробно его описали, дали названия мысам и заливам, повстречались с местными жителями, а перед уходом поставили крест на мысе Анастасии, недалеко от выхода в Татарский пролив. На кресте вырезали надпись, гласящую, что эта гавань открыта лейтенантом Бошняком со спутниками казаками Семенов Парфентьевым, Киrom Белохвостовым и амгуньским крестьянином Иваном Мосеевым и названа Гаванью Императора Николая I. Обратный путь был намного легче, хотя и окончились запасы продовольствия. Александровский и основанный А. И. Петровым на берегу озера Кизи в селении Кэтово Мариинский пост были пусты, хотя продукты остались на месте. Здешние старейшины ответственно относились к доверию русских, поэтому на обоих постах все было в порядке.

Когда 25 июля путешественники прибыли в Николаевский пост, сразу кое-что прояснилось. На них посыпался град новостей: о начавшейся войне, позже получившей название Крымской, о плавании Невельского на «Байкале» вокруг Сахалина, об укреплении русских позиций на Сахалине. Подробности стали известны в Петровском от гостеприимной Екатерины Ивановны и Дмитрия Ивановича. Коротко они сводились к следующему: в середине мая пришло известие от великого князя Константина о готовящихся американских экспедициях в воды Японии. Это известие потребовало провести соответствующие мероприятия. Невельской отправил в залив Чихачева Григория Даниловича Разградского, которому приказал постоянно держать в Александровском посту русский флаг. Если потребуются, то с достоинством встретить американцев, объявив им о принадлежности этих мест России.

Вскоре пришло предписание Н. Н. Муравьева: выставить в нескольких местах южного Сахалина русские посты, официально там обосноваться, укрепиться и исследовать Южный Сахалин. Муравьев сообщал, что для исполнения сахалинской операции им назначен майор Николай Вильгельмович Буссе. Невельской рассчитал правильно, он предвидел, что операция может затянуться. Буссе должен был из Аяна направиться в Петропавловск, для того чтобы отобрать команду для постов на Южном Сахалине, затем доставить их в Аян или Петровское, где уже окончательно сформировать так называемый Сахалинский десант.

Тем временем в Петровское прибыл его «Байкал», который наконец-то доставил продовольствие и некоторое снаряжение, десятисельный катер, байдару и девятнадцать казаков. Невельской действовал быстро. «Байкал», разгрузившись и снова загрузившись всем необходимым для разведочного похода, отправился в плавание вокруг Сахалина. По пути с него тщательно осматривали южную часть острова, особенно залив Анива. Нашли, что для основания поста подходит бухта Лососей. Затем Невельской направился в Императорскую гавань, которую ему просто не терпелось осмотреть. Она поразила его своим величием. В одном удобном заливе этой гавани, Константиновском, Невельской выставил пост, назвав его также Константиновским. Он оставил в нем десять казаков во главе с урядником Дмитрием Хороших и направился в Александровский пост, откуда отправил «Байкал» обратно под командой поручика Семенова. Поручику было приказано выставить в устье реки Кусуннай Ильинский пост из шести казаков во главе с Д. И. Орловым, что и было в точности исполнено 17 августа 1853 года.

Из Александровского поста Невельской возвращался в Петровское внутренними путями. На озере Кизи он с удовольствием наблюдал, как в основанном им Маринском посту распоряжался мичман Александр Иванович Петров. А дома, в Петровском, его ждала радостная и долгожданная весть: Амурская экспедиция выходила из подчинения Российско-Американской компании, утверждался ее штат (два лейтенанта, два мичмана, два штурманских офицера, один артиллерийский офицер, 240 старшин и матросов, сотня казаков с двумя офицерами, взвод горной артиллерии с двумя офицерами, доктор, священник, правитель канцелярии с помощником, три писаря, содержатель имущества, два фельдшера), экспедиция теперь подчинялась только генерал-губернатору, а Невельской получал права областного начальника.

И еще была одна новость: в конце июля в Петровское на китобойном судне «Суоми» прибыл официально назначенный помощником Невельского, то есть помощником начальника Амурской экспедиции капитан-лейтенант Александр Васильевич Бачманов. С ним приехал священник, уже побывавший прошлым летом в Петровском, — Гавриил Иванович Вениаминов. Совсем неожиданно к радости Екатерины Ивановны в числе прибывших были и их супруги: Елизавета Осиповна Бачманова и Екатерина Ивановна Вениаминова. На буксире у «Суоми» находился катер «Надежда» водоизмещением 300 пудов, снабженный десятистойльной паровой машиной.

Снова наступила горячая пора: ожидалась эскадра Е. В. Путятина во главе с фрегатом «Паллада», отправленная из Кронштадта. Вновь прибывших требовалось разместить, перевезти продовольствие и снаряжение из Петровского в Николаевск, дожидаясь Сахалинский десант из Петропавловска и подготовиться к важнейшему мероприятию — экспедиции на Сахалин. 26 августа на транспорте «Николай I» на рейд Петровского был доставлен Сахалинский десант во главе с Н. В. Буссе и лейтенантом Николаем Васильевичем Рудановским, добровольно пожелавшим перейти в Амурскую экспедицию из Камчатской флотилии. Вроде все было готово, время давно поджимало, но тут оказалось, что привезенного из Петропавловска продовольствия для расширяющегося состава экспедиции недостаточно. По неопытности Буссе поверил Кашеварову и властям в Петропавловске. Пришлось Невельскому снова воевать с Кашеваровым, буквально выбивая самое необходимое.

К 6 сентября с приходом «Иртыша» на рейде Петровского оказались сразу три корабля. Кроме него, здесь стояли «Байкал» и «Николай I». В экспедицию решили идти на «Николае I». Кроме Невельского и

командира транспорта Мартина Клинковстрема, из офицеров участвовали Н. В. Буссе, Н. В. Рудановский, а также лейтенант Н. К. Бошняк, который назначался начальником Константиновского поста в Императорской гавани. Поход вокруг Сахалина прошел вполне благополучно, и 22—23 сентября в заливе Анива, примерно на том месте, которое было избрано во время рекогносцировки Невельским, высадились 59 матросов и казаков и восемь вольнонаемных поселенцев. Место оказалось весьма удачным, так как поблизости находились жилища местных жителей. Начальником поста стал Буссе, его помощником — Рудановский, который, впрочем, всецело занимался исследовательскими работами, совершая непрерывные путешествия по южной части острова.

На том же транспорте Невельской заходил затем в Императорскую гавань и в залив Чихачева, откуда, как обычно, внутренними путями вернулся в Петровское. Бошняк во главе двенадцати казаков остался начальником Константиновского поста в Императорской гавани. Дом для них был уже готов, заканчивалась постройка небольшого офицерского флигеля. Вскоре положение поста изменилось. Сюда пришел транспорт «Иртыш», командир которого Петр Федорович Гаврилов не решился в такое позднее осеннее время на дальний переход в Петропавловск. К тому же, как выяснилось, у него было много больных, а сам транспорт находился в неисправном состоянии. Затем произошло совсем неожиданное событие: в Императорской гавани появился транспорт «Николай I», командир которого М. Клинковстрем также не отважился идти в Русскую Америку в Ново-Архангельск. В результате вместо двенадцати человек в пустынном и весьма удаленном месте их скопилось около сотни. При этом команда «Иртыша» была плохо обеспечена продовольствием.

В Александровском посту Невельской узнал от Разградского, что в Татарский пролив пришла шхуна «Восток» под командованием Воина Андреевича Римского-Корсакова⁸. Она находилась в составе эскадры вице-адмирала Ефимия Васильевича Путятина, который приказал командиру и офицерам описать западное побережье Сахалина и «войти в сношение с начальником Амурской экспедиции капитаном 1-го ранга Невельским».

Дома, в Петровском, где его заждалась семья, Геннадий Иванович оказался лишь в середине октября. Екатерина Ивановна радостно встретила скитальца. Она рассказывала мужу о своем и Катином здоровье, о происшествиях в Петровском и в округе, об огородных успехах и

неудачах, демонстрировала свое знание нивхского языка, с явным удовольствием показывала одетую в русский сарафан постоянно моющуюся милостивую Сакони, крепко подружившуюся с ней и особенно с Авдотьей. В Петровском умело распоряжался Бачманов, был готов еше один дом, строились следующие.

Катя рассказала мужу о визите в Петровское шхуны «Восток», ставшей первым в истории судном, вошедшим в устье Амура из Японского моря проливом Невельского. У южного входного мыса в Амур — мыса Пронге — шхуна встала на якорь, и Николай Матвеевич Чихачев, снова оказавшийся в знакомых местах в качестве старшего помощника командира, сходил на шлюпке в Николаевск. Затем Римский-Корсаков побывал в Петровском. К сожалению, встретиться с Невельским ему не удалось, в это время тот был в Сахалинском походе. Вот что записал в дневнике Римский-Корсаков о Екатерине Ивановне: «Два года тому назад, тотчас после свадьбы, из круга родных она приехала в это захолустье вместе с Невельским, который в ту пору только что положил основание зимовью. Конечно, надобно иметь сильную любовь к мужу, чтобы с хорошим воспитанием, привыкнув к обществу и развлечениям, не скучать и не унывать в такой унылой безжизненной местности, при лишениях самых существенных, потому что в первое время, покуда еще неустроено было чтобы американско-компанейские суда заходили сюда ежегодно — снабжать поселенцев всякими съестными и бакалейными припасами, чета Невельских могла позволить себе одну только роскошь: чай и сахар — да и то не расточительно, а в остальном можно было рассчитывать только на казенную морскую провизию, доставленную из Камчатки, да на рыбу и дичь. При этой скудности жизни Невельскому довольно часто приходилось разъезжать, и его мадам в это время оставалась одна — прислушиваться к шуму Охотского моря, вечно плещущего на низменный берег так называемой Петровской кошки, саженья в ста за ее домом, да собирать бруснику в кустах тощего кедровника — единственного произрастания на этом унылом песчаном берегу. И несмотря на то, двадцатилетняя барынька не изнывала и не соскучилась, развела огород, занимается хозяйством, солит грибы, мочит бруснику и коптит рыбу, вошла во вкус занятий своего мужа, усердно сочувствует его успехам и надеждам, так же как и он увлекается Амуром и Сахалином, и я поддразнивая ее на эту тему, очень весело с ней проболтал те немногие часы вечера и утра, которые я провел в Петровском».

К рассказу Римского-Корсакова прибавим немного слов Н. К. Бошняка, рассказывавшего в Костроме М. С. Угличаниновой о том, каким светлым и согревающим лучом была для всех них Екатерина Ивановна; как освещал и согревал этот луч тех гиляков, в среду которых забросила ее судьба, и где она провела много лет, терпя нужду, голод и холод. Он рассказывал, как она изучала их язык, чтобы пролить свет в их закоснелые сердца, как она ласкала и делилась с этими дикарями последним куском, желая снискать их доверие и любовь к мужу, которому они были так необходимы в его изысканиях.

Из всего многообразия почты Невельских больше всего обрадовало известие о прибытии в Аян Катиного брата Николая, который пользовался гостеприимством семьи Кашеваровых. К сожалению, я не нашел ни одного письма от брата к сестре, так же как не располагаю ни одним письмом супругов Невельских друг к другу. Но ведь так не должно быть. Известно, что Екатерина Ивановна о многом и многом писала сестре Саше и брату Николаю. Знаем мы и о том, что после смерти брата Екатерина Ивановна беспокоилась о судьбе своих писем к нему и просила дядю Николая Матвеевича Ельчанинова возвратить их ей. Несколько десятков лет я посвятил изучению истории Амурской экспедиции, но ни разу не читал этих писем, за исключением нескольких — к дяде.

В письмах Муравьева говорилось о возможном разрыве дипломатических отношений между Россией, Англией и Францией, о войне с Турцией, что, вполне возможно, война захватит и Дальний Восток, и поэтому правительство принимает меры. Муравьев недвусмысленно намекал, чтобы Невельской ускорил строительство жилых домов, так как весной 1854 года на устье Амура, вообще на Дальний Восток ожидается прибытие войск. Сообщалось также, что сюда отправится фрегат «Аврора». Следующая почта подтвердила известия о том, что весной состоится первое русское плавание по Амуру, что в Сретенске строится пароход «Амгунь» и большая флотилия лодок, баркасов, сплавных средств.

Между тем наступила очередная зима, а с ней вновь пришла цинга. Первые больные появились вначале в Петровском, затем — в Николаевском. Весной цинга разгулялась в Константиновском посту: в команде Бошняка умерли двое, самые большие потери были в команде «Иртыша», гораздо меньшие жертвы имелись среди экипажа «Николая I». А всего в Императорской гавани от цинги умерли 29 человек. По сей день стоит, напоминая об этой трагедии, памятник-часовня в бухте Постовой. В Муравьевском посту на Сахалине цинга

тоже была, но здесь скончался только один матрос, остальных уда-
лось выходить. Пост находился в самых лучших условиях, был снаб-
жен намного полнее, чем команды других поселений.

За всю историю Амурской экспедиции зима с 1853 на 1854 год была
самой холодной и самой жестокой. Хотя с продовольствием по срав-
нению с прошлой зимой было лучше, но недоставало свежих продук-
тов. Не случайно Екатерина Ивановна почти в каждом письме в Нико-
лаевск, где были коровы, просила прислать для дочки хотя бы буты-
лочку молока. Не сохранилось свидетельств того, как встречали
Новый год. Скорее всего были соблюдены уже сложившиеся тради-
ции. Всех объединяло одно желание — выстоять, победить холод и
болезни. И не только выстоять, но и быть готовыми отразить нападе-
ние англо-французов, а также встретить амурский сплав. В январе 1854
года Муравьев сообщил Невельскому, чтобы тот ждал его и сплав в
районе озера Кизи между 20 и 25 мая.

А что же происходило в Петровском у Невельских? 2 апреля 1854
года Екатерина Ивановна родила вторую дочку, которую назвали
Ольгой, а 20 апреля Невельской получил приказание встречать
Муравьева со сплавом в конце мая у Кизи. Что было ему делать? Боле-
ла старшая дочь Катенька, ей становилось все хуже, тяжело страдала
после родов и сама Екатерина Ивановна, нуждалась в заботе ново-
рожденная. Не мог Невельской в такое время и в таком положении оста-
вить семью. Но и без него нельзя было обойтись в Маринском, куда
прибывал Муравьев.

После Пасхи Невельской отправил встречать ожидаемый сплав
Разградского, сообщив в письме Муравьеву, что сам он прибудет в
начале мая. Расставание Геннадия Ивановича с семьей было тяжелым,
хотя Екатерина Ивановна и просила его не беспокоиться и свято ис-
полнять свой долг. Не знал Геннадий Иванович, что в последний раз
берет на руки крошку Катюшу, последний раз щекочет усами детские
щечки, чтобы немного развеселить ее и своих домочадцев. За себя он
оставлял А. В. Бачманова. Тяжелое положение скрашивалось неведомо
откуда потянувшимися надеждами на скорое возвращение семьи
Невельских с Амура. Об этом, со слов Екатерины Ивановны, писали
друг другу родственники, дяди из Смоленска и Курска. Можно думать,
что речь шла об отпуске, который вполне возможно обещал Геннадию
Ивановичу Муравьев.

Между тем Разградский с 9 мая ждал окончания ледохода в Мари-
инском. Здесь его застал Невельской, прибывший 15 мая. Они вместе

двигались по Амуру навстречу долгожданному гостю — генерал-губернатору. Поднялись они на 500 верст, миновали устье реки Хунгари. Здесь их догнал нарочный, доставивший депешу от Римского-Корсакого, в которой говорилось о прибытии в Императорскую гавань эскадры Е. В. Путятина и о приходе в залив Де-Кастри двух транспортов с Камчатки. Здесь же ясно говорилось о начавшейся войне России с Англией и Францией. Обстоятельства требовали присутствия Невельского на устье Амура. Оставив Разградского встречать сплав и Муравьева, он срочно возвратился в Мариинское, а уже 11 июня появился в Де-Кастри, где стояла целая флотилия: транспорты «Иртыш», «Двина», «Байкал» и шхуна «Восток». Наконец-то состоялась его встреча с Римским-Корсаковым, были решены вопросы с Путятиным, взяты его письма для Муравьева. Невельской снова заспешил на Амур, надеясь не опоздать в Мариинск к прибытию Муравьева.

Их встреча произошла в семи верстах от Мариинского поста. О чем они разговаривали — это никогда не станет известно. Главным решением было сосредоточить все силы на устье Амура и настаивать об этом же перед Путятиным, ожидавшим Муравьева на «Палладе» в Императорской гавани. Туда Муравьев и пошел на шхуне «Восток». Здесь же был и Невельской. Встреча, состоявшаяся 22—23 июня, стала важной, так как на ней было принято предложение Невельского укрепиться в устье Амура, ввести туда «Палладу», усилить Александровский пост, которым стал командовать лейтенант Яков Иванович Куприянов. Путятин сообщил о том, что он снял Константиновский и Муравьевский посты. Встреча Невельского со своим верным помощником Бошняком была скорее печальной. Муравьев предоставил Бошняку после такой трагической зимовки отпуск с выездом на родину. Принято было еще одно очень важное решение: всеми мерами оборонять Петропавловск, куда отправить прибывший корвет «Оливуца».

Теперь Невельскому можно было возвращаться к себе. Он отправился в Мариинский пост, намереваясь сделать все необходимые распоряжения. В Мариинском его ждало страшное письмо, пришедшее из Петровского от доктора Евгения Григорьевича Орлова (автору удалось разыскать его в архивах). Вот оно: «Первое письмо к Вам я должен начать с огорчительным и печальным известием для Вашего сердца: по отъезде Вашего из Петровского припадки задушения у Вашей старшей дочери начали делаться чаще и чаще и наконец 12 мая припадок продолжался более четырех часов, в котором она нечувствительно перешла в иной, лучший мир. Это горестное событие не могло не

подействовать на состояние Екатерины Ивановны. Конечно, для матери горестна потеря первородной дочери, и тем более тяжела эта утрата потому, что можно было надеяться на дальнейшее продолжение жизни, так как Екатерина Геннадьевна благополучно кончила первый год своей жизни, самый опаснейший в период детства, но Екатерина Ивановна уже через меру предалась своей горести и никакие убеждения не могли ослабить эту печаль матеряного сердца. От этого вначале появилось лихорадочное состояние, затем начала увеличиваться опухоль груди, сопровождаемая сильной болью; образовалось несколько нарывов, которые прорвались и отделяют значительное количество материи.

При постоянной лихорадке кормление малолетки сильно беспокоило и значительно ослабляло Екатерину Ивановну, потому в настоящее время вроде кормилицы взята жена Мартына Красовского, как здоровая женщина и способная к этой обязанности. Из этого Геннадий Иванович, Вы можете усмотреть, что состояние здоровья Вашей супруги не очень утешительно: опухоль груди еще весьма значительна, в ней находится около пяти отверстий, через которые отделяется материя в настоящее время довольно умеренно; общая слабость; при этом появился кашель, который усиливает боль в страждущей половине, так как грудь приходит в сотрясение во время приступа; недостаток аппетита, сухость во рту и жажда — вообще лихорадочное состояние: вот общий очерк болезни Екатерины Ивановны». Под письмом стояли подпись доктора и дата — 7 июня.

Невельской бросил все и на байдарке буквально летел в Петровское — он очень боялся за жену. К счастью, все обошлось: «Жену я застал едва оправившейся от этой потери и тяжелой болезни. Тяжело было нам, родителям, видеть могилу нашей малютки на пустынной Петровской кошке! Тяжко было испытание это нам, и без того отрезанным пустыней от всего света, но, что делать, — это жертва, тяжкая для нас, была данью исполнения долга, направленного к благу Отечества».

Тяжелое бремя Екатерины Ивановны в эти мрачные и черные дни разделяли, кто как мог: Орлов, Бачманов, Вениаминов с супругами, да доктор Евгений Орлов не оставлял ее одну. К счастью, в Петровское с первым компанейским судном из Аяна прибыл любимый братец Николай, которого Катя видела редко и помалу.

Беда не приходит одна. Сначала Владимир Николаевич, а затем и Николай Матвеевич сообщили о несчастье, случившемся со вторым мужем Марии Николаевны — матери Екатерины Ивановны — он

заболел душевным расстройством. Затем пришло печальное известие из Курска о смерти Владимира Николаевича Зарина, в какой-то мере заменившего Кате, Саше, Вере и Николаю рано умершего отца. Но то было все-таки далеко, да и годы у них были уже почтенные, а тут...

Так уж получилось, что в связи с военным положением на первом плане на Дальнем Востоке выдвигались Камчатка, устье Амура, а также побережье Татарского пролива от лимана к югу до Императорской гавани. Петровское оставалось в стороне от активных действий. Особенно это ощущалось летом 1854 года. Вот и сейчас, несмотря на тяжелые для семьи дни, обстановка требовала того, чтобы Невельской находился в Николаевске или в Мариинском посту. Из Петровского управлять экспедицией и всеми прибывшими и прибывающими войсками на устье Амура становилось невозможным. К этим соображениям прибавился опыт прожитых там лет, когда во время штормов кошку затопляло, а зимой заносило дома до крыши. Невельской доложил свои соображения на сей счет Муравьеву. Он предлагал разместить центральный штаб в Николаевске-на-Амуре, а Петровское сохранить в качестве передового поста экспедиции со стороны Охотского моря и перевалочного пункта для судов, следующих из Аяна и Петропавловска на Амур.

Едва выехав в Николаевск, Невельской узнал, что шхуна «Восток», на которой находился генерал-губернатор, направилась через лиман прямо в Петровское. Ему срочно пришлось возвращаться назад. Шхуна появилась на рейде рано утром 2 июля. Встречали генерал-губернатора салютом из четырех пушек с «Охотска». Чрезвычайное происшествие омрачило вступление Муравьева на Петровскую землю. На шхуне «Восток» из Императорской гавани прибыл измученный трагической зимовкой лейтенант Бошняк с постоянными спутниками во всех его путешествиях казаками Киrom Белохвостовым и Семеном Парфентьевым. Не дожидаясь, когда рассеется густой туман, они втроем рискнули на байдарке добраться до Петровского. Не суждено было казакам повидать своих товарищей: байдарку буруном перевернуло и всех потащило вглубь залива. Парфентьев и Белохвостов плавать не умели, они вскоре исчезли в волнах. А Бошняку удалось выбраться на берег. Долго смотрел он на воду, бегал вдоль берега, надеясь, что свершится чудо, и верных его помощников, которые с разрешения Муравьева ехали вместе с ним в отпуск, выкинет бурун. Но чуда не произошло. После грустной встречи с Екатериной Ивановной и друзьями Бошняк ожидал оказии в Аян, чтобы целый год затем не видеть

Дальнего Востока, гостить в родных и дорогих местах — Нерехте, Костроме, Дорожаеве, Никольском и, конечно, в своем Ушакове.

Когда Николай Николаевич Муравьев появился в доме Невельских, то он, в нарушение этикета, крепко расцеловал хозяйку Петровского. Генерал-губернатор в присутствии всех офицеров произнес длинную речь, в которой искренне восхищался ее мужеством и стойкостью.

Из Николаевска на пароходе «Аргунь» со сплавом прибыли М. С. Корсаков и П. В. Казакевич. Это был первый пароход, прошедший по всему Амуру от Усть-Стрелки до Николаевска-на-Амуре. С момента этого плавания «Аргуни» началась история Амурского речного пароходства. Первым распоряжением Муравьева был приказ отправить в Аян шхуну «Восток», на которой находились Бошняк и Корсаков, везший бумаги в Иркутск и далее в Петербург. Сам же Муравьев в сопровождении Невельского, Казакевича и своей свиты верхом поехал в Николаевск. Таким образом, вопрос о переносе «столицы» Амурской экспедиции из Петровского в Николаевск решился сам собой.

После прибытия 7 июля 1854 года в Николаевск-на-Амуре, генерал-губернатор осмотрел ведущееся здесь строительство и остался всем доволен. Он хвалил А. И. Петрова, оставшегося начальником поста вместо уехавшего Бошняка. Невельской разрешил желающим строиться, обзаводиться собственными домами и огородами. Петров одним из первых выстроил себе дом, поставил дома лейтенант М. Бирилев, поручик А. Воронин на паях со штурманом Л. Поповым. Петров возвел и отдельный дом для семейства Невельских. К осени этого года в Николаевске насчитывалось уже двадцать две постройки, в числе которых имелись девять жилых домов для офицеров и команд, магазин для провианта, лазарет, кухня, часовня и мастерская. Сооружался также большой по местным масштабам дом для ученых Академии наук (Л. И. Шренка, В. С. Поливанова и М. Фурмана), которые прибыли сюда для исследовательских работ из Кронштадта на фрегате «Диана».

В эти же дни состоялась вторая встреча Муравьева и Путятина, на которой обсуждалась оборона Дальнего Востока. По распоряжению Путятина сняли Муравьевский пост на Сахалине, строения которого перевезли в Императорскую гавань. Здесьшний Константиновский пост также был снят. Фрегат «Палладу» долго пытались ввести в устье Амура в Николаевск, но сделать этого так и не удалось. Тогда было решено, предварительно разоружив фрегат, оставить зимовать его в бухте Постовой возле Константиновского поста

в Императорской гавани под наблюдением нескольких матросов и казаков под командованием поручика корпуса флотских штурманов Дмитрия Семеновича Кузнецова.

Этой же осенью были приняты важные решения, судьбоносные для Приамурья. Пришедшее со сплавом подкрепление частью отправили в Петропавловск, частью оставили в Мариинском посту. Считалось, что, не найдя путей в лиман и устье Амура, неприятельские корабли (они не знали Южного хода) будут искать русских по всему побережью и, естественно, в первую очередь в Петропавловске, Аяне и в Александровском посту (в заливе Чихачева). От последнего до Мариинского было рукой подать. В Николаевск из Аяна прибыла шхуна «Восток». Этим немедленно воспользовался Муравьев и на ней перешел в Петровское, где провел несколько суток в обществе Невельских. Геннадий Иванович получил от него наставления, кажется, на все случаи жизни. Как раз в эти же дни Невельского ожидал очень приятный сюрприз. Его любимый «Байкал» под командованием Никиты Ильича Шарыпова впервые прошел из Японского моря в Охотское по лиману Амура под парусами. Сам Муравьев обнял и расцеловал скромного, но опытного капитана. Через пару дней на «Байкале» Муравьев ушел в Аян. Воину Андреевичу Римскому-Корсакову он приказал идти в Петропавловск на «Востоке» и доставить туда срочные депеши камчатскому военному губернатору В. С. Завойко. Затем, вернувшись в Петровское, перевезти поселенцев во главе с семьей Невельских в Николаевск. В Петровском оставался небольшой караул во главе с Дмитрием Ивановичем Орловым, при котором находилась и его семья.

В Смоленском областном архиве мне удалось обнаружить письмо Екатерины Ивановны Невельской своему дяде Николаю Матвеевичу Ельчанинову, которое она отправила с «Байкалом» 15 августа 1854 года. В нем кроме приветов и слов благодарности за все сделанное для нее и брата Николая она сообщает о планах на будущий год, когда должен был закончиться пятилетний срок службы Геннадия Ивановича в этих местах. За нее ему полагалась пенсия в тысячу рублей серебром ежегодно, и «мы надеемся, обеспечив себя таким образом, выехать летом, если не навсегда из этого отдаленного края, то по крайней мере в отпуск на целый год, чтобы повидаться со всеми нашими родными, и потому я надеюсь иметь случай на будущий год свидеться с Вами, почтенный и добрый дядюшка, и познакомиться поближе с милой кузиной моей, которую до тех пор я крепко целую»⁹.

После ухода «Байкала» и «Востока» в Петровском активно начали готовиться к перебазированию в Николаевск, подготовились полностью и ждали к концу августа возвращения «Востока» из Петропавловска. Но когда прошли все сроки, стало ясно, что со шхуной что-то произошло. Время шло к осени, самому опасному периоду для плавания. Невельской решил перебраться в Николаевск своими средствами, поручив всю сложную операцию А. В. Бачманову. Семье Невельских выделили шлюпку и вельбот, прочие громоздкие вещи и мебель переправляли на баркасах. Путь им предстоял нелегкий и неблизкий. Нужно было пройти по Сахалинскому заливу до лимана, затем обогнуть высокий левый входной мыс Табах, это уже в лимане, где на мелководье всегда поднимается высокая и крутая волна. И только потом, выйдя в устье Амура, можно было подняться по нему до Николаевска. Отправившись из Петровского 28 августа, Невельские только к вечеру 1 сентября оказались в Николаевске.

Не обошлось без приключений, в которых Екатерина Ивановна была, как всегда, на высоте положения. Случилось это в лимане. На пологой волне в Сахалинском заливе шлюпки, подгоняемые попутным ветром, благополучно продвигались вдоль берега, давая возможность пассажирам любоваться берегом и ласковым морем. Но как только стали входить в лиман, особенно в те места, где уже чувствуется амурское течение, так сразу началось сильная непредсказуемая качка. Ветер наступал порывами, шквалами с разных направлений; шлюпки креноло, заливало водой, разворачивало; на них перестали пользоваться парусом, налегая на весла.

Наступило время принятия решения, ибо шлюпки зачерпнули столько воды, что при сильном ветре могли перевернуться. И Невельской распорядился немедленно идти к берегу, к видневшемуся недалеко селению Пуир. Опытные матросы навалились на весла и сумели благополучно дотянуть до берега. Вскоре путешественники оказались у гостеприимных местных жителей, где обсушились, обогрелись и хорошо отдохнули до утра. При сборе и осмотре вещей выяснилось, что многие из них, а главное документы и деньги — сто тысяч рублей ассигнациями, оставленные Муравьевым на нужды экспедиции, оказались основательно подмочены. Пришлось все срочно раскладывать, развешивать для просушки, перебирать каждую бумажку. На все это ушло двое суток. Вот так и получилось, что лишь к вечеру 1 сентября удалось добраться до

Николаевска, где их с тревогой ожидал Петров, уже собиравшийся выходить навстречу.

Исполнительный А. И. Петров сильно переживал о том, что не сумел к их приезду завершить строительство дома: очень много у него появилось забот и обязанностей. Население все прибывало, только один экипаж фрегата «Паллада» насчитывал 380 человек. Всех их надо было разместить. С прибытием Невельского Петрову стало значительно легче. Поначалу Невельские разместились у начальника поста, то есть у Петрова, отстроившего собственный дом. В середине сентября домик Невельских был готов, и семья с радостью встретила новоселье. Это был второй дом на Амуре, который пришлось обживать Екатерине Ивановне. С радостью помогали ей женщины, в частности Елизавета Осиповна Бачманова, раньше переехавшая в Николаевск.

От В. А. Римского-Корсакова, ушедшего на шхуне «Восток» на Камчатку, вестей все еще не было. Только в конце октября он появился в Николаевске и сообщил известия чрезвычайной важности. «Восток» появился, как рассказал командир, у входа в Авачинскую губу как раз в то время, когда там находилась англо-французская эскадра. Узнал он об этом от командира бота № 1 Харитона Ивановича Новогрabenного, на счастье встреченного на подходе к Авачинской губе. Ничуть не сомневаясь в храбрости Римского-Корсакова, его офицеров и команды, нельзя не восхищаться их дисциплинированности и верности долгу. Ему было приказано любым путем передать срочные правительственные депеши (от Муравьева) губернатору Камчатки. Ввязавшись же в бой с превосходящими силами противника, Римский-Корсаков namного осложнил бы исполнение порученной ему миссии, а при определенных обстоятельствах мог вообще не выполнить задания.

Поэтому командир «Востока» немедленно развернулся и под берегом полным ходом пошел на юг, обогнул Камчатку, прийдя к Большерецку. Отсюда сухим путем специальным нарочным он переправил депеши в Петропавловск, лично В. С. Завойко. От него получил известие о славной победе, одержанной защитниками гарнизона Петропавловска над англо-французами. С такой приятной вестью с разрешения Завойко он вернулся в Петровское, где оставил шхуну, а сам направился в Николаевск. Радость эту Невельской сообщил всем офицерам и нижним чинам, построив 22 октября гарнизон на площадке у флагаштока. После прочтения текста донесения был отслужен молебен,

команда трижды прокричала «Ура!» во славу русского воинства, добившегося победы на далекой Камчатке над превосходящим неприятелем.

Но случилось так, что после победы в Петропавловском сражении отношения между Муравьевым и Невельским обострились. Они и раньше имели разные точки зрения на оборону Дальнего Востока. Муравьев все свои помыслы обращал на Камчатку, имея в виду, конечно, и Русскую Америку. Невельской рассуждал более узко, полагая, что следует все внимание сконцентрировать исключительно на защите Амура. Он любил повторять, что Камчатка без Амура — мыльный пузырь. Невельской мечтал о том, что русские обретут покой на Амуре, найдут путь к южным гаваням, вернут влияние на Сахалине. Тогда Невельской победил, так как его поддерживал великий князь Константин. К сожалению, осуществление всех планов Невельского имело печальные последствия для страны — утрату Русской Америки, не говоря уже о его личной судьбе... Но об этом чуть позже.

Осенью и зимой 1854—1855 годов забот у Невельского стало так много, что задачи Амурской экспедиции по исследованию края вытеснили повседневные заботы, связанные с обороной Дальнего Востока. Екатерина Ивановна тоже была вся в хлопотах. Жена начальника экспедиции сумела поставить дело так, что офицеры чаще собирались у нее, чем у немногих других дам Николаевска. В домик Невельских с «Паллады» привезли фортепьяно, здесь танцевали, пели, ставили спектакли. Иногда и сам Геннадий Иванович лихо отплясывал кадрили. Радостно было Екатерине Ивановне, когда она от всего сердца поздравила мужа с производством в контр-адмиралы. Целый день в дом с поздравлениями приходили старые соратники Геннадия Ивановича, офицеры с «Паллады», нижние чины, члены их семей. Рад производству был и сам Невельской. Он искренне благодарил Н. Н. Муравьева, которому послал очень теплое письмо. Благодарил он и великого князя Константина, без внимания которого вряд ли было возможно, при всех трудностях в Амурской экспедиции и своеволии ее начальника, такое быстрое продвижение в чинах. Указ, подписанный еще в то время, когда Невельские перебирались из Петровского в Николаевск (25 августа 1854 года), дошел до Николаевска лишь в январе 1855 года. Отметим это известие достойно.

К весне ждали прибытия Петропавловского гарнизона во главе с камчатским губернатором В. С. Завойко. Наверное, Невельской понимал, что ему скоро придется уезжать с Амура, возможно на

длительный срок. Не могли же две власти сосуществовать в одном месте! Мы видели из письма Екатерины Ивановны, что Невельские собирались на год уехать в отпуск. К тому же в Николаевске ожидался и Путятин. Николаевский пост должен был всех встретить и разместить. В зиму с 1854 на 1855 год тут скопилось 820 человек, в Маринском — 150, да в Петровском — еще 15, там же на рейде зимовала шхуна «Восток».

И все-таки на зиму удалось разместить всех. Николаевск превратился в городок. Невельской рассказал обо всем этом так: «Несмотря на все, наше общество не скучало: пошли домашние спектакли, маскарады и танцы, фейерверки и иллюминации, катанье на собаках и пикники в Петровском. Для развлечения команды устраивались горы, пляски и тому подобное. Всё и всех оживляли единственные тогда дамы: жена моя и Е. О. Бачманова; оне были душою всех развлечений, столь необходимых в такой пустыне, отрезанной от всего цивилизованного мира. Туземцы с нами освоились, завелись постоянные базары, рыбы и дичи доставлялось туземцами достаточно и с охотой; в предметах же, необходимых для более или менее цивилизованных людей, как-то: сахара, чая, кофе и прочего... недостатка не было. Медикаментов... было вдоволь; теплой одежды для команды фрегата и экспедиции — тоже. Свежая пища, по возможности просторное помещение и заботливость господ офицеров о сохранении здоровья людей и об их развлечениях, несмотря на сырые здания, сооружавшиеся прямо с корня, усиленные работы и различные, весьма неблагоприятные климатические условия... сделали то, что зимовка прошла весьма благополучно, мы можно сказать, блистательно победили лютого и неизбежного в пустыне врага»¹⁰.

Подробности жителя-бытья на Амуре и совсем неизвестного случая, относящегося к Екатерине Ивановне Невельской, о котором та и не знала, мне удалось обнаружить в письме Николая Ельчанинова в Смоленск к дяде Николаю Матвеевичу Ельчанинову, датированном 17 февраля 1855 года, и в дневниковой записи В. А. Римского-Корсакова от 19 февраля 1855 года. Брат Екатерины Ивановны, в частности, сообщал: «Я уже Вам писал, что мы живем все в Николаевском посту, который по числу жителей, состоящих из офицеров и солдат, может называться уездным городом; общество офицеров состоит большею частью из молодых людей, что немало способствовало провести зиму очень весело и приятно, если только можно ожидать веселья в таких отдаленных странах, лишенных всякого сообщения с остальным миром, и окруженною дикарями, очень непривлекательными...

Итак, вот как мы провели зиму. Устроили театр, на котором мы дали четыре представления из комедии Гоголя, и надо Вам сказать, что против ожидания все вышло чрезвычайно удачно, и даже проблеснуло несколько довольно замечательных талантов; сверх того у Геннадия Ивановича было в продолжение зимнего сезона до Великого поста до шести танцевальных вечеров, на которых публика, танцую под балалайки и несчастную скрипку, плясала от души, хотя дам на оных были всего две, сестра и madame Бачманова, жена помощника Геннадия Ивановича. Несмотря на это, было очень оживленно и раньше трех часов не расходились; на святках был даже маскарад, и могу Вам похвастать, что на берегах Амура, едва известных в образованном мире, явились в зале костюмы, которые бы не испортили никакого маскарада в Европе; впрочем это не удивительно, потому что в Николаевском есть магазин Российско-Американской компании, в котором можно найти самые изящные товары, так что с этой стороны Николаевское может превосходить многие губернские города в России; на масленице были устроены горы, на которых катались обыкновенно до 200 человек; так что было очень оживленно и даже заставляло забывать, что мы живем в пустыне.

Теперь настал Великий пост и все стихло, и слышен только звон колокола, призывающего исповедников в небольшую церковь, пристроенную на время к казармам. Скоро весна, и все закипит деятельностью и жизнью: постройка батарей, плавание по Амуру в ожидании неприятеля, который так неудачно заглянул прошлое лето в Петропавловск, из которого ушел с большим уроном, но Вы вероятно уже читали об этом в газетах. Сестра моя, слава Богу, здорова и моя малютка племянница Олинька делается с каждым днем милее и забавнее»¹¹.

Очень хочется привести еще одну выдержку из документа. Воин Андреевич Римский-Корсаков, шхуна которого зимовала в Петровском, сам часто и по несколько дней проводил в Николаевском, и каждый раз первым делом бывал у Невельских. Так, и на этот раз он появился у них в феврале, а в результате этого визита появилось его признание, которое он излил в письме родителям 19 февраля того же года. Он писал, что приехал сюда на праздник, чтобы «рассеяться и посмотреть своих знакомых». А дальше сообщил: «Что делать! Пожалейте меня, говоря шуточно, а говоря серьезно, повезло: не знаю, за что ниспослано на меня Божье наказание, не знаю, испугает ли вас мое признание, посмеетесь ли вы над ним, но уж не сетуйте на меня за то, что я, волею судеб принужденный к молчанию, имею потребность высказаться, да и перед кем же мне высказаться, как не перед вами? Дело коротко и ясно: я на

тридцать третьем году от роду имею несчастье быть в первый раз влюбленным. Это бы еще ничего, но в том-то и беда, что любовь моя пала на замужнюю женщину, на жену моего доброго приятеля, который радушно меня принимал, вовлек меня, сам того не подозревая, в частые свидания со своей барыней, а затем я что ли виноват, что К. И. Невельская так хороша собой, так грациозна, так любезна?! Разумеется, я недаром же прожил тридцать три года на свете и надеюсь, что с помощью Божьей удастся переломить себя и выкинуть из головы такой нелепый бред, и подавить в сердце безрассудное и уродливое чувство, но без страданий дело не обойдется, и я, преодолевая себя, вижу, что я не способен теперь и долго еще не буду способен ни к какому занятию. Смутное беспокойство и упадок энергии — вот что царствует теперь в моей душе. Пожалейте же меня и помолитесь!»¹²

Надо сказать, что суровый и великодушный Римский-Корсаков, тайно и нежно влюбленный в Екатерину Ивановну Невельскую, никому больше не открылся в своих чувствах. И мы узнали о них совсем недавно, когда большая часть его архива была разобрана Б. П. Полевым и им же опубликована. Разумеется, Невельские не могли и догадываться об этом.

Возвращаясь к описанию жизни в Николаевске и вообще на устье Амура, надо сказать, что предсказания Н. И. Ельчанинова сбылись. Пришла весна, в порту и на постах все закипело. Из заготовленных зимой бревен строились дома, по всем правилам военного искусства возводились батареи и даже была построена первая на Амуре шхуна-баржа «Лиман», которую матросы прозвали «Бабушкой». Все было направлено на то, чтобы достойно встретить неприятеля, который, как стало известно Невельскому из сообщения Муравьева и собственных предположений, обязательно будет искать боевых встреч с русскими кораблями, которым было предписано ранней весной, по возможности как можно раньше покинуть Авачинскую губу и уйти к устью Амура.

И вот стало известно, что 5 мая 1855 года Петропавловская эскадра в составе корвета «Оливуца», фрегата «Аврора», транспортов «Байкал», «Иртыш», «Двина» и ботов «Кадьяк» и № 1 благополучно пришла в залив Де-Кастри. Для этого пришлось пропиливать во льду Авачинской губы каналы, по которым В. С. Завойко сумел скрытно, «под носом» у неприятельских кораблей, провести русскую эскадру под берегом Камчатки и дальше — до залива Де-Кастри. Когда сошел лед, и неприятель появился в Авачинской губе, он не обнаружил там ни кораблей, ни гарнизона. В Петропавловске остался всего-навсего маленький гражданский

административный аппарат. Англо-французская эскадра рыскала по дальневосточным морям в поисках русских кораблей. Она ходила вдоль побережья Охотского моря, заглянула в Аян. Обнаружив бриг «Охотск» в Сахалинском заливе, неприятели преследовали его, желая привести на буксире хоть какой-нибудь трофей, но команда затопила бриг, а сама сошла на берег при входе с севера в лиман Амура.

В октябре враги пришли в Де-Кастри, обстреляли его, высаживали десант, пытаясь овладеть постом. Но все оказалось безуспешным: сначала местный гарнизон сдержал натиск, а затем из Мариинского поста прибыло подкрепление. Невельской и Ельчанинов участвовали в этих событиях. В результате неприятельская эскадра ушла в неизвестном направлении. Всем ясно было, что весной она появится снова.

Тем временем, в связи с образованием административного управления с центром в Николаевске, готовилось расформирование Амурской экспедиции, личный состав которой переходил в подчинение камчатского военного губернатора, то есть В. С. Завойко. Муравьев предложил Невельскому должность начальника штаба при главнокомандующем всеми морскими и сухопутными силами, сосредоточенными в Приамурье, то есть при нем самом. Действительно, как я уже говорил, Амурская экспедиция выполнила свою основную задачу, и Невельской давно рассчитывал на заслуженный годовой отпуск.

В одном из писем этого времени он делится своими открытиями с М. С. Корсаковым: «Итак, все хорошо, но болезнь жены меня сокрушает (Екатерина Ивановна летом 1855 года ждала еще одного ребенка. — А. А.). После смерти Кати, когда жена испугалась, с нею делаются истерические припадки... Ей нужно уехать хотя бы на год... Если он (Муравьев. — А. А.) найдет возможность — если это будет так, то откровенно Вам скажу, — этим дали бы и мне отдохнуть немножко и увидеть свою старуху-матушку; будет уже пять лет, как я не видел старуху»¹³.

А тем временем второй сплав по Амуру, подготовленный стараниями Муравьева, Корсакова и Назимова, состоявший из трех отрядов, благополучно шел к устью Амура. С ним помимо войск и боеприпасов шла научная экспедиция Сибирского отдела Императорского Русского Географического общества под руководством Р. К. Маака. При участии астронома Д. П. Рашкова и топографа новые поселенцы после полуторавекового перерыва основали русские селения на левом берегу Амура: Иркутское, Богородское, Михайловское, Ново-Михайловское, Сергиевское, Воскресенское.

С прибытием сплава подошло и предписание, согласно которому Амурская экспедиция расформировывалась и заменялась Управлением камчатского военного губернатора с местопребыванием в Николаевске-на-Амуре. Сразу все стало на свои места. Не дожидаясь прибытия В. С. Завойко, Невельской (мы помним об особых отношениях, сложившихся между ними) сдал дела по экспедиции своему заместителю А. В. Бачманову и перебрался с семьей в Мариинское, которое было выбрано главным местом пребывания русских войск в Приамурье. Он считал, что двух комнат, которые до него занимал полковник Назимов, его семье хватит, так как в ближайшем времени надеялся выбраться отсюда по Амуру в Иркутск и дальше — к родным местам и в Петербург.

По новой должности особых дел у Невельского пока не было, и он использовал время для того, чтобы составить подробный отчет о работе Амурской экспедиции за все истекшие годы. Готовый документ он представил Н. Н. Муравьеву. Я читал его. Он удивляет своей лаконичностью, блестящей характеристикой сподвижников Невельского и сообщением о небывало малых средствах, потраченных на содержание экспедиции.

Наверное, Невельские не стали бы задерживаться даже и на такое короткое время в Мариинском, если бы не беременность Екатерины Ивановны. 8 августа 1855 года, там, в Мариинском, у Невельских родилась дочь, которую назвали Марией. Екатерина Николаевна и Николай Николаевич Муравьевы стали крестными родителями малышки и искренне поздравили Невельских с прибавлением семейства, пожелали им доброго здоровья и счастливого возвращения в родные края. Тем более, что первоначально намечалось, что Муравьевы, а также семьи Завойко и Невельских отправятся из Николаевска вместе, пользуясь присутствием здесь американского парохода «Пальместо», на котором они собирались добраться до Аяна.

Но все получилось совсем не так. Многочисленные семьи Невельских и Завойко не сумели быстро собраться в дальнейшее путешествие, а Муравьев торопился в Иркутск. Сыграло свою роль и то обстоятельство, что шхуна «Восток», недавно пришедшая, собиралась в скором времени также отправиться в Аян — и сразу из Мариинского. Это было очень удобно. Новость эта успокоила обоих контр-адмиралов и их супруг, все стали потихоньку и основательно готовиться к отправлению.

Однако уже через некоторое время выяснилось, что шхуна не может идти в плавание и вынуждена остаться в Мариинском на зимовку. Ничего не оставалось делать, как проводить еще одну зиму на Амуре.

Невельской оставался в Мариинском фактически как частное лицо (никаких военных действий в это время не велось и дело шло к перемирию), а Завойко по-прежнему оставался военным губернатором в Николаевске-на-Амуре. Если Невельской явно тяготился таким бездельем и поначалу просто не знал, как себя вести, то Екатерина Ивановна была явно довольна, что муж не будет никуда уезжать, и что они спокойно проведут зиму вместе. Когда Муравьев узнал о произошедшем, он уже из Аяна написал полковнику Александру Николаевичу Сесавину, начальнику сухопутных войск в Мариинске, чтобы тот ни в коем случае не обременял Невельского никакими распоряжениями, чтобы Невельские были в эту зиму лишь гостями и частными лицами.

Кроме одного-двух письменных свидетельств (Н. Ельчанинова и В. Войнит) да официальных документов, больше не сохранилось подсобных материалов о том, как прошла эта зима. Но и эти бумаги осязательно доносят до нас ту атмосферу, в которой прошла последняя зимовка. Невельской не смирился с положением гостя, в дела он все-таки вмешивался, характер был не таков, чтоб сидеть сложа руки. Тем более, что и в Мариинском, и в Александровском постах, не говоря уже о Николаевске, усердно возводились укрепления, шли разные обсуждения, строились планы обороны устья Амура. Невельской никак не мог пройти мимо этого. Летом ожидалось нападение врага — англо-французов, которые, конечно, попытаются взять реванш. Но ходили также слухи из разных частных писем и неофициальных сообщений о том, что к весне следует ждать заключения перемирия и, возможно, мира.

А зимой произошел случай, когда Геннадий Иванович напрямую вмешался в распоряжение военного губернатора В. С. Завойко и даже приостановил его исполнение. Дело было так. Читатель помнит, что фрегат «Паллада» был отведен в Императорскую гавань на зимовку, после того как его из-за большой осадки не удалось ввести в Николаевск. Для охраны корабля был выставлен пост под начальством поручика корпуса флотских штурманов Дмитрия Семеновича Кузнецова. Ему было приказано в случае появления в заливе англо-французской эскадры не допустить пленения фрегата (с которого сняли все вооружение, а значительную часть такелажа и снаряжения оставили в лимане) и в случае крайней нужды затопить его остов. Поэтому команда поста поддерживала «Палладу» в постоянной готовности к возможному затоплению, не давая ей вмерзнуть в лед, окалывала ее со всех сторон.

Невельских навестил их старый друг, мичман Григорий Данилович Разградский, который рассказал, что он послан с приказанием

Завойко в Императорскую гавань немедленно затопить «Палладу», а команду поста снять. Невельской задержал Разградского в Мариинском, отправив к Завойко нарочного с письмом, в котором просил отменить распоряжение, так как он в настоящее время не видел никакой необходимости в уничтожении фрегата. Это было можно сделать в любое время, а пока Разградский пусть подтвердит Кузнецову его полномочия, и что, наконец, вполне возможно, что весной наступит мир, и в уничтожении фрегата вообще отпадет всякая нужда.

Завойко ответил, что это не его распоряжение, а приказ свыше, и что он настаивает на его немедленном исполнении. Разградскому ничего не оставалось делать, как отправиться в свой дальний путь и выполнить приказание. 17 января 1856 года, как свидетельствует в своих записках А. И. Петров, остов «Палладь» был затоплен в бухте Постовой напротив бывшего Константиновского поста в Императорской гавани. Мне часто и подолгу приходилось бывать там, вглядываясь с борта катера в темные воды и представлять, что совсем рядом, подо мной, лежит свидетель славной русской военно-морской истории, воспитаный А. И. Гончаровым фрегат «Паллада». Первым командиром этого корабля был знаменитый Павел Степанович Нахимов. Ныне в бухте Постовой напротив останков фрегата установлен памятник. Другой памятник, который хранит память о той далекой истории — первооткрывателю гавани и первому начальнику поста лейтенанту Н. К. Бошняку — воздвигнут на берегу бухты в городе Советская Гавань.

В остальном зимовка проходила вполне благополучно. По свидетельству того же Николая Ельчанинова, обыватели беспечно танцевали, катались на лошадях, собаках, с гор на санях и лыжах, кутили, устраивали маскарады, вечера — одним словом, молодежь развлекалась, как могла. Это оказалось возможным еще и потому, что на сей раз благодаря сплавам и американским купцам посты были снабжены не только всем необходимым, но в достаточном количестве и на любой вкус. Невельским же было не до танцев и развлечений: часто болели девочки-малютки, а к весне у Екатерины Ивановны появились признаки цинги. Надо было торопиться с отъездом.

Надежды на него Невельские связывали с очередным сплавом. Но когда стало ясно, что ожидание может затянуться, они решили подняться на большой лодке вверх по Амуру до Сретенска, недалеко от которого находился Иркутск. Казалось, что таким путем можно будет не только ускорить отъезд и возвращение в Иркутск, но и избежать морского путешествия до Аяна, а оттуда — страшною пути через горы

до Якутска и плавания по Лене. Этот маршрут очень пугал Екатерину Ивановну, за нее боялся и Геннадий Иванович. Поэтому был избран первый вариант: на лодке вверх по Амуру. Радовало и то, что брат Екатерины Ивановны, произведенный за отличие в лейтенанты, получил отпуск и также отправлялся с ними.

9 мая, едва сошел лед, удобно обставив дощаник, Невельские отправились в путь. Таким же образом решил возвращаться и В. С. Завойко со своими многочисленными домочадцами. Разумеется, оба семейства находились на разных дощаниках. Все шло благополучно. Молодой лейтенант отлично управлялся с плаванием, а Невельские любовались разлившимся Амуром, островками, на которых как из воды торчали деревья и кустарники, причудливыми изгибами берегов, красивыми протоками, повисающими в небе высокими вершинами хребтов. Они не на минуту не прекращали разговоров о том, как будут устраивать свою жизнь в Европе, еще не зная, где им предстоит осваивать новое жилище. Подсознательно они чувствовали, что навсегда расстанутся с Амуром. Время открытий и первоначального освоения закончилось. Теперь на Амуре требовались другие люди, и они пришли. Невельской знал, что и Завойко уходит навсегда, а на его место представлен бывший его, Невельского, старший помощник на «Байкале», а ныне офицер по особым поручениям при генерал-губернаторе Восточной Сибири Н. Н. Муравьеве, Петр Васильевич Казакевич. Не знал он лишь того, что предложат ему в столице: если должность, то жить они будут в Петербурге, если же отставку, то поедут либо в Кинешму, либо в Солигалич. Было над чем подумать. Так Невельские и коротали время на большой лодке, забывая о своих заботах и думах только тогда, когда этого настойчиво требовали дочка Оля и малютка Машенька.

Так продолжалось почти месяц, до 6 июня. По Амуру прошли, если считать от Мариинского поста, шестьсот верст. В этот день показала баржа головного отряда сплава. На ней находился командир отряда Николай Матвеевич Чихачев — бывший активный сотрудник Амурской экспедиции, а ныне чиновник по особым поручениям при Муравьеве. Он вез весьма важные известия. Во-первых, между Россией, Англией и Францией заключен мир. Во-вторых, Невельские узнали о трудностях дальнейшего плавания ввиду отсутствия пароходов: ожидавшаяся «Шилка», которая по договоренности должна была пойти им навстречу из Сретенска, не выйдет, а точнее — навряд ли выйдет. В-третьих, течение у мысов и в щелях Хингана оказалось настолько сильным, что навряд ли позволит дощанику подняться вверх по реке.

Наконец, было совершенно не ясно, как повлияет заключение мира на дальнейшие русско-китайские отношения.

Осталось неизвестным, совместно ли принимали решение два контр-адмирала, но мы совершенно точно знаем, что они оба с семьями возвратились на устье Амура, в Николаевск. Невельской сильно нервничал, так как не имел возможности отправиться вокруг света из-за отсутствия денег. Завойко же с семьей из десяти человек просто боялся пуститься в такое рискованное путешествие. Офицерам было легче: их, в том числе и Н. Ельчанинова, взяли на корвет «Оливуца», где командовал В. А. Римский-Корсаков. Семьям Невельского и Завойко пришлось ожидать оказии в Аяне, чтобы оттуда начать весь путь сначала. Оставаться еще на зимовку без жалования и без всяких дел было невозможно.

Короче говоря, в начале июля обе семьи оказались в Аяне. Они воспользовались зашедшим транспортом «Иртыш» и устроили так, чтобы тот завез их в Аян. В начале августа длинные выючные караваны вышли в путь по Аянскому тракту. Снова Екатерина Ивановна качалась в креслах-седлах, а малютки были устроены в специальных люльках-корзинках, пристегнутых к бокам лошади. Аянский тракт, недавно проложенный и гораздо лучше обслуживаемый, оказался не таким ужасным, каким был когда-то Охотский для молодой Кати Невельской. Поэтому караван благополучно пришел в Якутск, преодолев плавание по системам рек от Юдомского Креста до Лены. Там немного отдохнули, и вот уже лодки Невельских спускаются по Лене. А в середине сентября они прибыли в долгожданный Иркутск.

Впрочем, ныне он уже не был таким долгожданным: из родных здесь не было никого, оставалась лишь память, да некоторые знакомые. Для Невельских лучше было бы скорее попасть в Красноярск, где их ждала родная сестра Екатерины Ивановны Саша Мазарович. Остановка в Иркутске оказалась официальной, ее использовали для оформления документов, подорожных грамот и отдыха, двух-трех официальных визитов и стольких же встреч с оставшимися знакомыми. Семья торопилась в Красноярск, где муж Саши Иван Семенович Мазарович командовал казачьим Красноярским полком.

Недолг был путь от Иркутска до Красноярска. Наконец-то произошла встреча сестер — Кати, Саши и Веры. Вера готовилась выйти замуж за Петра Васильевича Зиновьева, владельца приисков в Сибири, выходца из интеллигентной московской семьи. Свадьба должна была состояться в Красноярске по приезду туда Невельских. Так оно и

случилось. Все заботы о приданом и обо всем остальном взяла на себя, естественно, Саша. К приезду Кати оставалось только обвенчаться и сыграть свадьбу.

Свадьба состоялась, но без Геннадия Ивановича. Дело в том, что на семейном совете решили оставить Екатерину Ивановну и малышей в Красноярске до установления зимника (зимнего пути). Да и сама она очень устала, и в письме к дяде просто удивлялась, как ее малютки могли перенести все то, что они встретили на трудном и длительном пути. К тому же, зимой Мазаровичи могли сопровождать Екатерину Ивановну, так как тоже ехали в Москву. Геннадий Иванович обязан был по службе прибыть в Петербург, представиться начальству, предъявить ему отчеты и получить новое назначение. Там должна была решиться его дальнейшая судьба.

Нет у нас сведений о том, как жила Екатерина Ивановна у сестры в Красноярске, можно лишь предполагать, что все было хорошо. Осенью все засобирались в Москву, откуда после кратковременного пребывания Екатерина Ивановна должна была поехать в Кинешму, где и дожидаться приезда мужа. Дорога до Москвы была дальняя, но вместе с тем легкая, так как на станциях проезжавших всегда ждали готовые ящики и тысячи раз наезженный маршрут. По прибытию в Москву они попали в объятия многочисленной родни. Сюрпризом оказалось то, что Геннадий Иванович приехал из Петербурга раньше и первым встречал семью в Москве. Затем их встречала родная тетка Елизавета Матвеевна Дерюжинская, но они чудом разминулись с дядей Николаем Матвеевичем Ельчаниновым, который незадолго перед их приездом был в Москве. Встречали их и тетки Варвара Григорьевна Зарина и Екатерина Григорьевна Болтина.

Невельские остановились в доме Григория Гежинского — отца тетки Варвары Григорьевны — и жили тут более трех недель. Екатерина Ивановна, как она сама писала, «повеселилась, потанцевала», а уж затем поехала с мужем в Кинешму, в ста шестидесяти верстах от которой располагалось родовое имение Г. И. Невельского Дракино. В самой же Кинешме, как уже знает читатель, проживала Мария Ивановна Купреянова, родная сестра Невельского, у которой поначалу они и остановились.

Геннадий Иванович, которому из-за отъезда великого князя за границу не давали ни какой штатной должности и считали состоявшим по флоту, попросился в отпуск. Он получил его на полгода для устройства домашних дел. Сначала Геннадий Иванович уговаривал жену ехать

в Петербург, оставив детей в Кинешме на попечение няни и сестры Марии Ивановны. Екатерина Ивановна категорически возражала, поэтому решено было провести лето в Костромской губернии, набраться сил в деревне, а уж по окончании отпуска ехать в Петербург. При этом планировали обязательно заехать в Попово к дяде Николаю Матвеевичу.

Время медленно текло в заботах, в тревогах за будущее, в переписке с родными, в ожидании встреч с ними и в мелких радостях. По весне Невельские перебрались из Кинешмы в свое имение. Никто не навещал их, кроме Марии Ивановны. В письмах той поры у Екатерины Ивановны часто присутствуют воспоминания об Амуре, о жизни на Дальнем Востоке. «Мне удалось вести там необыкновенную жизнь, испытать такие странные случаи, что воспоминания о них заключают в себе много интересного и необыкновенного, тем более, что местность и жители, с которыми я имела дело в продолжении пяти лет, еще до нас были совершенно неизвестны, и мы первые русские, которые вступили в этот необжитой и дикой край».

В мае Невельские перебрались в Дракино, откуда Геннадий Иванович собирался пораньше уехать в Петербург. Екатерина Ивановна, общаясь об этом своему дяде, писала, что возможно Геннадию Ивановичу удастся заехать в Попово и сразу откомендовала: «Поверьте, что Вы найдете в нем много сочувствия, это — не один из светских чопорных людей, но простой, откровенный моряк, с теплым сердцем и доброю душою». А Екатерина Ивановна оставалась жить в Дракино, в костромской глуши, наслаждаясь деревенской жизнью, делясь в письмах всякими новостями и получая такие же от своих родных и знакомых. Из этих писем выясняется, что Мазаровичи и Зиновьевы (то есть Саша и Вера) в это время находились в Петербурге. Саша с мужем проживала на Фурштадской улице, искренне радуясь тому, что наконец-то наследственные дела завершились успешно: бессарабское имение отца Мазаровича досталось Ивану Семеновичу. Зиновьевы обзаводились покупками, собирались съездить за границу.

Екатерина Ивановна делилась своими впечатлениями о Дракине, которое по «своему разрушению и запущению» напоминало ей милое Внуково. «Дом большой, удобный, но весьма уже старый, садик был вычищен к нашему приезду и поэтому есть где побегать моим крошечкам. Остальные же строения в совершенном разрушении; скотоводство небольшое, запашки также, ибо половина оброчных, которые в Солигаличских имениях весьма выгодны, ибо весь народ мастеровой».

Смотря по ремеслу, они платили своим помещикам оброк в год от тридцати до шестидесяти рублей серебром.

Времени было много, лето стояло жаркое. Екатерина Ивановна и Геннадий Иванович впервые за совместную жизнь наслаждались полнейшим покоем, ходили купаться, собирали ягоды, готовили варенье, любовались своими окрепшими, жизнерадостными девочками. Живейшая переписка держала их в курсе событий родных, знакомых и сослуживцев. Двоюродный брат Никифор Невельской, служивший в Петербурге в Инспекторском департаменте Морского ведомства, сообщал, что Невельскому готовится хорошее спокойное место в Морском Ученом комитете, и что окончательно этот вопрос будет решен по прибытии Геннадия Ивановича в Петербург.

Екатерина Ивановна часто вспоминала такое далекое Внуково, где она еще несмышленной бывала с отцом, и которое по наследству перешло к брату Николаю. Предчувствуя скорую встречу с детскими местами, она теперь часто думала о Попове, где бывала у Николая Матвеевича, когда еще были живы родители. И эти воспоминания настраивали ее на грустные размышления, которыми она делилась с дядей: «Не имея ни отца, ни матери, мне часто кажется, что все родное, все фамильное для меня в Попове, там некогда мы бывали, все детские впечатления живы во мне до сих пор, усадьба Ваша для нас теперь как бы единственный островок родного угла, в нем слились все воспоминания об нашем семействе, ибо все остальное так исчезло, так рассеялось, как будто никогда не существовало».

Месяцы в Дракино вдали от всяких тревог проходили счастливо. Невельские набирались сил для будущей жизни в Петербурге. Они жалели, что отпуск Геннадия Ивановича подходит к концу. Эти нотки прозвучали в письме к дяде от 19 июля: «Вот мы и выезжаем из своих Дракинских развалин, хотя бы и желали еще провести там несколько времени; как бы не была дурна деревня, но летом она имеет много прелести, особенно для тех людей, которые редко ее посещают. Мы весьма приятно провели все время нашего пребывания в Дракине, и если бы не конец отпуска, то остались бы там подолее»¹⁴.

Из Дракина Невельские возвратились в Кинешму, и 28 июля Екатерина Ивановна написала дяде, что намеревается выехать отсюда 31 июля, чтобы 3 августа быть в Твери, а затем 5—7 августа приехать в Попово через Ржев. Она собиралась сюда вместе с детьми в сопровождении няни, служанки и одного мужчины. Геннадий Иванович

намеревался кратчайшим путем через Ярославль сразу же отправиться в Петербург.

Но вскоре обстоятельства в корне переменялись. Екатерина Ивановна, хотя и была беременна, но надеялась перенести дорогу благополучно и даже пожить некоторое время в Попове. По этой самой причине решили до Твери из Кинешмы плыть парохомом, а дальше добираться через Ржев до города Белого, рядом с которым располагалось Попово. 31 июля Екатерина Ивановна уведомила об этом дядю и просила встретить их. На всякий случай она же написала, что Геннадий Иванович, который собрался все-таки ехать вместе с семьей на пароходе до Твери, так как ему «страшно пустить свое семейство... по незнакомому пути. Может быть он и проведит меня сам и пробудет у Вас несколько дней».

... Тщетно дежурил Николай Матвеевич на пристани в Твери. Желанных и долгожданных родственников на борту парохода не оказалось. Вместо них пришло письмо из Петербурга от 11 августа, в котором Катя извещала «о горестном решении не заезжать к Вам в Попово. Что делать, видно не суждено мне испытать радость встречи...» Помешала этому беременность, а еще больше нежелание Геннадия Ивановича оставлять их одних на неопределенный срок. Как ни уговаривала Екатерина Ивановна мужа, тот оставался непреклонен. Он заверил жену, что летом следующего года такая встреча обязательно состоится. Позднее, в сентябре, в письме из Петербурга, Екатерина Ивановна сожалела, что послушалась мужа и не поехала в Попово. Впрочем и Геннадий Иванович сдержал слово: летом 1858 года мечта ее осуществилась.

Впереди был целый год, первый год жизни в Петербурге. Амурская эпопея завершена, и теперь Невельские твердо знали, что больше они никогда не вернутся на Дальний Восток...

ГЛАВА 5. НАВЕКИ ВМЕСТЕ

В Петербурге их встречали Саша Мазарович и Вера Зиновьева. Они уже подыскивали на Сергиевской улице (ныне улица Чайковского) им квартиру в доме номер 46, совсем недалеко от памятного Саше и Кате Смольного института благородных девиц. Получилось так удачно, что Мазаровичи и Невельские сняли квартиры на одной лестничной площадке, то есть жили напротив друг друга. Поначалу им пришлось поездить в поисках подходящего жилья, поискать его, но в конце концов остановились именно на этой квартире. Забегая вперед скажу, что этот дом обоим семьям пришелся по душе, и Невельские, например, прожили в этой квартире всю жизнь.

19 сентября 1857 года Геннадий Иванович был назначен членом Морского Ученого комитета. По поводу этого назначения впоследствии в исторической литературе о Невельском возникла целая легенда. А. К. Сиденснер в 1914 году написал, что туда назначали лишь тех, кто ни на что больше не был способен: «нюхать табак», как тогда выражались. А из этого допущения делался вывод, широко подхваченный и приумноженный последующими авторами, писавшими, что Невельского «нарочно запихнули туда», чтобы он никому не мешал.

Конечно, частица правды в этом, вероятно, есть — характер у Невельского был крайне вспыльчивый, прямой, и его резкие высказывания были многим не по нутру. Но на мой взгляд, все-таки дело не в этом. Невельской безнадежно отстал от офицеров, а тем более адмиралов боевого военного флота. Он стал исследователем, администратором, дипломатом, кем угодно, но не командующим, например, эскадрой. Став за пять лет из капитан-лейтенанта контр-адмиралом, Невельской не мог на таком уровне командовать соединением военных боевых кораблей. Это во-первых.

А во-вторых, Невельской возвратился из Амурской экспедиции, также как и Екатерина Ивановна, с расстроенным здоровьем. Он нуждался в длительном отдыхе и в лечении. Поэтому можно предположить, что Екатерина Ивановна была довольна, что после стольких лет напряженной службы на Дальнем Востоке муж сможет пожить спокойно. Он и сам с удовольствием воспринял такое назначение. Служить в Морском комитете было весьма удобно. Там он был не обременен занятиями, чувствовал себя свободно, много времени мог уделить семье и обработке материалов Амурской экспедиции, отчет о

которой собирался написать и опубликовать. Более того, занятия в комитете в какой-то мере помогли ему следить за развитием морских наук, писать инструкции для командиров кораблей, отправлявшихся в воды Тихого океана, давать заключения, рассматривать отчеты, рецензировать статьи для «Морского сборника» по дальневосточной тематике.

Екатерина Ивановна только радовалась такому повороту событий. Теперь можно прочно и навсегда вить семейное гнездо, заботиться о детях. Радость Невельских не смогли омрачить злопыхательские нападки некоторых министерских чиновников из моряков, обвинявших Геннадия Ивановича в гибели фрегата «Паллада», исподтишка пускавших слухи, что Амур, мол, все равно не очень пригоден для плавания; шепотком поносивших его за то, что не щадил жену и детей, что все это делал из-за карьеры. Со временем вся эта суэта утихла, а правда пробила себе дорогу.

Большой радостью стало для Невельских и всех их родственников возвращение из плавания Николая Ивановича Ельчанинова. Екатерина Ивановна очень гордилась братом и всячески расхваливала его дяде Николаю Матвеевичу. Она сообщила дяде о дальнейших намерениях брата, о которых он сам чуть позже написал ему же, что «его влекут сельские занятия» и что он «решился окончательно выйти в отставку». Он писал, что по зимнему пути придет к своему дядюшке, что пока он еще не совсем свободен.

Екатерина Ивановна, впрочем как и Геннадий Иванович, страстно желала иметь сына. Поздравляя дядю с рождением у кузины Екатерины Николаевны Кусаковой сына (его внука), она в новогоднем письме не утерпела: «От души желала бы Вам прибавить через три месяца еще такого же молодца, хотя не такого близкого для Вас, но все же родного, которому, вероятно, Вы не откажете частичку в Вашем сердце». Так надеялась она на рождение сына.

В эту зиму побывал у них муж кузины Иван Петрович Кусаков, знакомство с которым еще больше разбередило Катину душу, и ей еще больше и скорей захотелось повидать родные места. И она сердечно благодарила дядюшку, жаловавшего на недомогание, за настоятельные приглашения. В начале марта она уверила его, что в это лето они обязательно нагрянут в Попово: «Постараюсь, — писала она 2 марта, — уговорить Сашу ехать вместе со мною, надеюсь, что и мужу моему удастся взять отпуск на 28 дней, чтобы познакомиться с Вами».

Братец Николай добился-таки отставки и сразу же укатил в деревню, где с душевной радостью окунулся в сельскую жизнь. Молодой и энергичный, он смело ринулся наводить порядок в заброшенном отцовском имении. А затем он уехал в Симбирскую губернию в имение Елховка, принадлежавшее матери, с твердым намерением продать эту деревню. Находясь в Алатыре по этим делам, из писем сестер он узнал, что обзавелся еще одной племянницей. 8 апреля 1858 года у Екатерины Ивановны родилась дочь, названная Александрой. Сладкие надежды матери на появление сына не оправдались. Про себя она решила больше не иметь детей, и утешалась тем, что хорошие дочери также очень нужны. А забот прибавилось. Все-таки она рассчитывала на скорую поездку в Попово, но в конце мая сначала Оля, а затем Маша заболели корью, и поездка, запланированная на июнь и июль, откладывалась.

К этому времени прибавилось занятий и у Геннадия Ивановича. Деятельный Невельский не мог так вот вдруг отойти от амурских дел. Поначалу он принял активное участие в организации Амурской компании, а затем и в ее делах, даже заняв в ней пост одного из директоров. Учредители компании Дмитрий Бернадаки и Василий Рукавишников 14 ноября 1857 года представили в Сибирский комитет «Устав Амурской компании», цель которой состояла в развитии Приамурского края, в подъеме там торговли и промышленности. Учредители компании намеревались вести торговлю с жителями Приамурья, снабжать живших там русских, торговать с Китаем и Японией, ловить рыбу в Амуре, заниматься китобойным промыслом в Тихом океане, разрабатывать полезные ископаемые, принимать подряды и поставки, содержать пароходное сообщение на Амуре. Устав этот был рассмотрен, одобрен, и компания была оформлена.

Поэтому Екатерина Ивановна, жалуясь 3 июня дяде на мужа своей кузины Ивана Петровича Кусакова, которого «решительно не можем зазвать к себе», писала, что сидит дома, никого не видит и жестоко скучает. Ожидая полного выздоровления детей, она, готовясь к путешествию, в очередном письме 18 июня проклинала Петербург. «В Петербурге царствуют различные болезни, в том числе и холера, тоска страшная, хотя погода стоит и хорошая, но к чему она служит городским жителям, только к тому, чтобы глотать больше пыли и дышать дурным воздухом, начиненным разными вредными испарениями».

28 июня она известила дядю, что выезжает в Попово: «Мне так сильно хочется выехать из несносного Петербурга, что я невольно опасаясь»

юсь, чтобы снова что-нибудь не задержало нас». Геннадий Иванович, сообщив о всяких делах, хлопотах и протекциях, также добавил, что они едут: «Нас затрудняет дорога от Ржева до Белой (Белого. — А. А.) — авось Господь пронесет. Мы ведь к Вам гурьбой нагрянем».

О том, что было при встрече, мы можем только догадываться. Маленькая девочка Катя — племянница, которую едва и помнил-то, наверное, Николай Матвеевич, предстала перед ним добропорядочной матерью троих девочек. Разговоров и визитов по памятным местам, к дальним и ближним родственникам, в том числе в Смоленск и во Внуково к брату Николаю, хватило на два месяца. Побывала Екатерина Ивановна на могилах отца и матери, навестила семью отчима. В Попово 8 августа в жаркий летний день пришла радостная весть — письмо от Н. Н. Муравьева, написанное им 16 мая, о заключении Айгунского договора. Вот это письмо: «Любезный Геннадий Иванович! Сегодня подписан трактат в Айгуне. Приамурский край утвержден за Россию. Спешу уведомить Вас об этом знаменательном событии. Отечество никогда Вас не забудет, как первого деятеля, создавшего основание, на котором воздвигнуто настоящее здание. Целую ручки Екатерины Ивановны, разделявшей наравне с Вами и со всеми Вашими достойными сотрудниками труды, лишения и опасности и поддерживавшей Вас в этом славном и трудном подвиге. Искренне обнимаю Вас, благодарю и еще раз поздравляю». После этого пошли письма-поздравления от сослуживцев, друзей, официальных лиц, сподвижников...

Захотелось в Петербург, да и отпуск Невельского заканчивался. Он решил оставить семью в Смоленской губернии, а сам отправился в столицу. Оттуда 28 августа он написал письмо М. С. Корсакову, в котором передал некоторые подробности того, как в Попове восприняли весть Муравьева: «Я и жена от радости заплакали, даже старик дядя прослезился, и все приняло веселый вид...» Геннадий Иванович получил пожизненную пенсию в две тысячи рублей ежегодно, которая распространялась после его смерти на жену и детей. Он был также награжден орденом Святой Анны 1-й степени. Различные награды получили и его сподвижники, а Н. Н. Муравьев отныне становился графом Муравьевым-Амурским. Все это было очень радостно и приятно, да и дальнейшая жизнь семьи была прочно обеспечена.

Возвратившись в Петербург, Екатерина Ивановна занялась отделкой квартиры, которую они решили не менять. Брат Николай писал, что он занимается хозяйством, строит новый дом. Дядя собирался ехать для лечения за границу. Между тем, деятельность Невельского в

Амурской компании потребовала от него поездки за границу для переговоров о заказе пароходов. И он ездил в Англию через Финляндию, Швецию, Данию и Германию. Вообще, 1859—1860 годы стали для Невельского самыми активными в истории Амурской компании, в которую он втянул А. И. Петрова и Д. И. Орлова. Правда, последний умер в июне 1859 года.

Чтобы больше не возвращаться к деятельности Амурской компании, скажу о ее печальном финале. Хорошо задуманная и организованная, она, к сожалению, не пользовалась реальной поддержкой со стороны местных властей, хотя покровительство высшей сибирской администрации ей было обеспечено. При организации компании предполагалось, что она будет скупать по низкой цене соболей и реализовывать их на ярмарке по ценам, приносящим большие барыши. В совокупности с первоначальным капиталом, этих средств было бы достаточно для закупки хлеба, скота, сахара, свечей, железных изделий, стекла, обуви, земледельческих орудий и многого другого, необходимого для удовлетворения потребностей жителей Приамурского края.

Поначалу все так и шло. Но затем начались неудачи, никем и ничем не предусмотренные: на мелях лимана затонули два парохода, закупленные за границей, в результате чего пропали многие из доставленных товаров; местные власти вели себя с представителями компании возмутительно: они не только не обеспечивая ей условий для торговли, но и всячески препятствовали в этом, используя плавучие пароходы, баржи и лодки компании для своих целей, для перевозки солдат, доставки снаряжения, леса и прочих нужд.

Достаточно привести и такой факт. М. С. Корсаков, сменивший на посту генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева-Амурского, отказался купить в казну за 50 тысяч рублей поднятый компанией иностранный пароход, затонувший когда-то на Амуре, и тем самым не поддержал разорявшуюся Амурскую компанию. Еще более дикий факт произошел в Благовещенске, когда вновь назначенный губернатор Амурской области Н. В. Буссе заказал компании фонари для уличного освещения и пожарное оборудование для Благовещенска. И то, и другое было морем доставлено из Гамбурга. И вот теперь Буссе отказался от заказа, так как платить городу было нечем по неимению доходов. А компания не имела возможности взыскивать убытки. В конце-концов все это привело к тому, что Амурская компания прекратила свое существование. Ее основатели при этом сильно пострадали, в том числе и Невельской. Произошло это в 1863—1864 годах.

А теперь возвратимся к жизни Невельских. Помимо забот с компанейскими делами, у Геннадия Ивановича было немало занятий и в Морском Ученом комитете. К нему на отзыв поступали самые различные бумаги, но особое пристрастие он имел к дальневосточным вопросам. Так, его рук не миновала судьба мореходного училища в Николаевске-на-Амуре ¹.

Кстати, именно в этом училище постигал основы морского дела будущий прославленный флотоводец вице-адмирал Степан Осипович Макаров. Занимался Невельской и историей. В частности, при его участии 3 июня 1859 года комитет принял решение об организации группы по составлению истории русского военно-морского флота под руководством Елагина. В 1859 году Невельской начал читать и редактировать поступившие в «Морской сборник» записки своего активного сослуживца Н. К. Бошняка об Амурской экспедиции. Как известно, некоторые исправления, внесенные Геннадием Ивановичем, привели к неприятной переписке между ними на страницах этого журнала.

Еще весной стало ясно, что Геннадию Ивановичу не удастся провести лето с семьей — он был занят компанейскими делами. А кроме того Невельские продолжали поиски заложенного кем-нибудь имения в Пензенской губернии: Геннадий Иванович хотел купить его. Поэтому Екатерине Ивановне снова представилась возможность провести лето в родных местах, погостить у дяди и тети — самых близких из оставшихся родных. Я уже говорил, что по наследству Попово досталось Николаю Матвеевичу, Внуково — Ивану Матвеевичу, а теперь его сыну Николаю Ивановичу — брату Екатерины Ивановны. Сельцо Казачки отошло к Елизавете Матвеевне Дерюжинской, которая помногу и часто проживала там со своими детьми.

Подготовка к лету, как всегда, началась зимой, после возвращения в конце января Геннадия Ивановича из-за границы, когда все прояснилось и было обговорено на семейном совете: ранней весной Екатерина Ивановна едет в Казачки к тете Лизе, оттуда навещает всех родных, а к августу ждет там Геннадия Ивановича. Она писала к дяде в Попово, что не забудет его, но что ей хочется заехать в Казачки и повидать Дерюжинских. До отъезда, несмотря на холодный май, дети целый день провели в прекраснейшем Таврическом саду и успели там загореть.

Настойчиво звал к себе и брат, который просил навестить его вместе с дядей, когда они поедут в Казачки. О себе он писал, как и подобает молодому человеку, вступившему в самостоятельную жизнь, очень бодро: «Я живу себе в деревне один, сам живу в новом флигеле, читаю

много, получаю журналы, газеты, хожу по работам и могу смело сказать, что скука не заглядывает в мою душу, а напротив того, там царствует совершеннейшее спокойствие без вечных треволнений пустой городской жизни».

Так все и получилось в это замечательное лето. Екатерина Ивановна, как говорится, отвела душу. Уже в мае она была на Смоленщине, остановилась в Казачках у тети, у которой провела две недели, затем собралась ехать на неделю к кузине Кате, а по возвращении в Казачки ехать к брату во Внуково. В письме она раскрыла дяде дальнейшие планы на оставшееся лето: «Я бы не решилась так скоро оставить милых моих родственников, если бы не имела намерения на возвратном пути снова заехать к ним, — мне хочется, чтобы муж мой имел бы также случай пользоваться ласками истинных добрых родных моих. Геннадий Иванович будет во Внуково в августе, и в Петербург мы не воротимся ранее половины октября».

Во время ее разъездов дети постоянно находились в Казачках под надежным присмотром тети, отлично поправились, окрепли, набрались сил. Приезжал туда и Геннадий Иванович, там он повидался и с Николаем, который провожал гостившую у него сестру. Между ними шел основательный и оживленный разговор на такую щекотливую тему, как необходимость женитьбы Николая, где в хозяйстве уж очень была нужна хозяйка. Обсуждался также и новый вопрос о том, что в Смоленске собираются устроить телеграф.

Перебравшись в Петербург, Невельские зажили своей обычной жизнью. Продолжая искать имение, Невельской окончательно остановился на нескольких деревушках в Городищенском уезде Пензенской губернии и теперь беспокоился за исход сделки. Зиновьевы порадовали известием о рождении сына (4 декабря), названного в честь деда — Василием. Вера сообщила, что Петр Васильевич, занимая, должность председателя государственных имуществ в Курске, был произведен в надворные советники. После долгого молчания он в середине марта ответил и рассказал о деревенских новостях. В письме к дяде Екатерина Ивановна 30 марта 1860 года подробно рассказала о главных зимних событиях в их семье и о планах на лето. Таким главным событием стала покупка имения в Пензенской области: сельца Крежим и деревни Александровки с 341 душами мужского пола, записанных на Екатерину Ивановну, и деревень Ивановки и Теплый Ключ с 279 душами мужского пола, записанных на Геннадия Ивановича. В Государственном архиве Пензенской области сохранилось дело об этом и просьба Невельских о

введении их во владение этими именьями, а также о внесении их в дворянскую родословную книгу в часть по Пензенской губернии ².

В этом письме Екатерина Ивановна высказала очень дельные хозяйственные мысли: «Не знаю, удачно ли мы приобрели эти именья, но во всяком случае совесть у нас спокойна, мы сделали это по убеждению составить верное обеспечение детям нашим, не увлекались нисколько ни красотами местности, ни удобствами помещения, ни даже близостью к центру или хорошему сообщению, надеясь на все это в будущем, ибо теперь положительно ничего подобного мы не находим сами; но что делать с небольшим капиталом, нельзя быть взыскательным: или покупать выгодно да некрасиво, или удобно — без выгод. Мы выбрали первое, надеясь устроить своими трудами поместье. Дети во всяком же случае выиграют много в будущем с устройством железной дороги в Саратов, с распространением заводов и фабрик, а покамест мы понемногу будем устраиваться и довольствоваться тем, что есть, проценты на капитал будут довольно значительные. Вот все, об чем мы хлопотали при покупке с надеждами на будущее» ³.

Уточняя летние планы, в письме от 11 мая 1860 года Екатерина Ивановна, как всегда, сообщила семейные новости, среди которых было известие о том, что Геннадий Иванович взамен именина Анненского за Волгой приобрел (вернее обменял) новое имение вблизи Кинешмы, находившееся в трех верстах от города. Поэтому они выезжают 13 мая, проведут недели две в Кинешме у Марии Ивановны Купряновой, где Невельского будут вводить в управление новым владением, а затем на пароходе поедут до Симбирска, верстах в ста шестидесяти от которого в Алатырском уезде находится имение Елховка, записанное на Екатерину Ивановну и ее сестру Веру Зиновьеву. Они намерены остановиться там месяца на три, поэтому заранее предписали управляющему привести в порядок флигель, приготовив его к жилью. Оттуда они намеревались перебраться в Крыжин, написав туда соответствующее послание.

В начале июля Невельские приехали в Крыжин. «Вот уж неделю, как мы поселились в новоустроенном для нас флигеле, — сообщала 15 июля в очередном письме дяде в Смоленскую губернию Екатерина Ивановна, — Весьма, конечно, незатейливо по удобности; не быв никогда резиденцией господскою, Крыжин, разумеется, представляет мало удобств для жизни, нет ни садов, ни скота, ни птицы, ни строений, кроме самых необходимых для хлеба, который здесь засеивается в огромных размерах; как нарочно, чтобы более прельстить нас своими полями, нынешний год они необыкновенно хороши. Рожь великолепная,

густая, высокая, земля никогда не удобряется у нас, а потому нам с мужем как-то дико смотреть на такой урожай; ни в Смоленской, ни в Костромской ничего подобного не видали. Все хлеба и травы вообще удачны этот год в наших краях».

Как видно из приведенной части письма, супруги не решили в то время, где лучше устраиваться на лето в будущем — здесь или в Кинешемском имении: «В Крыжине местность довольно скудная, а под Кинешмой изобилует прекрасными местами». Времени у Невельских было много, отпуск Геннадий Иванович оформил на целых три месяца, и будучи людьми общительными и гостеприимными, они скоро перезнакомились с жившими невдалеке помещиками. Только жаль, пишет Екатерина Ивановна, что «все большею частью богатые». И почти каждое письмо она заканчивала примерно так же, как и это, теплыми словами о своем муже: «Он работает неутомимо, также как и везде, и при всяком случае целый день в полях, сам размеривает всю землю, обходит всех крестьян, одним словом, везде и всегда тот же деятельный добросовестный труженик».

К тому времени, возвратившись в Петербург, Невельские временно жили на другой квартире, видимо потому, что своя нуждалась в капитальном ремонте. Этим, наверно, и объясняется тот факт, что Н. И. Ельчанинов, приезжавший на короткое время в Петербург, 28 ноября 1860 года сообщал своему дяде в Попово, что жить будет в квартире Невельских на Фурштатской улице в доме Горянских. Так или не так, но все время до конца их дней постоянным адресом Невельских была Сергиевская улица, дом № 46. Николай Ельчанинов приезжал для того, чтобы показаться врачам, которые определили у него солитер, но как потом выяснилось, на самом деле лечить-то его нужно было от другой болезни.

В зимние месяцы Невельской по-прежнему был занят делами Амурской компании, а также работой в Морском Ученом комитете. Он не только давал отзывы, рецензировал, но и сам публиковал в «Морском сборнике» свои заметки, рецензии, напечатал там и краткий отчет об Амурской экспедиции, ставший основой для его известной книги «Подвиги русских морских офицеров на крайнем востоке России». Невельской был хорошо знаком со многими общественными деятелями, учеными, моряками, с некоторыми из них он дружил. Он принимал активное участие в заседаниях и работе Императорского Русского Географического общества. О круге знакомых Геннадия Ивановича и его месте в среде ученых писал 15 марта 1861 года М. С. Корсакову Болеслав

Казимирович Кукель, тот, который был начальником штаба у Н. Н. Муравьева-Амурского: «Тут были все знаменитости политико-экономические — Вернадский, Гагемейстер и прочие, были здесь Литке, Невельской, Чихачев и пр., встретился я тут с Перовским, Радде и с другими».

В конце 1860 и в начале 1861 годов во всех слоях общества широко обсуждалась предстоявшая крестьянская реформа. Не осталось она без внимания и в семье Невельских. Геннадий Иванович относился к ней сдержанно, беспокоясь за вложенные сбережения, а Николай Иванович 17 декабря сообщил дяде Николаю Матвеевичу из Петербурга: «Говорят, что к 19 февраля объявят крестьянам гражданские права с теми же обязательствами работы, которые существовали до сих пор». Он жил в это время у Невельских, и как настоящий сельский помещик весьма интересовался предстоящим актом. 16 февраля 1861 года он писал дяде о том, что «приближается знаменитый, давно ожидаемый день 19 февраля». И тут же: «В Петербурге зима идет весело, танцуют много и мало беспокоятся о будущем». С наступлением весны он уехал из Петербурга, тепло попрощавшись с сестрой, которой пожелал рождения сына — Екатерина Ивановна все-таки еще раз решила испытать судьбу, а себе теску-племянника. Никто и не гадал о том, что видятся они последний раз.

Реформа 1861 года повлияла на летний отдых семьи Невельских. Геннадий Иванович отправился «во все свои имения, для новых условий с крестьянами и распоряжений», а Екатерина Ивановна, к большому своему сожалению, должна была оставаться в Петербурге, а для детей снимать дачу. Она печалилась о муже: «Много хлопот, много трудов предстоит ему, и мне еще более жаль, что я ничем не могу быть ему полезна, даже присутствием своим для отдыха».

Перед отправлением на дачу к ним заехал Петр Васильевич Зиновьев. Он много выстрадал за прошедшую зиму, у него стали отниматься ноги. От него узнали о здоровье сестры Веры, по-прежнему проживавшей теперь уже с двумя детьми — Васей и Петей — в Курске. Сообщая эти новости дяде, Екатерина Ивановна отправила ему свою фотографию (не дошедшую до нашего времени), а также послала фотографию своих детей кузине Екатерине Николаевне Кусаковой и похвасталась, что родившийся у Саши сын — Коля Мазарович — растет миленьким и здоровым мальчиком.

Дача была снята в начале июня, а 9 числа Иван Семенович Мазарович писал Корсакову, что Геннадий Иванович уехал в Пензенскую губернию, а жена его с детьми поселилась с ними на даче в Колонии —

по дороге из Петергофа в Ораниенбаум, что место здесь прекрасное, «прогулок много совершенно деревенских, так что мы забываем, что Петербург в 27 верстах».

Екатерина Ивановна 14 июня в письме к дяде дополнила сведения Ивана Семеновича о даче, которая размещалась всего в пяти верстах от Петергофа. Она с сестрой часто навещала фонтаны и дворцы. «Даже дети мои в восторге, и Оля пресерьезно просила меня сделать подобные фонтаны у нас в деревне». Остальное время мы «никого не видим и живем с Мазаровичами совершенно семейною жизнью; мы наняли довольно большую дачу вместе и составляем одну семью». В этом письме она беспокоится о том, как справится со своими новыми обязанностями брат Николай, которого избрали мировым посредником, и от которого перестали приходиться письма — последнее было от 5 мая. Молчание окончилось тяжелейшим известием о том, что Николай скончался в имении соседки — в Бубново в самом конце июня 1861 года от язвы желудка. Напомню, что лечили его от солитера.

Но этим летом в семье Невельских произошло и радостное, давно ожидаемое событие: 14 сентября 1861 года родился сын, названный в память о брате Николаем. Теперь у сестер Саши и Кати было по мальчугану. Геннадий Иванович был безмерно счастлив: в сыне он видел продолжателя семейной традиции — будущего моряка. Но Екатерине Ивановне смерть брата, а затем рождение в муках сына достались нелегко. Она часто болела и в конце концов отважилась на заграничное лечение. Оправившись после родов, в октябре она уехала в Карлсбад — так назывался тогда известный курорт Карловы Вары — и пробыла там пять месяцев: «Я поехала совершенно больной; не могу сказать, чтоб поправилась окончательно, но впрочем вообще здоровье мое несравненно лучше. Вынесла я довольно много приятных впечатлений из моих путешествий, но, несмотря на это, с радостью возвращаюсь назад. Как ни хорошо в людях, у себя — лучше». Это письмо Екатерина Ивановна направила дяде 23 марта 1862 года. Как всегда, она подробно информировала его о семейных делах: Мазаровичи на лето едут во Внуково, которое теперь переходило к старшей дочери; у Веры тяжело болел муж, и она сама с разбитым здоровьем вынуждена была выехать лечиться в Швейцарию и, вероятно, к лету возвратится домой; передавала поклонны тете Елизавете Матвеевне Дерюжинской, жившей со своими детьми в Казачках, и говорила, что будет писать ей отдельно.

Собственные дети занимали ее постоянно: «Я сейчас хлопочу, сколько умею, о воспитании старшей девочки — на днях двенадцать, уроки

становятся весьма серьезными; много надо средств, чтобы вести образование хорошо и полезно дома. Мы отказываем себе во всем, чтобы справиться с этим делом, и все-таки я полагаю осенью Ольге сделать экстерн в одном из лучших пансионов». А на лето все собираются выехать в Костромскую губернию. О детях она могла писать много, как и о муже. В письме 27 апреля сообщала дяде, что Оля во всем делает большие успехи, а Маша по-русски читает плохо и только начинает читать по-французски: «Способности ее далеко не так блестящи, как Олины, и даже, как можно заметить, меньшей ее сестры Саши, которая решительно общая фаворитка и самая красивая из девочек; мальчуган мой, крошка Коля, — славный ребенок, спокойный и здоровенький, но слишком серьезный мальчик, должно быть, будет такой же философ, как папа».

7 мая Екатерина Ивановна с семьей, но без Геннадия Ивановича, которого задерживали дела, отправилась в Кинешму, сначала к сестре мужа, а затем в свое имение, которое почему-то называла Николаевским — уж не в память ли своего родного дальневосточного Николаевска они стали так называть свою деревеньку? Вскоре Екатерина Ивановна по телеграфу вызвала мужа, и тот немедленно приехал, провел с семьей месяц, а затем уехал в Пензенскую и Симбирскую губернии. «У нас маленький, но преудобный и прехорошенький домик, — хвасталась она дяде 20 июня 1862 года, — крошечный садик, три коровы, три лошади, четыре четверти посева, одним словом, миниатюрная ферма, обрабатываемая вольным трудом. Все, что нам недостает для хозяйства, мы покупаем в окрестных деревнях и в городе, который от нас в семи верстах. Жизнь наша очень уединенная, потому что людей мало, да мы их не ищем, семья своя так велика, что скучно не бывает одним; деревня летом так хороша, так приятна, что я решительно не променяю ее ни на какие заграницы, Петергофы и проч.»

К осени Невельские возвратились в Петербург, зима прошла в обычных заботах. Больше всего было хлопот с разорявшейся Амурской компанией; очень беспокоили всех польские события, начавшиеся в январе 1863 года. Ими поспешила воспользоваться Пруссия, что вызвало острую реакцию со стороны Франции, Великобритании и Австрии. Эти державы предприняли несколько политических демаршей, и в России понеслись слухи о войне. Те самые слухи, которые заставили Екатерину Ивановну 16 апреля 1863 года написать дяде такие слова: «Все вокруг становится грозно, и в частной, и в политической жизни, здесь только и говорят о войне, всюду как-то ожидают несчастий и горя; я отложила свою поездку за границу и еду в Костромскую губернию».

А тут новое несчастье обрушилось на семью Ельчаниновых: скоропостижно скончалась кузина Екатерина Николаевна Кусакова, дочь Николая Матвеевича. Она оставила отцу и мужу малых сирот. Екатерина Ивановна и Геннадий Иванович вместе с ними пережили и это горе, эту особенно тяжелую для Екатерины Ивановны потерю сразу же после кончины единственного родного брата — ведь она с детских лет была дружна со своей тезкой-кузиной. Очень волновало их то, каким образом дядюшка и Иван Петрович Кусаков будут управляться со всеми малолетними Кусаковыми.

Как писала Екатерина Ивановна в очередном письме дяде, лето семья провела в своем имении в Костромской губернии вблизи Кинешмы, в своем собственном Николаевском, порассуждала еще раз о безвременной смерти его дочери, сообщила, что Мазаровичи проводят лето в Царском Селе, что Зиновьевы все еще за границей и думают вернуться лишь осенью, а сама она возвратится в Петербург в середине сентября. Объехав вместе с ней имения, Геннадий Иванович провел с семьей неделю и уехал в Петербург. В этом же письме она сообщает о перемене адреса — и снова вместе с Мазаровичами. Это еще раз подтверждает мысль о том, что выезжали Невельские лишь в случаях ремонта здания на Сергеевской, где они жили постоянно. В это время их новым адресом был дом Брука, угол Знаменской и Второго Спасского переулка.

Начало 1864 года ознаменовалось производством Г. И. Невельского в вице-адмиралы. Радовались все близкие и друзья, сослуживцы, приходили поздравления от сподвижников по Амурской экспедиции, дорогих Геннадию Ивановичу людей, — все радовались заслуженному событию в жизни этого замечательного человека. А когда родные и близкие собрались у него на квартире чтобы должным образом отметить это событие, то нашлось много, добрых, проникновенных слов и о Екатерине Ивановне, которая с полным правом разделяла радость мужа.

В это время в переписке Екатерины Ивановны с дядей по не выясненной мной причине наступил перерыв. Можно думать, что наша героиня была нездорова. Видимо лето, проведенное в Костромской губернии, а намек на то, что именно там она собиралась провести его, имеется в одном из писем, — не принесло ее здоровью улучшения. Во всяком случае, в письме от 24 апреля она сообщала, что прохворала всю зиму с 1864 на 1865 год, хотя по-прежнему энергично занималась воспитанием детей.

Гувернантки уже не удовлетворяли Екатерину Ивановну, так как они попросту не могли дать детям многого, поэтому приходилось

искать хороших учителей по всем предметам. Так, для обучения дочерей музыке она приглашала известного впоследствии композитора Милия Алексеевича Балакирева. Лишь маленький Коля пока мог пользоваться услугами гувернантки. А это, писала она дяде, «стоит мне очень дорого и дает мне бездну хлопот, так что здоровье мое даже не выдержало, я была очень серьезно больна и вообще всю зиму хворала. Теперь опять-таки совершенно нездорова, и доктора находят во мне какую-то болезнь, посылают меня за границу лечиться; не решаясь оставить семейство без себя, я решаюсь ехать со всею детворою, но уже на целый год, а не на короткий срок, ибо иначе финансы наши не выдержат».

Планы эти были согласованны с сестрой Сашей, которая также собиралась ехать со своим мальчуганом. Геннадий Иванович сопроводить их не мог по двум причинам: летом, во время отпуска, он должен был объехать имения, да и «служба не позволяет, да и средства уменьшаются, а теперь только и можно рассчитывать на казенное содержание, с деревней почти ничего не получается». Он обещал приехать к семье в Швейцарию зимой, и то на короткий срок. Вера Зиновьева не могла составить своим сестрам компанию, так как ее муж Петр Васильевич тяжело болел, с трудом ходил на костылях, и врачи не давали ему никаких надежд на окончательное выздоровление.

О том, что все так и произошло, как было запланировано, мы узнаем из письма Екатерины Ивановны от 9 июня 1866 года, отправленном из Рогозинихи. В нем она в частности сообщила, что «здоровье мое хотя частью и поправилось после моей поездки за границу, однако же все была довольно в плохом состоянии во все время, пока продолжалась зима, это вынудило выехать в деревню ранее, чтобы иметь более времени поправиться и укрепить также детей». Врачи рекомендовали Екатерине Ивановне пройти второй курс лечения в Карловых Варах, но она не решилась снова ехать туда. «Слишком много издержек по теперешнему курсу, а потому я привезла воды с собой в Петербург и пью ее дома, делая также и щелочные ванны по совету доктора; может быть, Бог поможет мне вылечиться окончательно, жизнь моя покамест необходима — детей много... Теперь живу около Кинешмы вот уже месяц, поджидаю на этих днях мужа, который берет отпуск месяца на два». Сообщает она также и том, что Мазаровичи находятся во Внуково, а Вера возвратилась из-за границы, куда все-таки выезжала, и, кажется, поправилась, что жизнь их в Петербурге идет размеренно и уединенно, они никуда не выезжают и гостей не принимают, но скучать им не приходится.

Последнее письмо племянницы к дяде, сохранившееся в большом кожаном переплетенном томе Николая Матвеевича Ельчанинова, датировано 12 января 1867 года и отправлено из Петербурга. В нем содержатся обычные новости, есть упоминание о том, что на несколько дней она заезжала в Москву, где убедилась в том, что П. В. Зиновьев по-прежнему тяжело болен, сын его Вася — хороший, здоров, а Вера снова уехала за границу. В письме нет никакого упоминания о сыне Пете. Екатерина Ивановна напоминает дяде, что дети ее уже подросли, что Оле уже скоро тринадцать лет, а Коле — пять. «Жизнь наша течет очень скромно, тихо... я никуда не выезжаю, кладем все, что имеем, на воспитание детей, которое стоит страшно дорого. Но что делать, образование есть лучший капитал, который мы оставим своим детям, все остальное дело наживное».

Несмотря на то что с этого года мы уже не имеем такого точного источника, как письма Екатерины Ивановны, из других архивных материалов можно составить представление о последних годах Невельских: зимой служба и обучение детей, летом — выезд в свое имение в Костромскую губернию, откуда Невельской иногда один, а иногда с Екатериной Ивановной отправлялся в Симбирское и Пензенское имения. Так, в июле и августе 1867 года они были в Рогозинихе, откуда Невельской ездил в Крыжин. То же повторилось и в 1868 году, когда семья все лето провела в костромском имении близ Кинешмы, а Невельской приезжал к ним только на четыре недели. В 1869 году Екатерина Ивановна с детьми все лето провела в Смоленской губернии, побывала во Внуково, где постоянно отдыхали Мазаровичи, постояла на могиле брата и отца, а Геннадий Иванович опять-таки навестил Пензенское имение. В 1870—1872 годах семья вновь проводила летние месяцы в Костромской губернии, а Геннадий Иванович ездил в свои пензенские имения.

Зимними месяцами воспитывали детей. Если девочки получали домашнее образование и сдавали экстерном экзамены за курс пансионата, то сын Николай готовился к поступлению в Морской корпус и, к неопишуемому восторгу Геннадия Ивановича, был принят в него. Здоровье же самого Невельского ухудшилось, он часто болел, все реже появлялся в Морском Ученом комитете, а в 1872 году по настоянию врачей был вынужден на зиму уехать в Италию, где и пробыл до марта 1873 года. Сохранилось письмо из Флоренции от 29 октября 1872 года, в котором он извещает Морской комитет, что там он намерен пробыть всю зиму и доверит получать пенсион только что произведенному в генерал-майоры Ивану Семеновичу Мазаровичу. Можно предполо-

жить, что он навестил и своего сослуживца по Амурской экспедиции Николая Константиновича Бошняка, находившегося на излечении в Северной Италии. Судя по фирменному знаку фотографии, сделанной в Венеции в 1872 году, на которой изображены Геннадий Иванович с сыном Николаем, можно сделать вывод, что Невельской был в Италии с семьей. Этому факту я нашел подтверждение в письме Е. Королько Николаю Матвеевичу от 20 ноября 1872 года: «Невельские были с детьми в сентябре у брата в Казачках проездом в Италию; муж мой ездил также туда для свидания с ними, познакомился с Геннадием Ивановичем, и он пришелся очень ему по душе».

Лето после возвращения из Италии, то есть лето 1873 года, Невельские провели в своей Рогозинихе под Кинешмой, в Заволжье. В это время у Геннадия Ивановича возник конфликт с местным исправником, на которого он впоследствии жаловался губернскому начальству. А весной 1874 года шайка из пяти человек дважды (в ночь с 1 на 2 и с 17 на 18 марта) грабила Рогозиниху. Невельской вел обширную переписку с костромскими и кинешемскими властями, в которой затрагивались вопросы управления именем, выражались собственные взгляды на крестьянский вопрос, в частности, на отмену крепостного права. Есть документы, в которых рассматриваются вопросы происхождения Невельских. В 1867 году возникла и долго продолжалась переписка по поводу того, что сведения о рождении Г. И. Невельского в 1813 году в Дракино по оплошности священнослужителей своевременно не были вписаны в метрическую книгу.

Все эти годы Геннадий Иванович и Екатерина Ивановна работали над книгой. Сначала исподволь, потихоньку собирая материалы и обдумывая каждый ее раздел, а затем, когда они почувствовали приближение старости, когда их стали одолевать болезни, оба стали отдавать этой работе все силы. Иногда Геннадий Иванович обращался к своим бывшим сподвижникам, часто встречался с Чихачевым, сделавшим блестящую карьеру, с Петровым, сохранившим много материалов по истории Амурской экспедиции, с Рудановским, помогавшим своему начальнику документами о путешествиях по Сахалину. Невельской принимал самое близкое участие в судьбе тяжело больного Бошняка, встречался с аккуратным исполнителем Ворониным...

Последние годы жизни Геннадия Ивановича и Екатерины Ивановны можно без преувеличения назвать годами подвига обоих: они упорно трудились над книгой. Екатерина Ивановна не только создавала условия для спокойной работы мужа, но и сама всемерно помогала ему, хотя

уж никак не могла похвастаться здоровьем. Она воспоминала различные события, переписывала рукописи Геннадия Ивановича, не отличавшегося разборчивым почерком. А Невельской провел 1874 год весьма активно, несмотря на то что часто болел. Радостным событием для семьи стало присвоение 1 января 1874 года Невельскому чина адмирала, или как принято было говорить, полного адмирала, — высшего в то время звания в военно-морском флоте. В таком качестве он с 7 мая по 21 сентября председательствовал в Морском Ученом комитете вместо ушедшего в отпуск адмирала С. И. Зеленого. Он посещал заседания Императорского Русского Географического общества, находил силы председательствовать в Обществе содействия русскому торговому пароходству. Но, несомненно, главным его занятием в 1874—1875 годах была работа над рукописью будущей книги.

Если Геннадий Иванович трудился над рукописью, то готовила ее к изданию Екатерина Ивановна. Она дважды сдавала ее переписчику для снятия двух копий, она сама вычитывала текст, нашла редактора и вела с ним все переговоры по изданию. Рукопись вышла вначале под названием «Действия наших морских офицеров в 1849 по исход 1855 года на отдаленном Востоке нашего Отечества и их последствия». 5 декабря 1875 года эта работа вместе с письмом мужа была передана ею в Морской Ученый комитет уже с резолюцией великого князя Константина: «Печатать 800 экземпляров на счет казны». Но труднее всего ей пришлось зимой 1875—1876 годов, когда к заботам об издании рукописи прибавились постоянные хлопоты о муже, который долго болел.

Видимо и сам он, не рассчитывая на собственные силы, 29 апреля 1874 года явился к петербургскому нотариусу в сопровождении понятых и завещал лично ему принадлежавшие усадьбу Рогозиниха с деревнями Мякотихой, Морозовой, Безводной, Губачевой, Исаевой и Булавиной в Кинешемском уезде Костромской губернии; деревни Ивановку и Теплый Ключ в Городищенском уезде Пензенской губернии и, наконец, свое родовое имение Дракино с деревнями Запольской, Вяхоревой и Евковой.

Много хлопот в последние годы жизни Невельских доставляли им дочери, старшая из которых — Ольга — собралась замуж за морского офицера Леонида Владимировича Сорохтина. Подумывали о замужестве и младшие дочери. Последним известным нам документом, подписанным самим Г. И. Невельским, стало его заявление в Морское училище о приеме сына Николая в младший приготовительный класс. «Если он, — говорилось в этом прошении, — по медицинском освидетель-

ствовании не окажется способным к морской службе или не удовлетворит условиям приема, а также, если в последующее время начальство училища признает нужным, вследствие дурного его учения или поведения исключить его из числа воспитанников, то я обязываюсь, по первому требованию училища без замедления взять его обратно на свое попечение». Заявление написано Екатериной Ивановой 1 апреля 1876 года и подписано рукой Геннадия Ивановича: «Адмирал Невельской». И снова указан адрес: «Жительство имею по Сергиевской улице, в доме № 46».

Это было за две недели до смерти Г. И. Невельского. Болезнь взяла верх, и 17 апреля в 10 часов вечера его не стало. Как значится в метрической книге Сергиевского собора об умерших за 1876 год, «Адмирал Геннадий Иванович Невельской семнадцатого апреля тысяча восемьсот семьдесят шестого года умер от органического порока сердца 63-х лет от рождения, а двадцать первого того же апреля погребен на кладбище Воскресенского женского монастыря». Ныне оно известно под названием Новодевичьего.

Осиротела квартира Невельских. Отдать последний долг знаменитому мореплавателю и исследователю пришли все любившие, знавшие и уважавшие его. Кончину Невельского почтили на Дальнем Востоке, на его родине — в Костромской губернии, в Географическом обществе и в Морском министерстве. Газеты Петербурга, Москвы и Костромы, а позднее — Дальнего Востока поместили о нем некрологи. Первыми откликнулись газеты «Голос», «Кронштадтский вестник», «Всемирная иллюстрация», «Иллюстрированный вестник», а затем и другие. Повсюду отмечалось, что «Невельской был одним из главных деятелей по присоединению Амура к России», а Петербургское Общество для содействия русскому торговому пароходству, заслушав страстную и проникновенную речь выдающегося деятеля Севера М. К. Сидорова, постановило «украсить его (отделение общества. — А. А.) портретом друга мореходства». Это портрет Геннадия Ивановича Невельского был широко известен по многим публикациям, выходящим до 1950-х годов, пока мною не были найдены и введены в научный оборот четыре ранее неизвестных фотографии адмирала.

Со смертью Геннадия Ивановича все заботы Екатерины Ивановны сосредоточились на детях и на издании рукописи мужа. Неоценимую услугу ей в это время оказали Мазаровичи. Иван Семенович постарался, чтобы в ближайшее же время семью Невельских обеспечили пенсией: Екатерине Ивановне были положены 640 рублей 42 копейки,

каждому из детей — по 160 рублей 10 копеек в год. Пенсион в 2 000 рублей, полученный Невельским за Амурскую экспедицию, распространялся и на семью. Были, разумеется, еще и доходы от имений, сохранялись и кое-какие сбережения.

К сожалению, нам плохо известны подробности жизни Екатерины Ивановны в недолгие годы ее вдовства. Все было отдано детям, их воспитанию, устройству их жизни. Сохранились несколько записок к петербургским знакомым, в которых она извещала о готовности видеть их у себя в назначенное время. В числе этих записок есть адресованная композитору М. А. Балакиреву, послания некоторым костромским помещикам, жившим в Петербурге. Подписи Е. И. Невельской имеются на двух документах. Оба они связаны с изданием книги. Первый датирован 19 апреля 1877 года. Это — расписка о получении из Морского Комитета оригинала рукописи: «Подлинную рукопись покойного адмирала Г. И. Невельского с картами на 4-х листах и засвидетельствованную копию с этой рукописи вдова адмирала Екатерина Ивановна Невельская получила 19 апреля 1877 года». А еще через год, в 1878 году, она получила оговоренные Геннадием Ивановичем 800 экземпляров книги своего незабвенного мужа, с полным правом носившей такое название: «Подвиги русских морских офицеров на крайнем востоке России в 1849—1855 гг. При-Амурский и При-Усурийский край. Посмертные записки Адмирала Невельского. Изданы супругою покойного Екатериною Ивановною Невельскою». На одном из экземпляров есть дарственная надпись Екатерины Ивановны: «А. П. Петрову в память мужа моего. Е. Невельская». Эта книга была подарена общественному деятелю Костромской губернии, ныне она хранится в Научной библиотеке города Костромы. С мужем Екатерина Ивановна находилась до конца, а когда его не стало, то жила его делами, его памятью, его детьми.

Мы точно не знаем, когда ее дочери вышли замуж. Можно предположить, что первой еще при жизни матери вышла замуж самая младшая — Александра — за помещика Платона Михайловича Охотникова, в те годы офицера. Предположение это основывается на дате рождения их первого ребенка — 1880 год. Ольга Геннадьевна вышла замуж за упоминавшегося офицера Л. В. Сорохтина, а Мария Геннадьевна — за сына Болеслава Казимировича Кукеля — Андрея Болеславовича, скорее всего сразу после смерти матери, в 1880—1881 годах.

Екатерина Ивановна в зиму 1878—1879 года тяжело болела. Она скончалась 8 марта 1879 года, совсем ненадолго пережив своего мужа,

хотя и была моложе его — ей шел только сорок седьмой год. Через полтора года сын Невельских Николай, как написано в документах, был «уволен из училища 31 августа 1881 года на попечение сестры». Эти бумаги содержат подпись Ольги Геннадьевны Невельской (но не Сорохтиной) о получении копии метрического свидетельства брата и других документов. Женат Николай не был. Он умер, предположительно, в 1919 году. Ольга Геннадьевна детей не имела, с мужем разошлась, жила и скончалась во Франции, в Ницце 13 октября 1933 года. Она написала и издала во Франции в 1894 году книгу о своем отце — первую биографию Г. И. Невельского. Мария Геннадьевна имела двоих сыновей — Сергея и Владимира Андреевичей Кукелей-Краевских. Оба стали моряками. Владимир командовал эскадренным миноносцем «Керчь», потопившим в июне 1918 года в Новороссийске Черноморский флот. Умерла Мария Геннадьевна также предположительно в 1919—1920 годах. Что же касается потомков Марии Геннадьевны Кукель, то все они проживали в СССР — в Омске, Ленинграде, Москве.

Больше всех детей имела Александра Геннадьевна Охотникова — трех дочерей и двух сыновей. Она оказалась за границей. Потомки Невельских по этой линии и ныне проживают во Франции, Бразилии и США. Александра Геннадьевна скончалась в Париже в 1929 году и похоронена на старом русском кладбище недалеко от Парижа, возле Старческого Дома.

Вот и завершается наш рассказ о Невельских, которые прожили вместе трудную, но счастливую четверть века. Вместе они покоятся и на кладбище. Их могилы охраняются государством в лице Военно-Морского флота. Они всегда убраны, там всегда есть цветы. Память Невельских священна, особенно на Дальнем Востоке, где почти в каждом городе их именами что-нибудь да названо. Кроме памятников во Владивостоке, Хабаровске, Николаевске-на-Амуре существует город Невельск на Сахалине, пролив Невельского, им открытый и исследованный, фарватер Невельского, другие географические объекты. А в проливе Невельского есть мыс Екатерины, — так увековечил имя своей возлюбленной суровый капитан. Нет ни одной книги по истории Дальнего Востока, в которой не упоминалось бы имя Г. И. Невельского, редко какая работа обходится и без упоминания его супруги. Их помнят и чтят на Дальнем Востоке. И будут это делать всегда.

Москва, 31 июля 1988 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

Глава 1. С Амуром в сердце

¹ Алексеев А. И. Геннадий Иванович Невельской. — М.: Наука, 1984. — С. 25—26.

² «Советская военная энциклопедия», т. 5, с. 562, называет датой рождения Г. И. Невельского 23 ноября 1813 г. В статье сделана ссылка на книги А. И. Алексеева «Дело всей жизни» и «Сподвижники Г. И. Невельского».

³ Алексеев А. И. Геннадий Иванович Невельской... — С. 26.

⁴ Кондуит — журнал для записи провинившихся.

⁵ Н. К. Краббе с 1860 по 1876 гг. являлся управляющим Морским министерством. Главой флота был генерал-адмирал великий князь Константин Николаевич, брат императора Александра II. По «Положению» от 27 января 1860 г. во главе флота и Морского министерства стоял генерал-адмирал, наделенный правами министра. Хозяйственной частью министерства заведовал на правах товарища (заместителя) министра управляющий министерством. При отсутствии генерал-адмирала управляющий Морским министерством выполнял его функции, пользуясь соответствующими правами. В 1867 г. управляющему Морским министерством были предоставлены права министра, генерал-адмирал руководил ведомством лишь номинально. Должность морского министра была введена лишь в 1905 г. вместо упраздненных должностей генерал-адмирала и управляющего Морским ведомством.

⁶ А. И. Алексеев. Геннадий Иванович Невельской... — С. 29.

⁷ Фут равен 0,305 м.

Глава 2. Открытия подтвердили забытое

¹ В состав Первой Тихоокеанской эскадры в период русско-японской войны 1904—1905 гг. входила канонерская лодка «Гиляк», погибшая в Порт-Артуре.

² В конце 1920— начале 1930-х гг. в составе флота Акционерного Камчатского общества находился пароход под названием «Тунгус».

³ Архив внешней политики России, фонд Главный архив 1—9, д. 9, л. 5—5 об.

⁴ Так обращались к светлейшему князю. Этот титул Александр Сергеевич Меншиков носил по наследству.

⁵ И в значительно более поздние времена — в начале XX века, в период железного парового судоходства, — заход транспортов в Петропавловск обычно приурочивался к началу мая.

⁶ Невельской Г. И. Подвиги... — СПб., 1878. — С. 76—77.

⁷ Центральный государственный архив военно-морского флота (ЦГА ВМФ), ф. 410, оп. 2, д. 276, л. 26—30 об.

⁸ Шканцы — часть верхней палубы от грот-мачты до бизань-мачты (то есть от второй от носа до третьей мачты трехмачтового корабля), главное почетное место на корабле. На двухмачтовом корабле район шканцев назначался приказом по Морскому ведомству.

Глава 3. С любимым — рай на Амуре

¹ Это здание оказалось связано с драматическими событиями в истории нашей родины, получившими название «Великой Октябрьской социалистической революции». Один из внуков Екатерины Ивановны, будучи командиром эскадренного миноносца «Керчь», выполняя распоряжение советского правительства, 18 июня 1918 г. торпедами потопил корабли Черноморского флота, предотвратив тем самым их захват германскими войсками в порту Новороссийска. Командовал «Керчью» В. А. Кукель (Кукель-Краевский).

² Алексеев А. И. Дело всей жизни. — Хабаровск, 1972. — С. 132—133.

³ Алексеев А. И. Хозяйка залива Счастья. — Хабаровск, 1981. — С. 73—74.

⁴ Материалы Государственного архива Смоленской области (ГАСО).

Глава 4. Любовь и счастье, беды и несчастья

¹ АНТ — самолет конструкции Андрея Николаевича Туполева АНТ-25, совершивший в июне 1936 г. беспосадочный перелет из Москвы через Северный Ледовитый океан, Петропавловск-Камчатский на о. Удд (ныне о. Чкалова).

² Сажень равна 2,13 метра.

³ Невельской Г. И. Указ. соч., с. 121—122.

⁴ ЦГА ВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 415, л. 145 об.

⁵ Алексеев А. И. Дело всей жизни. — Хабаровск, 1972. — С. 145.

⁶ Угличанинова М. С. Воспоминания воспитанницы Смольного монастыря сороковых годов. — М., 1901. — С. 46—47.

⁷ Алексеев А. И. Дело всей жизни... — С. 14.

⁸ В. А. Римский-Корсаков — старший брат композитора Николая Андреевича Римского-Корсакова.

⁹ ГАСО, ф. 112, д. 5, л. 119—121 об.

¹⁰ Невельской Г. И. Указ. соч., с. 359—360.

¹¹ ГАСО, ф. 112, д. 14, л. 5 об.—6 об.

¹² Римский-Корсаков В. А. Балтика — Амур / Сост. Б. П. Полевой. — Хабаровск, 1980. — С. 222—223.

¹³ Государственный исторический архив Московской области (ГИАМО), ф. 864, оп. 1, д. 2, л. 865 об.

¹⁴ ГАСО, ф. 112, д. 5, л. 49—50.

Глава 5. Навски вместе

¹ Это учебное заведение после закрытия Охотского порта в 1850 г. было перенесено в Петропавловский порт. Его воспитанники проходили морскую выучку на кораблях Камчатской флотилии, в 1854 г. они принимали участие в отражении нападения англо-французского десанта на Петропавловск. В начале 1855 г. численность учившихся составляла всего 19 человек. В марте 1855 г. при эвакуации порта в Николаевск-на-Амуре училище было перенесено туда же и получило наименование Николаевского.

² Государственный архив Пензенской области (ГАПО), ф. 196, оп. 2, д. 2082.

³ Из материалов ГАСО.

СОДЕРЖАНИЕ

К читателю	3
А. И. Алексеев	5
От автора	12
И еще: предуведомление	13
Глава 1. С Амуром в сердце	15
Глава 2. Открытия подтвердили забытое	51
Глава 3. С любимым — рай на Амуре	92
Глава 4. Любовь и счастье, беды и несчастья	124
Глава 5. Навеки вместе	174
Примечания	194

Александр Иванович Алексеев

ЛЮБОВЬ, АМУР, СЧАСТЬЕ Историко-художественная повесть

Редактор С. В. Гаврилов
Набор текста Т. А. Шубиной
Верстка и макет С. В. Гаврилова

Лицензия ИД № 02187 от 30.06.2000 г. Подписано в печать 25.06.2003 г.
Формат 60×84/16. Гарнитура Times New Roman. Печать офсетная.
Авт. л. 10,82. Уч.-изд. л. 11,01. Усл. печ. л. 12,11.
Тираж 150 экз. Заказ 325.

Издательство Камчатского государственного технического университета.
683003, г. Петропавловск-Камчатский, ул. Ключевская, 35.
Отпечатано ЧП «Оперативная полиграфия».
683000, г. Петропавловск-Камчатский, ул. Ленинская, 46.

Семья Невельских: сверху — Геннадий Иванович, второй ряд — дочери Ольга и Мария, третий ряд — сын Николай, супруга Екатерина Ивановна, дочь Александра

Е. И. Невельская

М. Г. Невельская

О. Г. Невельская

Н. Г. Невельской

Г. И. Невельской с сыном Николаем. Италия 1872—1873 гг.

Геннадий Иванович Невельской в чине вице-адмирала

Екатерина Ивановна Невельская, 1860 г.

Один из жилых домов усадьбы Купряновых — Невельских в г. Кинешма,
сохранившийся до наших дней

А. И. Мазарович
(в девичестве Ельчанинова)

Первый памятник Г. И. Невельскому, установленный
во Владивостоке в 1891 г.

М. Г. Кукель с сыновьями Сергеем и Владимиром

Владимир Андреевич Кукель
(Кукель-Краевский)